ISSN 1829-0485

Вестник

Российско-Армянского

Университета

гуманитарные и общественные науки

(4)

Издательство РАУ

N 1/2007

Российско-Армянский (Славянский) государственный университет

Печатается по решению

Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(4)

Издательство РАУ

N 1/2007

Оглавление

Проблемы методологии

Вопросы регионалистики

Страницы отечественной истории

Научные сообщения

Проблемы университетского образования

Публицистика

Вопросы методики

Из унивеситетской жизни

Наши юбиляры

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Р.А. МИРУМЯН

Политика и обусловленные ею процессы стали контекстом социального бытия современного человечества, что вызвало настоятельную потребность в адекватном знании о них. В данной ситуации весьма закономерно выдвижение политической науки в ранг одной из значимых академических дисциплин гуманитарного блока научного знания, призванных ответить на кардинальные вопросы современности, напрямую связанные с перспективой выживания человечества. Сегодня политическая наука должна быть ориентирована на разрешение вопросов о том, какого будущее политики и, следовательно, какова роль личности в современном обществе, а через это и какое будущее выстраивается для человечества в целом. Но готова ли политическая наука должным образом ответить на подобный вызов эпохи?

Уже при самом общем взгляде на считающуюся авангардом современной политической мысли западную политическую науку становится очевидным тот факт, что она все ещё не сложилась в некое единое целое. Понятие «политическая наука» страдает неопределенностью смыслового содержания, что объясняется отсутствием в ней чёткой структурированности, аморфностью теоретико-методологических оснований и зыбкостью границ предметного поля. И это несмотря на то, что весь предыдущий – XX век был веком формирования и интенсивного взаимодействия различных исследовательских школ и направлений политической мысли, вызвавших к жизни ряд интересных концепций, которые не только стали предметом изучения исследователей (как западных, так и российских), но и оказали большое влияние на программы современных политических партий, а их авторы (Дж. Роулз, Ю. Хабермас и другие) стали консультантами некоторых политических деятелей. Что касается российской политической науки, то она находится на стадии своего институционального закрепления и формирования поля для интегрирования в мировую (западную) политическую науку. Очевидно, что политическая наука как в западном, так и в российском своих вариантах нуждается в совершенствовании, одним из важнейших условий достижения чего является определение (или восстановление) статуса политической философии в системе современного политического знания. Обоснованием данного тезиса может послужить идейно-политическая панорама современной эпохи.

В подготовленном в 1982г. «Долгосрочном плане ЮНЕСКО » на период с 1984 по 1989 годы с целью выделения мировых проблем (голод, различные виды неравенства, загрязнение окружающей среды, гонка вооружений, развитие, мир и т.д.) было отмечено следующее: огромное количество исследований о современном состоянии и перспективах развития человечества, разнородность использованных в них методов анализа и игнорирование духовно-нравственных ценностей не только не способствовали, но и реально осложнили объективное восприятие и оценку международной ситуации, что свидетельствует о необходимости рассмотрения мировых проблем прежде всего на уровне философской рефлексии. Проблема видится в том, что обусловившие практику II половины XX века идеи вызвали к жизни неожиданные для мирового сообщества последствия главным образом потому, что они не были достаточно глубоко проанализированы с философской точки зрения.

Между тем имеющая ярко выраженное политическое содержание проблематика современности для своего осмысления и развития требует именно философского подхода. Так, стоящая на повестке дня человечества проблема распространения демократии заключает в себе ряд аспектов, адекватный анализ которых возможен лишь с помощью философской рефлексии.

1. На родине современной демократии – в Великобритании и США – она возникла для «потребления» рассово, этнически, конфессионально и социально гомогенных групп, составляющих абсолютное меньшинство населения. Только через весьма большой промежуток времени демократические принципы были распространены на всех граждан указанных стран. Данное обстоятельство порождает ряд вопросов, которые не актуальны и ответы на которые невозможны с точки зрения «позитивной» науки: а) чем обернётся осуществляемое сегодня механическое перенесение политических форм, достигших своего современного состояния в процессе длительного развития на глобализирующейся мир, в одном временном модусе совмещающий находящиеся на различных ступенях культурно-исторического развития народы; б) как скажется подобное совмещение на этнокультурном и этнонациональном разнообразии в мире; в) уложимо ли это многообразие в известные демократические институты; г) насколько целесообразна подобная «укладка» с точки зрения перспективы выживания человечества.

2. Заслуживает внимания тот факт, что между идейными основаниями советской «политической науки» и концептуальными установками современной теории демократии несложно провести определённую параллель. Советская «политическая наука» хотя и признавала разнообразие современных политических систем, однако сводила это разнообразие к противопоставлению двух – буржуазной и социалистической - систем. С конца 50-ых годов советский политологический дискурс стал исходить из идеи «соревнования», воспринимаемого как борьба капитализма и социализма. Несколько позднее появилась концепция развитого социализма, которая основывалась на представлении о наличии развивающихся социалистических стран, образцом для которых был СССР. В современной теории демократии наблюдается некоторое смещение акцентов. Идея борьбы с тоталитарным режимом сменилась идеей «соревнования», между тем активно использующийся в недавнем прошлом дискурс «борьбы» сегодня применяется лишь в отношении терроризма. Кроме того, политический лексикон расширился вследствие появившейся тенденции деления стран на страны «развитой» и «развивающейся» демократии, фактически отражающего соотношение современных политических акторов. "Лидерство" и "развитие" представляется в качестве образца политического устройства, не нуждающегося в дальнейшем развитии. К странам же "развивающейся" демократии причисляются "новомобилизованные" страны. Идея развитого социализма оказалась чреватой геополитическим взрывом на известном пространстве мира. Какова перспектива концепции развитой демократии: обеспечение исторического будущего лишь для избранных народов, глобальный крах или глобальное процветание?

Очевидно, что сама идея глобализации (очередная в истории человечества) предполагает рассмотрение истории как некоего целостного процесса, что делает невозможным ранжирование исторических периодов. При таком подходе перспектива исторического развития должна определяться через осмысление её направленности, цели и смысла, что, в свою очередь, станет основой восприятия истории и политики в качестве двуединого духовного процесса (что, собственно, и являлось одной из методологических установок классической философии истории, включавшей в себя и политическую философию). В результате политическая наука и политическая практика могут отказаться от неоправдывающей себя тенденции ограничения всего социокультурного разнообразия жизни границами выдвигаемой теории, которая в данном случае будет рассматриваться всего лишь как апробируемая гипотеза, пусть даже и весьма привлекательная.

3. Специфической особенностью современной политической ситуации является нивилирование границ внутренней и внешней политик, что объяснимо появлением и постепенным углублением авторитарных тенденций в международных отношениях. Это обстоятельство весьма усложняет утверждение демократии в границах отдельных стран, что вызывает необходимость уточнения перспективы развития международных отношений: будут ли обеспечены условия для распространения принципов демократии в международных отношениях, или, наоборот, принцип авторитаризма станет основой осуществления внутренних политик.

4. Актуальный для человечества переход к новому цивилизационному витку обусловлен формированием новых ценностей, осуществляемым на основе переосмысления системы ценностей техногенной культуры, в том числе и в политико-правовом сознании. Общеизвестно, что одна из величайших достижений техногенной культуры – современная демократия – является весьма эффективным средством управления сложными социальными системами вследствие обеспечиваемых ею обратных связей. Однако вследствие ускорения социальной жизни выявляются и обостряются особенно дефекты демократии. Так, к примеру, сегодня власть всё более явственно ориентируется на решение тактических, а не стратегических задач, в результате чего чувство ответственности за настоящее и будущее поколения, страны и человечества сменяется стремлением победить на очередных выборах. "Побочным эффектом" этого стремления является использование новых технологий с целью программирования массового сознания. Последнее сводится к различным формам информационного насилия, квалифицируемого как свободный выбор личности. Тем самым ставится под сомнение фундаментальная идея демократии – идея прав человека. Процесс глобализации постоянно порождает новые плоскости в проблематике прав человека и, в первую очередь, проблему защиты личности от информационного насилия. Кроме того, политические реалии современности таковы, что всё острее становится потребность в осмыслении проблемы соотношения идеи прав человека и идеи прав народов. Объясняется это тем, что под прикрытием идеи прав человека в разных странах мира совершаются военные акции, сопровождаемые гуманитарными катастрофами. Создание биотехнологий, в свою очередь, породило возможность манипулирования биологической основой человеческой жизнедеятельности, что выявляет ещё один аспект идеи прав человека. Последняя изначально

была определена как идея естественных прав, по существу, предполагающая некий инвариант человеческой природы, единый у всех людей планеты.

Порождаемая эрой информационной цивилизации проблематика особо нуждается в определении перспективы существования и выживания человечества ещё и по той причине, что в информационном обществе доминирующую роль начинает играть культура. «Если жизнь информационного общества определяется производством и использованием информации, то культура, то есть сфера информационно-семиотической деятельности, становится основой жизни этого общества. Совершенно не оправданно представление, что состояние культуры лишь "отражает" условия общественной жизни и что культурные достижения лишь "отвечают" объективным потребностям общественного развития. В идущем сейчас процессе становления информационного общества новации в культуре всё больше определяют характер изменений в обществе»[1].

Вполне очевидно, что человечество должно взять на себя ответственность за выбор наиболее оптимального направления развития культуры. Первичным условием реализации подобного выбора является выявление новых мировоззренческих ориентиров, формирующихся в научном, художественном, нравственном, политико-правовом сознании эпохи. Такой анализ может быть проведён лишь на уровне философской рефлексии и причиной тому является сама природа философского знания.

Философия - высшая форма самосознания культуры, рефлексия над её предельными основаниями, то есть система мировоззренческих универсалий или базисных ценностей культуры. Последняя представляет собой некую программу (модель) социальной жизни, тем самым обуславливая воспроизводство и смену определённого типа общества. Данная способность философии и является предпосылкой её двуединой природы. Философия представляет собой критику (отрицание) наличного бытия (в интересующем меня случае – определённого политического устройства) и вместе с тем утверждение некоей интеллектуально-духовной перспективы (конструирование идеала политического устройства). В этом, собственно, и заключается одна из важнейших цивилизационных функций философии[2].

Уже в античной Греции одним из важных предметов зарождающейся философии становится политика (её природа, основания, принципы, формы правления и важнейшие институты). В границах осмысления политического бытия древнего грека философия выступает и как построение определённого идеала политического устройства. Платонова философия, к примеру, является попыткой осмысления политических реалий древнегреческого полиса и определения путей и средств их трансформации. В рамках античной философии философия Платона представляет собой достаточно полно разработанную социальную концепцию, порождённую спецификой жизненного пространства древнего грека и духовно-нравственными потребностями античной эпохи[3].

Потребность в философской рефлексии над политическими реалиями носит вневременной характер. Между философией и политикой существует генетическая связь, имеющая две плоскости: умозрительно-рефлективную и ценностно-нормативную. Специфика философского мышления такова, что оно направлено на осмысление основ человеческого общежития и необходимых для его осуществления институтов, проблем бытия человека, в том числе и его бытия в пространстве политики, принципов жизни индивида и системообразующих принципов человеческого сообщества. Философия каждой культурной эпохи (Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время, Современность) представляет собой особый стиль и способ методологической рефлексии над миром политического. Как форма осмысления мира политики философия, по существу, является способом самоопределения политики в культуре, критического анализа политики и трансформации ее оснований[4].

Вместе с тем в самой природе политики, как и других видов культуротворчества (науки, религии, искусства), заложена потребность в культурной «легитимизации», обеспечиваемой в плоскости философского мышления. Философия есть единственный и потому, собственно, вечно востребованный способ вписывания известных форм культуротворчества, в том числе и политики, в систему культуры, а именно: определения места, роли и значения политики в системе культуры, интеграции политики с различными сферами культуры и обеспечения связи между ними и политикой. Исполняя в отношении политики отмеченные функции , философия и выступает как политическая философия.

В свете вышеизложенного кажутся неприемлемыми фигурирующие в современной политической науке и на сегодняшний день еще не вполне преодолённые две точки зрения. Согласно первой из них историю политической философии правомерно начинать с Нового времени. Согласно второй проблематично само существование политической философии в системе современного политического знания. На первый взгляд кажущиеся автономными эти точки зрения не только взаимосвязаны, но и обуславливают и дополняют друг друга. Более

того: вторая из указанных точек зрения, по существу, является логическим продолжением и завершением первой.

Из приверженцев первой точки зрения можно назвать, в частности, К. Гаджиева. Определяя политическую философию как рефлексию над политическим бытием, он утверждает, что она могла возникнуть при наличии определенных условий, сложившихся лишь в Новое время, как-то: формирование и утверждение самого мира политического, понятия политического в самом широком и глубинном его значении и понятий второго порядка – государство, власть, право, свобода и т. д.[5]. Исходя из этого, период от античности до XVII в. включительно Гаджиев называет предысторией политической философии (как и политической науки в целом), значение которой он наблюдает в накоплении и трансмиссии от поколения к поколению политического и политико-философского знания. Данный подход позволяет ему квалифицировать как неправомерную точку зрения некоторых современных исследователей, считающих возможным применительно к античному времени говорить о политической философии и политической науке как о вполне сложившихся самостоятельных научных дисциплинах[6]. Свою позицию Гаджиев объясняет отсутствием единой непрерывной традиции политической философии от античного периода до наших дней. Он называет ряд произошедших в политико-правовом сознании Нового времени качественных на его взгляд изменений, способствовавших формированию политической философии: утверждение идеи личности с особыми неотъемлемыми правами и свободами; осознание факта существования противоречий и конфликтов между обществом и государством; вызревание институтов, ценностей и идей гражданского общества. Вследствие этих изменений мир политического вычленился в качестве самостоятельной подсистемы человеческого социума, что явилось важнейшей предпосылкой возникновения политической философии.

Обращаясь к вопросу о времени появления самого понятия «политическая философия», Гаджиев рассуждает следующим образом. Античные мыслители затрагивали проблемы политической философии, специально не оговаривая данное обстоятельство. Исключение в этом смысле составляет Аристотель, который, однако, использовал это понятие весьма редко. К тому же русский перевод многих понятий античной мысли не всегда адекватно передает их первоначальный смысл. Понятие, утверждает К. Гаджиев, «не может быть отделено от феномена, выражаемого им, и установление времени его происхождения и эволюции зачастую служит ориентиром для установления примерного времени возникновения и соответствующего феномена... Соответственно каждое конкретное понятие, призванное обозначить ту или иную научную дисциплину, может возникать лишь по мере формирования и институционализации этой дисциплины, а никак не раньше. Тем более понятия, возникшие в наше время, никак нельзя использовать для обозначения дисциплин, существовавших в прошлом, множество веков или более двух тысячелетий назад»[7].

Суть концепции Гаджиева сводится к следующему. Политическая философия возникла на определённом этапе исторического развития общественно-политической мысли. Главной предпосылкой её формирования и утверждения явилось расчленение гражданского общества и мира политического на самостоятельные подсистемы человеческого социума. Она явилась результатом длительного процесса отпочкования от общей философии социальных и гуманитарных наук, их дальнейшей диверсификации[8]. Данная концепция не выдерживает критики ни в общем, ни в отдельных своих аспектах.

В своих рассуждениях Гаджиев отправляется от теории «распочкования», возникшей на основе формирования вопроса о взаимоотношении всеобщего и частного знания и вследствие выявления недостаточности натурфилософских построений Нового времени. Основы этой теории были заложены в XVIII в., но своё окончательное оформление она получила в XIX в. в работах основателя позитивизма О. Конта. Осознав действительный кризис натурфилософии и рост частнонаучного знания, Конт предположил, что в результате формирования частных наук, постоянно сужающих рамки философии, «предмет» философии должен «распочковаться». По его мысли, философия должна быть растворена в позитивном знании и выступать как учение о науке вообще и о методах частных наук, тем самым не выходя за границы совокупного научного знания.

Теория «распочкования» имеет определённый смысл, если исходить из наиболее распространённого в науке и обыденном сознании того времени «староантичного» понимания философии как научного знания вообще – протознания, пранауки, преднауки. Соответственно такому пониманию философии Аристотель подразделял последнюю на теоретическую (математика, физика, метафизика), практическую (этика, экономика, политика), изобразительную (поэтика, риторика, искусство). В эпоху средневековья подобное восприятие философии сохраняется не только в европейской, но и в армянской культурной традиции[9]. Отдельные науки выделились (начиная с XVв.) именно из протознания, в

известное время получившего название «философия». Но история философии даёт возможность выявления ещё одного понимания философии – как учения о всеобщем (теоретическом), ведущего своё начало от Аристотеля. В рамках философии (как протознания) Аристотель выделил в отдельную дисциплину «первую философию», предметом которой назвал всеобщие основания бытия: «... имеются три умозрительных (теоретических – Р.М.) учения: математика, учение о природе, учение о божественном...умозрительные науки предпочтительнее всех остальных, а учение о божественном предпочтительнее других умозрительных наук. В самом деле, мог бы возникнуть вопрос, занимается ли первая философия общим или каким-нибудь одним родом [сущего], т.е. какой-нибудь одной сущностью (physis): ведь неодинаково обстоит дело и в математических науках: геометрия и учение о небесных светилах занимаются каждая определённой сущностью [physis], а общая математика простирается на всё. Если нет какой-либо другой сущности (oysia), кроме созданных природой, то первым учением было бы учение о природе. Но если есть некоторая неподвижная сущность, то она первее и учение о ней составляет первую философию, притом оно общее [знание] в том смысле что оно первое. Именно первой философии надлежит исследовать сущее как сущее – что оно такое и каково всё присущее ему как сущему»[10]. Тем самым античный мыслитель обозначил проблему «философия – наука», которая, став актуальной во все последующие культурные эпохи, продолжает оставаться таковой и в современную эпоху. Если решение поставленной им проблемы Аристотель свёл к установлению определённой иерархии между «первой философией» и частными науками, то в дальнейшем намеченная им линия была подведена к разграничению и противопоставлению науки о всеобщем наукам о «единичностях» (И. Кант, И.Г. Фихте, Ф.В. Шеллинг, Г.В.Ф. Гегель).

Понимание философии как теории всеобщего распространено и в наше время[11]. Что касается учения Конта, то её правомерно охарактеризовать как очередную в истории западного мышления версию проблемы «философия – наука». Тем более, что она фактически относится лишь к одной стороне философии – научной. А последняя является не единственной ипостасью философии. Примечателен тот факт, что Гаджиев, изменяя логике собственных рассуждений, так определяет политическую философию: «... мир политического имеет много измерений – социально-экономическое, структурное, функциональное, социокультурное, конфессиональное, историческое, концептуальное и т.д.... В качестве объединяющего их начала выступает мировоззренческое измерение, центральным элементом которого выступает политическая философия»[12].

С другой стороны, позиция Гаджиева является отражением господствующей в современной политической науке, как и в современных общественных науках вообще, тенденции отказа от тех способов объяснения, которые выходят за рамки методологических установок позитивистской науки. Последняя не только выступает критерием и образцом научного познания, но и олицетворяется с научным познанием вообще. Подобная методологическая экспансия не только не способствует обеспечению фундаментальности исследования, но и лишает её смысла и ценности. Ведь фундаментальность исследования необходимым образом предполагает осмысление различных концепций политики как минимум в границах западного мышления не только в синхронном, но и в диахронном планах. Особый акцент при этом требуется ставить на концепциях прошлого, поскольку содержащийся в них смысл продолжает оставаться актуальным, тем самым создавая возможность для диалогов и дискуссий между их авторами и современными исследователями. Результатом подобной связи может явиться образование некоего вневременного смыслового пространства, содержащего достаточно длинный ряд концепций, авторы которых будут выступать равноправными участниками дискурса.

Однако с позитивистской точки зрения концепции прошлого представляют лишь исторический интерес. Подлинное познание не может основываться на исследовании концепций прошлого, а, наоборот, должно быть построено по образцу современных наук о природе. «Достижения великих мыслителей переосмысливаются в соответствии с критериями или способами объяснения, совершенно им чуждыми. О них судят либо в соответствии с тем местом, которое им отводят в предыстории науки (например, чем меньше внимания они уделяют Благу, тем больше они к истинному методу, и в этом смысле Макиавелли сделал гораздо больше, чем Платон), либо их интерпретируют с исторической или социологической точки зрения, считающейся исключительной: всякое произведение выражает лишь дух своей эпохи или логику интересов, ни один мыслитель не способен преодолеть своё время или своё социальное положение, не существует ни универсального разума, ни вневременного суждения»[13]. Думается, что именно подобное отношение к интеллектуально-духовному наследию прошлого позволило Гаджиеву считать прерогативой Нового времени широкий

комплекс идей и принципов, явившихся, как полагает он, необходимым основанием для возникновения политической философии[14].

Подобная направленность мысли по меньшей мере страдает методологической некорректностью. Вероятнее всего речь здесь может идти о том, что в специфических для Нового времени условиях характеристика мира политического, а также смысловое содержание отмеченных Гаджиевым понятий, идей и принципов претерпели определённую, пусть даже весьма радикальную, трансформацию сообразно духу и потребностям данной эпохи.

Ведь само слово «политика» и производные от него понятия, в том числе и понятие «политическое» произошли от греческого слова «полис», означающего особую форму античного города-государства, представляющего собой пространство социального и политического бытия древнего грека. Кроме того, значительная часть фундаментальных для политики, политической философии и политической науки понятий, идей и принципов возникли еще на заре древнегреческой цивилизации. Еще с самого начала своего развития древнегреческая цивилизация предполагает достаточно развитую политическую жизнь и политические формы. В рамках жизнедеятельности древнего грека пространство политики было весьма обширным, что является свидетельством исключительной важности для него политических процессов и отношений. Греческая цивилизованность вообще предполагает интенсивную политическую жизнь значительной части населения полиса, гражданин которого выступает в различных политических качествах.

Из политических достижений и ценностей древнегреческой цивилизации наиболее значительными можно назвать следующие: а) возникновение интенсивной гражданской, государственной жизни, основанной на объединении разнообразных хозяйственных, культурных и собственно политических дел, интересов и функций; б) появление новых политико-правовых институтов, в том числе и демократических, то есть работающих на принципах выборности, добровольности, соблюдения общественного долга, деятельность которых вылилась в единую структурированную систему законодательной, совещательной и исполнительной власти; в) утверждение различных форм государственного устройства и политики (консервативно-аристократические и новаторско-демократические полисы); г) формирование, выявление в острых политических и философских дискуссиях и относительно единые для греков, и разъединяющие разные полисы политико-правовые ценности и идеи; д) выявление и сталкивание частных, в том числе и частнособственнических интересов граждан, формирование и борьба социальных групп и их «партий»; е) превращение политики не только в сферу столкновения различных интересов, но и в сферу пусть относительного согласования во имя выживания общества, государства как целого; ж) усовершенствование в сфере регулирования отношений между народами – в межполисной внутри греческой политике и в общении с другими народами.

Но важность политического «эксперимента» греков заключается прежде всего в том, и это наиболее значимо в контексте рассмотрения концепции Гаджиева, что ими было выработано «само понятие о правах и обязанностях человека, о неприкосновенности для других «частной», «личной» жизни и свободы, включающей право частной собственности (прежде всего право на земельное владение, куплю-продажу земельного участка), право на свободно выбираемый образ жизни, на формирование и выражение собственных взглядов... политика в Древней Греции и, по существу, впервые в истории, не только открыла, но и реализовала возможности отстаивания совокупных индивидуальных прав и возникновения государственно-правовых, идейно-нравственных гарантий. Философское их обоснование быстро приобрело огромное социокультурное значение»[15]. Весьма привлекательна еще одна черта политической жизни Древней Греции, а именно: наличие множества частных, неофициальных, добровольных (в современной терминологии – «неформальных»)объединений граждан. По замечанию Ю.Б. Устиновой, трудно назвать страну и эпоху, где «активность частных ассоциаций была бы выше, чем в Древней Греции. Это объясняется характерной для Древней Греции тесной связью между корпорациями и гражданской общиной – полисом. Еще Аристотель, перечисляя разнообразные корпорации в Греции, от родовых и культовых объединений до увеселительных клубов и товариществ для оказания взаимного кредита, обращал внимание на то, что «все сообщества являются частями гражданского целого» [16].

Не менее спорной является позиция Гаджиева и по вопросу о времени происхождения самого понятия «политическая философия». Постулируя принцип, согласно которому понятие не может быть отделено от феномена, выражаемого им, и, следовательно, обозначающее некую научную дисциплину понятие может возникнуть лишь по формировании этой дисциплины, Гаджиев выводит из этого, на мой взгляд, весьма справедливого принципа неправомерный вывод о том, что понятие «политическая философия» является продуктом Нового времени и что одним из первых его применил И. Гердер[17]. По представлению Гаджиева, именно с этого

момента и начинается, собственно, история политической философии. Не думая оспаривать у Гердера право первенства в применении понятия «политическая философия» в рамках Нового времени, хочу, однако, подчеркнуть, и это признает сам Гаджиев, что понятие «политическая философия» используется еще Аристотелем: «Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественно цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т.е. то, что служит общей пользе. По общему представлению, справедливость есть некое равенство: это положение до известной степени согласно с теми философскими рассуждениями, в которых разобраны этические вопросы. Утверждают, что справедливость есть нечто имеющее отношение к личности и что равные должны иметь равное. Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем – неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии»[18]. Приведённый мною тезис Аристотеля дает основание считать понятие «политическая философия» прерогативой античности, а Аристотеля – первым, кто ввел это понятие в научный оборот.

Если же находить из характерного для античности понимания философии как науки, знания в целом (episteme), то можно сделать утверждение о том, что политическая философия (в терминологии Аристотеля – нередко и наука политики), будучи частью практической философии, была ориентирована на выявление общих принципов нравственно-политической деятельности, осмысление сущности общественных отношений и назначения гражданина полиса, определении нравственных и правовых норм и основанной на них цели общественной (государственной) жизни и т.д. «Всякое искусство и всякое учение, а равным образом поступок (praxis) и сознательный выбор, как принято считать, стремится к определенному благу. Поэтому удачно определяли благо как то, к чему все стремится... Разве познание его (наивысшего блага – Р.А.) не имеет огромного влияния на образ жизни? И словно стрелки, видя мишень перед собою, разве не вернее постигнем мы должного? А если так, надо попытаться хотя бы в общих чертах представить себе, что это такое и к какой из наук, или какому из умений имеет отношение. Надо, видимо, признать, что оно, [высшее благо], относится к ведению важнейшей [науки, т.е. науки], которая главным образом управляет. А такой представляется наука о государстве, [или политика]»[19].

Намеченная в античности тенденция осмысления науки о политике продолжает свое существование и в эпоху средневековья. С середины XIII века на основе схоластики возникает ученая дисциплина, получившая, как и в античности, различные названия: «политическое искусство» (ars politica – Альберт Великий), «политическая наука» (scientia politica – Фома Аквинский), «политическое учение» (doctrina politica – Лауро Гвирини), «божественная гражданская наука» (sanctissima civilis scientia – Себастьян Брант). После ряда трансформаций эта дисциплина превращается в современную науку о политике.

Вопрос о времени появления понятия «политическая философия» можно рассмотреть и в другом аспекте. По мнению Гаджиева, в разработке основополагающих постулатов политической философии сыграла целая плеяда ученых, философов и мыслителей Нового времени, среди которых особое место по праву принадлежит Канту и Гегелю. В своих работах Гегель нигде не использует понятие «политическая философия». Свой фундаментальный труд, посвящённый материям, покрываемым этим понятием, он назвал «Философия права». Начиная с Т. Гоббса, в работах английских авторов утверждаются понятия «моральная философия», «философия государства», «правление закона» (rule of low). Эквивалентом последних в Германии служило понятие «философия права», широко используемое теоретиком исторической школы права Г. Гроцием. Но во введении к своей работе «Политическая философия» Гаджиев отказывает Аристотелю в праве использования понятия «политическая философия» только на том основании, что последний использовал это понятие весьма редко. Кроме того, Гаджиев упрекал античных мыслителей в том, что они, затрагивая проблемы политической философии, не считали нужным специально оговаривать это.

С другой стороны, использование Гегелем понятия «философия права» вместо понятия «политическая философия» Гаджиев оправдывает тем, что формирование права и правового начала имели ключевое значение для радикальной трансформации самого мира политического в современном смысле этого слова[20]. Но подобная логика рассуждений необходимым образом предполагает признание за Сократом права использования понятия «политическое искусство» (Платон: «Горгий»), за Аристотелем – право определения своего учения о добродетели как «разновидности политической науки» (Аристотель: «Никомахова этика», «Риторика»), а за древнегреческими мыслителями вообще – право на формирование и утверждение тех идей и принципов, которые, как уже было отмечено выше, сыграли определённую роль в радикальной трансформации оснований политической жизни древнего грека.

В данной плоскости немаловажным является и тот факт, что «Философию права» Гегеля Гаджиев называет не только философией права и философией свободы, но и политической философией. Основанием для подобной характеристики работы Гегеля Гаджиев видит в том, что «автор «Философии права» излагает свое понимание принципов формирования и функционирования мира политического, политической организации общества. Важнейшие проблемы добра и зла, права и закона, семьи, собственности, гражданского общества и т.д. рассматриваются в их соотнесенности с государством»[21]. Но в таком случае политической философией можно назвать «Государство» и «Законы» Платона, «Никомахову этику», «Политику» и «Афинскую политию» Аристотеля, а также достаточно длинный список работ авторов Средневековья и эпохи Возрождения.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что политическая философия имеет многовековую историю, в которой в свете концепции Гаджиева можно выделить два больших периода: классический (от эпохи античности до Нового времени) и современный. Что касается самой концепции Гаджиева, то в целом ее можно охарактеризовать как эклектическую, непоследовательную и внутренне противоречивую.

Причина видится в том, что у Гаджиева наблюдается неоднозначное отношение к методологическим установкам позитивистской науки. Очевидно, что выказывая нейтральное, в определённом смысле даже критическое отношение к позитивизму, Гаджиев выстраивает ряд основополагающих для его концепции принципов и идей, коррелирующих именно с методологией позитивизма. Но проблема не ограничивается склонностью Гаджиева к тем или иным принципам позитивистской методологии. Суть проблемы заключается в том, что позитивистская парадигма не просто проблематизирует существование политической философии в системе современного знания. Доведённая до своего логического конца, она попросту исключает не только необходимость, но и саму возможность существования политической философии на современном этапе развития политического знания. Между тем Гаджиев не только встраивает политическую философию в систему современного политического знания, но и обосновывает необходимость политической философии на современном этапе развития политической науки. Позиция Гаджиева представляет собой типичную для позитивистов ситуацию несоответствия между тем, что утверждается, и тем, что делается. «Дискурсивная деятельность разоблачает эксплицитный дискурс»[22].

Однако, для самоопределения политической философии в системе современного политического знания необходимо преодолеть ряд действующих в нём факторов, наиболее значимыми из которых являются следующие.

1.Ценностно-нейтральные претензии современной политической науки, как и современной науки вообще.

2.Фрагментация политического знания, создающая видимость самодостаточности «позитивного» научного знания, поддерживаемая его рыночной востребованностью. Данный процесс является результатом дифференциации современного знания вообще, в свою очередь отражающая дифференциацию сфер и модальностей современной жизни.

3.Стремление к деидеологизации форм общественного сознания.

4. Попытка отказа от утопического мышления.

Перечисленные факторы являются следствием тенденции отказа от философского мышления, начало которой было положено Контом и фактически не преодолённой и в наши дни, хотя «официально» о кризисе позитивизма было «объявлено» ещё в начале 60-х годов прошлого века. Отмеченная тенденция развивалась одновременно в двух направлениях.

Сформировавшиеся в XIXв. по образцу естественных наук новые социальные науки в течение XXв. заняли господствующее положение в тех областях знания, которые традиционно принадлежали философии. Использование арсенала современной науки при исследовании собственно политических реалий было осуществлено несколько позднее, и этому процессу мешала многовековая философская традиция. О сложности процесса перехода к нефилософской политической науке может свидетельствовать хотя бы то, что трижды за прошедшее столетие менялось отношение к политической философии. На рубеже двух веков − XIX и XX − понятие «политическая философия» и «политическая наука» зачастую использовались в качестве синонимов. Не случайным кажется тот факт, что во второй части своей «Позитивной политики» Конт исследует проблемы, выходящие весьма далеко за рамки собственно политических проблем, как то: семья, язык, религия, собственность, разделение труда и т.д. Исходя из этого, Р.Арон назвал Конта «философом в социологии и социологом в философии»[23]. В период второй институционализации западной политической науки, приходящийся примерно на 50-70гг. XXв., была выдвинута идея о «разрыве традиции» и «смерти политической философии» (Г. Ласлет), который, однако, вскоре был преодолён самим

же автором этого тезиса. Тем не менее в этот период научный способ понимания политики стал основным и продолжает оставаться таковым и сегодня.

2. В XIX - XX вв. развитие современной философии шло в направлении отказа от самого принципа создания универсальных мировоззренческих систем. Вследствие этого философия была раздроблена на множество самостоятельных дисциплин (онтология, гносеология, аксеология и т.д.), каждая из которых, в свою очередь, была раздроблена на автономные теории, в рамках которых стали разрабатываться частные проблемы (времени, пространства, сознания и т.д.). Процесс дробления философии выразился и в появлении различных течений и направлений философии: «антропологическая философия», «лингвистическая философия», «философия культуры», «структурализм», «экзистенциализм», «постмодернизм» и т.д. Всё это множество дисциплин, теорий, направлений и течений современной философии стало рассматриваться не как взаимосвязанные «элементы» единой системы философского знания, как, скажем, это было осуществлено в философской системе Гегеля, а как альтернатива целостной философской (мировоззренческой) рефлексии[24].

Полагаю, что триумф либерального мышления, а современный мир (особенно в западной своей части) всё ещё представляет собой арену господства именно этого типа мышления, является результатом логического завершения отмеченных двух тенденций. Логикой собственного развития, приведшей к утверждению либерально-демократических режимов, рыночной экономики, прав человека, либерализм (как политико-философское направление), по существу, оказался «свободен» от философии. В конце концов, триумф свободной от философии мысли, проблематизировал само существование философии и политической философии в системе современной культуры. Но может ли наука (и прежде всего политическая наука как часть этой системы) и культура в целом сохранить свою жизнеспособность без «услуг» философии?

Ответом на поставленный вопрос может послужить определение границ возможного для современной политической науки.

1.Наблюдаемая в современной политической науке и в западном, и в российском своих вариантах тенденция специализации, а по сути фрагментации, вызвала к жизни длинный перечень дисциплин (политическая конфликтология, политическая социология, политическая лингвистика, политическая семиотика, политическая информатика, политическая глобалистика, политическая антропология, политическая регионалистика, политическая психология, политическая этика, политическая культура, политическая идеология, политическая теория, политическая модернизация, транзитология, геополитика, этнополитология, сравнительная политика, международная политика и т.д.), создающих иллюзию самодостаточности политической науки. Однако, добываемое в рамках каждой из перечисленных дисциплин знание носит рецептурный характер и в силу этого не обладает необходимыми для научного знания качествами и прежде всего эвристическим потенциалом.

2.В политической науке применяется целый набор подходов: бихевиоральный, структурно-функциональный, сетевой, кибернетический и других, возникших на определённой социально-философской и политико-философской основе. Очевидно, что эффективное использование указанных подходов предполагает достаточно высокую философскую (эпистемологическую) культуру исследователя. Последняя необходима также и для выработки новых методологических подходов, без которых невозможно развитие науки вообще и политической науки в частности.

3.Одним из аспектов развития политической науки является разработка проблем на стыке наук: политическая наука и экономика, политическая наук и право, политическая наука и история, политическая наука и управление, политическая наука и этнология и т.д. Проведение подобных разработок возможно лишь в поле напряжения «философия-политическая наука-экономика», «философия-политическая наука-право», «философия-политическая наука-история», «политическая наука-философия-управление», «философия-политическая наука-этнология», поскольку философии, как одной из высших проявлений мышления, присуща системность, позволяющей быть способом интеграции, связи и взаимодействия между весьма далеко разошедшимися частями современной науки и культуры.

4.Актуальная политика стоит перед рядом ключевых проблем, не разрешаемых в рамках ценностно-нейтральной политической науки. Одной из таких проблем является поиск общественно-исторических инвариантов, предполагающих не интерпретацию отдельных учений или разработку конкретных концепций, а осмысление глубинных оснований, природы тех явлений и процессов, которые характерны для современной политической ситуации, проекциями которых являются сами эти учения и концепции. Отсутствие подобной направленности политических исследований привело к тому, что мир вошел в третье

тысячелетие без теории будущего. А это означает, что человечество не обладает общей стратегией развития и выживания. Нужно полагать, что приоритетной задачей политической науки должно стать восполнение того идейного вакуума, который образовался на рубеже XX–XXI веков, а именно: разработка новой теории будущего, сам факт отсутствия которой уже является серьезной научной, да и не только научной, проблемой.

Сложившуюся ситуацию можно охарактеризовать как следствие наблюдавшегося в течение II половины XX века отказа от «утопического» мышления. В силу развития и углубления постмодернистских тенденций ставшая расхожей мысль о том, что «наше время избавилось от утопий», правомерно лишь в том смысле, что наше время избавилось от прежних утопий («теория коммунизма», «теория Третьего рейха», «теория конца истории» и др.), которые изжили и /или не оправдали себя. Но , как и любая другая эпоха, наша эпоха нуждается в новых утопиях, формулировках идеалов, выявление условий возможности и желательности которых реализуемо лишь с помощью ценностных форм сознания и в первую очередь – философии.

Другим аспектом рассматриваемой проблемы является деидеологизация общественной практики, сознания, науки. Первой была «разжалована» философия (и политическая философия как часть ее), что объясняется отождествлением философии с идеологией, «аннулированной» в недавнем прошлом в силу известных причин. Здесь важно подчеркнуть несколько моментов. Во-первых, идеология является не единственной, а лишь одной из проявлений (ипостасей) философии, в то время как политическая идеология представляет собой одно из измерений политической философии. Во-вторых, идеологическая функция в общественных науках неизбежна. В силу этого оказывается принципиально невозможным обеспечение «чисто научного» подхода к общественным явлениям. В-третьих, деидеологизация выступала в качестве необходимого условия формирования демократического государства. Между тем идея мессианского распространения «демократий», зачастую даже посредством военной силы, вкупе с кризисом социалистической идеи и левой альтернативы в целом, политическое и идеологическое контрнаступление консерватизма в союзе с неореализмом создает на планете духовную атмосферу, отнюдь не способствующую усилению научного компонента политической науи.

Философское и политико-философское мышление по природе своей утопично и идеологично. Дело в том, что человеку изначально присуще стремление к осмыслению собственного бытия. Это проявляется в том, что в своей жизнедеятельности человек ориентируется осознанными целями и создает представления о должном и желаемом. Этим объясняется исключительно человеческая способность развиваться и иметь историю. По существу, историческое бытие человека обусловлено его самосознанием: в каждую историческую эпоху оно предопределяет степень духовного развития человека, а также условия его реальной жизни. Философия призвана осмыслить жизнь человека с точки зрения духа. Она заключает в себе возможность самосознания человека и, следовательно, формирование идеалов и определение перспектив. Философия выдвигает всегда актуальные для существования человека вопросы (о сущности и цели человеческой жизни, месте человека и гарантиях его выживания в изменяющемся мире), которые, в конечном счете, предопределяют границы его познавательной и практической деятельности, обуславливают отношение человека к социальной действительности, представляя тем самым мировоззренческую основу интерпретации этой действительности. Имея привилегию создания целостного образа социального мира и соответствующей интерпретации социальной действительности, философия тем самым выступает как идеология.

С этой точки зрения кажется закономерным то обстоятельство, что философия «способна» не только сохранить свой статус универсального метода выявления духовно-нравственного смысла человеческого существования, но и приобретать жизненно важное значение в кризисные этапы истории. Отмеченное особенно относится к нашему времени, которое в современных концепциях определяется как эпоха кризиса человеческого сознания и кризиса массового самосознания. Сегодня, как никогда, необходимо создание целостного смыслового образа социальной действительности, что сделает возможным определение исторической перспективы человека, что, собственно, и является сокровенным смыслом культуры. Последнее представляет собой некое органическое единство, элементы которой связаны одним основополагающим принципом и выражают одну, по сути, духовную, ценность. Наблюдаемый же в современном обществе спад духовности, обусловленный потребительским отношением человека к жизни, трансформирует духовную сущность человека, тем самым ставя под угрозу его антропологическую идентичность.

Философия, таким образом, задает идеальные параметры культуры, очерчивая границы (возможные и/или желаемые) познания и практики. Справедливость данного тезиса

подтверждается тенденциями развития не только политической науки, что было отмечено выше, но и современной «большой» – постнеклассической науки, начало формированию которой было положено IV научной революцией (последняя треть XX в.).

Философия в единстве своих двух начал – научно-теоретическом и практически-духовном – пронизывает все современное естествознание. В последнем задействованы все функции философии – онтологическая, гносеологическая, аксеологическая, мировоззренческая, методологическая и т. д. Всё явственней становится осознание необходимости формирования целостного, универсального (в современной терминологии – глобального) взгляда на мир. Одним из проявлений осознания такой необходимости является все усиливающаяся тенденция сближения естествознания и гуманитаристики, методологии естественных и социальных наук. но сближение это происходит уже на совершенно иной основе. В естествознании все чаще используются внерациональные способы познания, все глубже становится потребность связи знания с ценностно-целевыми структурами, все распространённей становится убеждение в слабости европейского рационализма и его методов и в необходимости обращения к восточному мышлению и его методам. Эту тенденцию предвосхитил ещё В. Вернадский: «Едва ли можно сомневаться, – утверждал он, – что выдержавшая тысячелетие, оставшись живой, слившись с единой мировой наукой, мудрость и мораль конфуцианства скажется глубоко в ходе мирового научного мышления, так как этим путём в него входит круг новых лиц более глубокой научной традиции, чем западноевропейской цивилизация»[25]. Естественным следствием подобного состояния дел считаю то обстоятельство, что в современной мировой научной литературе ведутся серьёзные дискуссии по теме «Запад – Восток». Проблематика, обсуждаемая в рамках этих дискуссий, актуальна для всей современной науки: от современной космологии и синергетики до политологии и правоведения.

[1] Кармин А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии.- М.: 2006, № 2. С. 23.

[2] Ռ. Միրումյան, Պատմափիլիսոփայական հայե□ակարգերը XIX դարի հայ փիլիսոփայության մեջ. Մեթոդաբանական տեսանկյուններ. - Երեւան: □□□□□□ □□□□□, 2003, 5-16, 149-232 էջերը:

[3] См.: Мотрошилова Н.В. Рождение и развитие философских идей. - М.: Наука. 1991. С. 38-42.

[4]По сравнению с античностью эпоха средневековья выявляет новые аспекты в осмыслении человеком своего места в мире и отношения к Богу. В отличие от греко- латинского натурализма, христианство выдвигает идею трансцендентности Бога и помещает его не просто вне видимой природы, но и над ней. Таким образом, и человек, и природа оказываются сопричастными Богу. На основе этой идеи в средневековье формируется принципиально иной духовный климат, отражением которого становятся радикальные изменения в политическом мышлении эпохи.

Наиболее значительное влияние на формирование средневековой политической философии оказала идея универсализма совершенно нового типа, идея единства человеческого рода, отражающего единство божественной сущности, и идея дуализма духовного и земного. На основе этих идей были переосмыслены основные принципы античной политической философии.

Идея единства человечества была родственна и античной мысли. Аристотель, например, сформулировал идею единства полиса: человек создан для жизни в обществе – полисе, воплощающем единство всей жизни в институциональном отношении. Варвары и рабы остались вне полиса. Идея единства человечества в дальнейшем была развита в философии стоиков, трансформирована Цицероном, Сенекой, Марком Аврелием. Для Цицерона и Сенеки человеческое сообщество представляет собой некое единое целое, все части которого связаны законом, одновременно естественным и божественным, гармонией и солидарностью. Именно гармония превращает весь мир в единый космополис, где человеческая воля ничего не может предрешить. Целью философии является осмысление того, что есть человек как гражданин полиса, не им созданного. Христианская идея единства человеческого рода предполагала единство всех людей перед Богом. Принципом нового единства выступал Бог, единый в своей сущности, предшествующий всему многообразию мира и высший по отношению к нему, исток и цель каждого конкретного индивида, дающий свой закон всем и вся.

В силу этого в политической философии произошли определённые терминологические изменения. Политическая философия стала оперировать уже не понятием polis (античный город-государство) или res publica (по Цицерону – римская форма государственности), а civitas

- община, представляющая собой не национальное и даже не интернациональное объединение, но сообщество людей, объединенных своей верой.

Идея разделения духовного бытия человека и его бытия земного в политической плоскости приобретает вид разделения между властью политической и властью божественной. В античной и греко-римской традиции политическая власть не знала никаких разделений. Обе власти отражали сущностную двойственность человеческой природы, при этом традиционное разделение индивида на человека и гражданина трансформируется в раздвоенность его как гражданина и христианина. Естественное право – одна из центральных категорий античной мысли – в христианстве получает свою институциональную опору через Церковь и в качестве производной права божественного (см.: Фёдорова М. Классическая политическая философия. – М.: Весь мир, 2001. С. 39-43).

[5]См.: Гаджиев К. С. Политическая философия. - М.: Экономика, 1999. С. 10.

[6] Гаджиев имеет в виду одного из выдающихся представителей американской политической науки Дж. Кэтлина, называющего Сократа «крёстным отцом» западной политической философии (см.: Catlin D. The Story of Political Philosophers. – N. Y. and L.:1939. P.33), английского политолога Н. Бэрри, считавшего государство Платона «самым первым и самым известным систематическим трактатом по политической философии» (см.:Barry N. An Introduction to Modern Political Theory. – L: 1982. P. 110), Ш. Уоллина, утверждающего, что «именно грекам мы обязаны за изобретение политической философии и за демаркацию политической по своей природе сферы» (см.: Wolin Sh. Politics and Vision. – Boston: 1960. P. 28). В данном контексте он представляет также позицию К. Поппера, согласно которому Платон «был социологом именно в том смысле, в каком понимали термин «социология» Конт, Милль и Спенсер» (см.: Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1. М.:1992. С. 67). Наиболее крупным современным политическим философом, последовательно отстаивавшим и обосновывающим тезис о древнем происхождении политической философии, Гаджиев справедливо считает Л. Штрауса (см.: Л. Штраус. Введение в политическую философию. М.: 2000. С. 51-65).

[7] См.: Гаджиев К. С. Указ. раб. С. 9.

[8] См.: там же. С. 83-104.

[9] На основе предложенной Аристотелем классификации наук Давид Анахт (V–VIвв.) выдвинул свою систему наук, охватывающую всё теоретическое знание своей эпохи. Система наук Давида формируется вокруг дефиниции философии и применительно к её дифференциации и систематизации. По мысли Давида, «из шести определений философии, которая имеет два вида – теоретический и практический, некоторые относятся к теоретической части философии, некоторые – к практической и некоторые – к обеим частям. Так, два определения.., которые говорят, что философия есть наука о божественных и человеческих вещах, и одно определение, которое говорит, что философия есть искусство искусств и наука наук, относится к теоретической части философии. А одно определение.., которое говорит, что философия есть забота о смерти, и другое определение.., которое говорит, что философия есть любовь к мудрости, относится к практической части. Определение же по далекой цели, которое говорит, что философия есть уподобление богу в меру человеческих возможностей, относится к обеим частям» (Давид Анахт. Определения философии // Сочинения. - М.: Мысль, 1980. С.99.). Классификация наук Анахта представляет собой многоступенчатую систему, низшую ступень которой составляют науки тривиума (грамматика, риторика, логика или диалектика в древнем понимании). Логика является составной частью философии и вместе с тем ее орудием. Именно через логику науки тривиума связываются с науками квадриума, то есть с собственно философской наукой, подразделяющейся на высшую формальную логику, теоретическую (естествознание (т.е. физика), математика (арифметика, музыка, геометрия, астрономия), теология (т.е. метафизика) и практическую (этика, экономика, политика) философию.

[10] Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. - М.: Мысль, 1976. С. 182.

[11]Подтверждением этому является, к примеру, определение философии Л. Штрауса: «Философия, как поиск мудрости, есть поиск универсального знания, знания о целом. Этот поиск не был бы необходимым, если бы мы обладали этим знанием непосредственно. Между тем отсутствие знания о целом не означает, что люди не думают о нём: мнения о целом обязательно предшествуют философии. Следовательно, философия – это попытка заменить мнения о целом знанием. Вместо «целого» философы также говорят «все вещи»... Поиск знания обо «всех вещах» означает поиск знания о Боге, мире и человеке – или, скорее, поиск знания о природе всех вещей: природа в своей всеобъемлющей целокупности являет собой целое» (Л. Штраус. Указ. раб. С. 10). В российской философской науке распространено следующее определение философии: «Философия – это система взглядов на

мир в целом и на отношение человека к этому миру». Предметом таким образом понимаемой философии служит «всеобщее в системе мир – человек» (Алексеев П.В., А.В. Панин А.В. Философия. – М.:Проспект, 2005. С. 50-51).

[12] Гаджиев К.С. Указ. раб. С. 6.

[13] Бенетон Филипп. Введение в политическую науку. – М.: Весь мир, 2002. С. 11.

[14] Подобная логика чревата лишением и самой науки какой-либо значимости. Не случайным кажется тот факт, что в современной эпистемологии сформировалось течение (хотя не очень влиятельное даже в рамках гуманитарных наук), подчиняющее науку историческому релятивизму (Т. Кун, П. Фейерабенд, Д. Блур, К. Хюбнер и др.).

[15] Мотрошилова Н.В. Указ. раб. С.62.

[16] Устинова Ю.Б. Частные культовые сообщества у греков (Аттика VI–IV вв. до н.э.) □□ Быт и история в античности. - М.: 1988. С.192.

[17] См.: Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. –М.: Наука, 1977. С.422.

[18] Аристотель. Политика □□ Сочинения в четырёх томах. Т.4.- М.: Мысль, 1984.С.467.

[19] Аристотель. Никомахова этика □□ Сочинения в четырёх томах. Т.4. С.54-55.

[20] См.: Гаджиев К. Указ. раб. С.85.

[21] Там же. С.86.

[22] Бенетон Филипп. Указ. раб. С. 108.

[23] См.:Арон Р. Этапы развития социологической мысли. – М.: 1993. С. 121.

[24] См.: Каган М. С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. – М.: 1997, N 9. С. 38-39.

[25] Вернадский В. И. О науке. Т. 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль. – Дубна: 1997. С. 398.

ЮЖНОКАВКАЗСКАЯ ПОЛИТИКА ИРАНА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРАХ

Казарян Э. Л.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопросов связанных с внешнеполитическим вектором южнокавказской политики Ирана, считаю целесообразным обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство, освещение которого поможет выработать определенные критерии, способствующие более объективному анализу предложенной темы. Опыт мировой политики и реалии сложившиеся в нашем регионе еще раз подтверждают ту истину, согласно которой, разногласия, противоречия и конфликты чаще всего возникают между соседними государствами. Наличие такого правила, наряду с другими факторами во многом объясняется и теми моральными императивами, которыми руководствуются политические элиты в межгосударственных отношениях. Так, один из этих императивов гласит: " За добро следует отвечать добром, а за зло - злом". В этом плане политика Ирана имеет свою специфику, ибо в отличие от многих государств наш южный сосед последовательно придерживается формулы: "За добро следует отвечать добром, а за зло - справедливостью". Такую позицию можно объяснить исходя из теократической сущности иранского государства, строящего свои взаимоотношения с окружающим миром не на основе временных, конъюнктурных интересов, а на прочном фундаменте ценностей религиозной нравственности. Чтоб не быть голословным, приведу всего три примера подобной политики Ирана по отношению к своим непосредственным соседям.

Казалось, что Тегеран должен был приветствовать вторжение войск коалиции в Ирак и свержение режима Саддама Хуссейна, который не только силой оружия подавлял недовольство проявляемое шиитским населением собственной страны, но и развязал против Ирана братоубийственную войну, унесшую жизни более одного миллиона людей. На зло причиненное иранскому народу режимом Хуссейна, Тегеран ответил не злом, а справедливостью, о чем свидетельствует тот непреложный факт, что сегодня во многом благодаря усилиям именно Ирана, имеющего определенное влияние на шиитов, составляющих большинство населения Ирака, сохраняется целостность этого государства. Исходя из принципа справедливости иранские власти полагают, что будущее Ирака должно определяться не по сценариям написанным в заморских странах, а самим иракским народом. И сегодня, будучи заинтересованным в стабильности соседней страны, Тегеран, несмотря на острые противоречия с Вашингтоном, готов вести с ним переговоры по стабилизации ситуации в Ираке .

Другой пример. Известно, что Иран и Россия в свое время поддерживали законного президента Афганистана Бурхануддина Раббани, чья легитимность была подтверждена со стороны ООН. Еще тогда Тегеран и Москва

предупреждали мировое сообщество, в том числе США и Пакистан, об опасности прихода к власти в Афганистане террористического движения "Талибан". Однако это сообщество оставалось глухим до тех пор, пока сам американский народ, а позже и европейцы не стали жертвами террористических акций. После того, как талибы захватили северную столицу Афганистана Мазари-Шариф и устроили резню среди мирного шиитского населения, а также зверски убили находящихся в городе иранских дипломатов и журналистов, Иран был вынужден выдвинуть на границу с Афганистаном свою армию. Определенные силы пытались подтолкнуть Тегеран на войну с Афганистаном, однако иранские власти не только не повторили ошибку Саддама Хусейна, начавшего долговременную войну с Ираном, но и на зло учиненное талибами ответили справедливостью, а именно: во имя мира и спокойствия в соседней стране Тегеран не стал настаивать на кандидатуре Раббани и признав легитимность новых афганских властей во главе с Хамидом Карзаем, всеми силами стал содействовать установлению стабильности в Афганистане. Более того, Иран установил добрососедские отношения и с бывшим покровителем талибов Пакистаном и сегодня ведет с ним переговоры по вопросу проекта строительства газопровода Иран-Пакистан-Индия, реализация которого будет содействовать не только экономическому развитию региона, но и спаду напряжения между Исламабадом и Дели.

Что касается турецкой политики Ирана, то и в этом случае Тегеран всегда выражал свою готовность на политическое и экономическое сближение двух стран и никогда не обуславливал свою позицию турецко-американскими, или турецко-израильскими отношениями. Однако, в отличие от Тегерана Анкара выстраивает свой внешнеполитический курс по отношению к своему соседу в зависимости от сложившейся ситуации, которая как известно имеет свойство довольно часто меняться. Так, после определенного охлаждения в турецко-американских отношениях по поводу иракского Курдистана, премьер министр Турции Эрдоган стал проводить политику по сближению с Ираном. Уже в 2003г., то есть именно тогда, когда появилась трещина в американо-турецких отношениях, объем товарооборота между двумя странами вырос на 91%, что составило $2,4млрд., а в 2004г. эта сумма выросла до $5млрд. Стороны заключили договор по поставке иранского газа в Турцию, и на повестку дня был поставлен вопрос прокачки газа по маршруту Иран-Турция-Европа. Относительно последнего проекта премьер-министр Турции заявил, что все политические вопросы согласованы, остается лишь урегулировать технические детали. Кстати, о деталях. Примечательно, что именно в это время Эрдоган назвал Израиль террористическим государством. Однако, вскоре после определенного потепления в американо-турецких отношениях, изменилась и позиция Анкары к Тегерану. Эрдоган посещает Израиль и заключает там контракт стоимостью $500млн. на модернизацию 30 истребителей турецких ВВС и заодно заявляет, что иранская ядерная программа угрожает всему миру, и Израиль - не единственная страна, которая сталкивается с угрозами ядерных амбиций Тегерана. Одновременно Анкара начинает чинить препятствия в вопросе осуществления проекта строительства транзитного газопровода, что вынуждает Тегеран заявить об альтернативных маршрутах поставки иранского газа в Европу. Впрочем, ради справедливости следует отметить, что подобную политику маятника Турция применяет не только к Ирану, но и к другим, как соседним, так и внерегиональным странам.

В отличие от резких поворотов, присущих внешнеполитическому курсу Анкары, Тегеран придерживается весьма определенной, последовательной и долгосрочной политики, четко определяющей его взаимоотношения с внешним миром и, в частности, с соседними государствами, по отношению к которым он выступает не с державных, а с партнерских позиций. Одним из примеров внешнеполитического курса Ирана, направленного на установление и укрепление тесных взаимосвязей с соседними государствами, является его сбалансированный подход к республикам Южного Кавказа.

Распад СССР позволил Ирану, благодаря не только своему географическому положению, но и в силу своего экономического, политического и культурного значения, стать одним из ключевых государств, влияющих на геополитическую ситуацию Южного Кавказа. Исламский теократический характер иранской государственности не помешал Тегерану выработать внешнеполитический курс, основанный на идее "диалога цивилизаций", что позволило ему открыть дверь в немусульманский мир и в рамках собственной концепции национальной безопасности проводить уравновешенную политику на Южном Кавказе.

В отличие от других центров силы, Иран строит свою южнокавказскую политику, в основном исходя из экономической составляющей, в которой важную роль играют совместные энергетические и транспортные проекты.

Осуществление проекта строительства газопровода Иран -Армения, который планируется сдать в эксплуатацию в начале 2007 года, позволит республике ежегодно импортировать более 1млрд.куб.м. иранского газа, что станет одним из гарантов ее энергетической безопасности. Особую значимость этому проекту придает решение "Газпрома" повысить цену поставляемого в республику российского газа. Если и в дальнейшем “Газпром” будет осуществлять политику поэтапного повышения цены на российский газ, о чем было заявлено руководством компании, то не исключено, что армянская сторона может отдать предпочтение южному маршруту газопровода, тем более, что в этом случае плата за газ будет производиться не валютой, а электроэнергией, выработанной на территории Армении. Можно предположить, что эта электроэнергия будет производиться на 5-ом энергоблоке Разданской ТЭС, а потому не случайно, что вокруг тендера на его достройку развернулась острая конкуренция между “Газпромом» и иранской компанией “Санир”. По этому поводу министр энергетики Армении сделал два друг другу противоречащих заявления. Так 23 сентября 2005г было заявлено об уже осуществленной передаче 5-го энергоблока Разданской ТЭС иранской компании, а в марте 2006г. тот же министр в лице “Газпрома” представил еще одного претендента, который как и следовало ожидать, выиграл тендер на достройку энергоблока. По всей видимости, такого рода непоследовательность объясняется не только переговорами вокруг цен на российский газ, однако, как бы то ни было, прежде чем один раз отрезать, следовало бы семь раз отмерить, дабы не вызвать недоумение по крайней мере у собственной общественности.

После того, как Анкара начала чинить препятствия по осуществлению проекта транспортировки иранского газа в Европу, Тегеран заявил о возможности прокачки газа по одному из двух маршрутов: Иран-Армения-Грузия-Россия-Европа или Иран-Армения-Грузия-Украина-Европа. В начале года министр экономики и финансов Ирана Давуд Джафари подчеркнул, что Иран поддерживает проект строительства второй ветви газопровода, который лоббируют Грузия, Украина и ЕС. В свою очередь председатель парламента

Ирана Голам-Али Хаддад-Аделя во время своего визита в Армению (11-12сентября 2006г.) заявил, что стороны изучают возможность строительства еще одного газопровода, ведущего в Армению и другие страны. Естественно, что "Газпром" не пожелал бы видеть на европейском газовом рынке нового конкурента в лице Ирана, а потому эта компания вряд ли будет в восторге от предложенных маршрутов. Если сюда добавить и политическую составляющую вопроса, то следует ожидать, что не только "Газпром", но и Кремль не будет приветствовать вышеназванные маршруты. Однако, это вовсе не означает, что армянская сторона должна смириться с существующим положением дел. Еревану совместно с Тегераном следует предложить российской стороне такие варианты прокачки иранского газа, которые и в политическом и в экономическом отношении были бы приемлемы для всех сторон. В обратном случае, экспорт иранского газа в Европу может быть осуществлен через территорию Азербайджана и тогда Москва, как в случае с нефтепроводом Баку-Тбилиси-Джейхан, а в скором будущем и с газопроводом Баку-Тбилиси-Эрзерум, будет бессильна что-либо предпринять. Кстати, один из вариантов по превращению Армении в транзитную территорию был предложен ректором Славянского Университета Арменом Дарбиняном. Суть этого предложения заключается в следующем: учитывая, что Россия имеет многомиллиардные контракты с Ираном, последний вместо наличной оплаты мог бы расплачиваться газом, переправляя его в Россию по территории Армении .

Сегодня стороны ведут переговоры и о строительстве Мегринской ГЭС, и по поставкам жидкого топлива из Ирана, что можно реализовать либо посредством малогабаритного трубопровода, либо автотранспортом. Вместе с этим Ереван и Тегеран обсуждают проект строительства 3-ей высоковольтной ЛЭП, которая энергетически свяжет две страны

При финансовой поддержке иранского правительства в Лорийском марзе осуществлен проект строительства ветряной электростанции мощностью 2,6 мегаватт, а в дальнейшем планируется увеличение мощности ветряных станций до 200-250 мегаватт.

Наряду с энергетическими на повестку дня двух стран вынесены и транспортные проекты, которые для Армении, блокированной со стороны Турции и Азербайджана, имеют жизненно важное значение. Так, планируется строительство второй автомагистрали Капан-Мегри. Если допустимый предел тяжести для передвижения по нынешней автодороге составляет 36 тонн, то новая будет рассчитана для грузовиков до 80 тонн, что положительно скажется на объеме товарооборота между двумя странами, который, кстати, на сегодня составляет порядка $ 200 млн.

Во время визита в Ереван губернатора провинции Хормозган обсуждался вопрос использования армянской стороной морского порта Бандар-Аббас. Губернатор заявил, что транспортный потенциал Ирана и в частности морские порты и свободные экономические зоны Хормозгана являются хорошей предпосылкой для развития экономического взаимосотрудничества двух стран. Полагаю, что в этой связи, армянской стороне следует изучить вопрос приобретения собственного торгового корабля, прописанного в одном из иранских портов, а в случае финансовых затруднений можно арендовать иранский торговый корабль, плавающий под армянским флагом.

Участие Армении предполагается и в международном транспортном корридоре "Север-Юг", на что Иран уже дал свое согласие. Посредством этого транспортного корридора Армения получит не только дополнительную дорогу

ведущую в Россию по маршруту Армения-Энзели-Астрахань, но и выход в Центральную Азию и прибрежные страны Индийского океана.

Осуществление вышеперечисленных ирано-армянских проектов вызывает перманентное недовольство Баку, который при этом аппелирует к фактору общей с Ираном конфессиональной принадлежности. Если исламский фундаментализм Ирана не исключает добрососедских отношений с христианскими странами, то такого рода фундаментализм может стать примером для тех стран, чьи аналитики разрабатывают идеи "крестовых походов" и "столкновений цивилизаций". Примечательно, что во время пребывания в Армении министр иностранных дел Ирана Манучер Моттаки заявил, что ирано-армянские отношения служат наглядным примером взаимосотрудничества двух народов, исповедующих различные религии.

В экономической и, в частности, энергетической и транспортной сферах Иран активно развивает свои отношения не только с Арменией, но и с Азербайджаном. Между двумя странами достигнуто соглашение о ежегодной поставке 350 млн. куб.м. иранского газа в Нахичеван, взамен чего Азербайджан поставит в Иран эквивалентный объем собственного газа. В связи с подорожанием российского топлива Баку заявил о своем намерении в ближайшие годы закупить у Ирана около 1млрд куб.м. газа.

Сторонами запланировано строительство не только нового автомобильного моста, соединяющего Иран с Нахичеваном, но и нескольких мостов на ирано-азербайджанской границе. Одновременно, в целях строительства автомагистрали Астара-Баку Иран выделил Азербайджану $40млн. В рамках глобальной программы МТК "Север-Юг" Россия, Иран и Азербайджан будут финансировать строительство железнодорожной ветки Казвин-Решт-Астара.

Однако, несмотря на процесс экономической интеграции двух стран, между ними существуют и определенные разногласия, одним из которых является проблема установления статуса Каспийского водоема, что рассматривается Тегераном как территориальный вопрос. Дело в том, что до определения этого статуса, Азербайджан поспешил начать работы на месторождении Алов (по фарси – Алборз), а Иран правомерно расценил эти действия, как посягательство на свою территорию, что в 2001г. чуть не привело к военному столкновению сторон. Учитывая процесс потепления ирано-азербайджанских отношений, Тегеран предложил Баку проект по совместной разработке спорного месторождения. Однако сложность этого вопроса заключается в том, что в консорциуме по разработке блока "Араз" - "Алов" - "Шарг" участвует американская компания Exxon Mobil, которая в силу принятого в США так называемого закона Д"Амато не может позволить себе сотрудничество с Ираном в энергетической сфере.

Фундаментом для установления и развития, как ирано- армянских, так и ирано-азербайджанских отношений явился сбалансированный подход Тегерана по отношению к урегулированию Карабахской проблемы. И в 1992г., когда Иран осуществлял посредническую миссию в переговорном процессе, и после того, когда этим вопросом стала заниматься Минская группа ОБСЕ, Тегеран не раз заявлял, что является сторонником исключительно мирного урегулирования конфликта. Вместе с этим, нелишне отметить, что при возможном решении Карабахской проблемы, во избежание осложнений следует учесть интересы

Тегерана и, в частности, в вопросе состава и районов размещения миротворческих сил.

Что касается Грузии, то и с этой республикой Южного Кавказа Иран, несмотря на отсутствие общих границ, устанавливает взаимовыгодные экономические отношения. Выступая на грузино-иранском бизнес форуме председатель Торгово-промышленной палаты Ирана Сеид Хамуши заявил, что Грузия всегда играла роль экономического моста между Ираном и Европой. В ходе форума было принято решение о создании грузино-иранского бизнес-совета, который на данном этапе будет решать вопросы, касающиеся установления между странами определенных льгот, а также активизации транспортного сообщения. На инвестиционные программы в Грузии Иранский Банк развития принял решение выделить 20 млн евро. Примечательно, что во время зимнего энергетического кризиса в Грузии Иран оказал помощь грузинскому народу и в течение месяца обеспечивал газом эту страну.

Обобщая вышесказанное, можно однозначно сказать, что политика Ирана на Южном Кавказе направленная на развитие и углубление взаимовыгодных отношений, является важнейшим фактором содействующим экономическому развитию, политической стабильности и безопасности нашего региона. И если каким-то силам претит такого рода внешнеполитический курс Ирана, то им можно ответить словами персидского поэта Саади: Ты у других изъянов не ищи // Сам на себя взгляни и замолчи.

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ. ВЗГЛЯД ИЗ АРМЕНИИ

Кардумян В. Г.

Одной из доминирующих примечательностей в современном мире является феномен этнических и этнополитических конфликтов. Эти конфликты стали бурно развиваться в Азии, Африке и в Латинской Америке после развала колониальной системы, завершения холодной войны и распада Советского Союза. Очень много этнических групп и наций были вовлечены в эти процессы. Одним из наиболее негативных результатов развала Советского Союза стал ряд региональных, в большинстве, этнических конфликтов на территории бывшего Союза. По ряду причин Российская Федерация была непосредственно вовлечена в большинство из этих конфликтов. Южный Кавказ, который веками был эпицентром перекликания интересов многих держав и кровопролитных войн, стал одним из региональных центров этнических конфликтов. Этнополитические конфликты в этом регионе начались в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии. Все три южно-кавказские страны: Армения, Азербайджан и Грузия, — начали строить свою независимость, будучи погруженными в этнические конфликты, не имея никакого опыта урегулирования таких конфликтов. Начало этих конфликтов было положено в Нагорном Карабахе во второй половине 1987 года, который имеет исторические корни. Он является результатом юридически неправомочных решений Кавказского бюро центрального комитета партии большевиков (Кавбюро ЦК РКП(б)), вследствие чего Нагорный Карабах был включен в состав новообразованной Азербайджанской ССР против воли народа Нагорного Карабаха[1]. Чтобы понять суть карабахского вопроса, нужно вкратце осветить корни этого конфликта. До середины XVIII века население края было исключительно армянским. В начале XIX века княжества Арцаха, формально объединненые в Карабахское ханство, вошли в состав Российской Империи. В 1813 году близ села Гюлистан (нынешний Шаумянский район НКР) был подписан Гюлистанский мирный договор между Россией и Персией, по которому Нагорный Карабах перешел от Персии к России. Распад Империи завершил период векового пребывания Карабаха в составе России и вверг край в череду жестоких войн.

В конечном итоге, пришедшие в 1920 г. к власти в Закавказье российские большевики по-своему определили дальнейшую судьбу края. Сама по себе суть карабахской проблемы предельно ясна и может быть выражена буквально одним предложением, как это было сделано известным гражданином России А.И. Солженициным: “Проницательный Ильич — первой называл вопрос границ “даже десятистепенным”.(Так и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница — куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов — Турции)” (“Как нам обустроить Россию”)[2].

Победа Советской власти в Армении (ноябрь 1920 г.) внесла существенные перемены. Правительство Советского Азербайджана незамедлительно объявило о том, что Карабах является неотъемлемой частью Советской Армении[3]. 4 июля 1921 г. Кавказское бюро ЦК РКП (б) вновь рассмотрело вопрос о статусе Карабаха и приняло решение

оставить его в составе Армянской ССР. Однако на следующий день под давлением Сталина, Кавбюро ЦК РКП (б) приняло решение о передаче Карабаха Азербайджанской ССР, мотивируя необходимостью национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха с Азербайджаном, игнорируя этнический и исторический факторы[4]. Как можно заметить, уже в начале 1920-х гг. при решении вопроса о статусе Нагорного Карабаха проявилась противоречивость, не был соблюден важнейший принцип – право наций на самоопределение.

История показала, что решение этого конфликта без учета интересов народа Карабаха просто невозможно. Как отметил первый заместитель министерства иностранных дел России, сопредседатель Минской конференции ОБСЕ от России Вячеслав Трубников:"урегулирование конфликта должно привести к удовлетворению интересов народа Нагорного Карабаха"[5]. В отличие от других посредников урегулировании этой проблемы, Россия была вовлечена в этот конфликт гораздо раньше и оставила свой след в одном из наиболее затяжных международных вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР.

Новый этап Карабахской национально-освободительной борьбы отличается рядом существенных особенностей. Эта борьба фактически стала мощнейшим стимулом к всенародному пробуждению и возрождению, подняла на ноги весь армянский народ и вылилась в общенациональное движение. Карабахское движение стало также значительным стимулом для борьбы малых народов Советского Союза, и первым среди

них обратило на себя внимание мирового сообщества. После распада СССР Карабах как и Азербайджан провозгласили свою независимость на основании тогда действующего закона СССР от 3 апреля 1990г. о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, которая давала право выхода союзной республики из СССР путем референдума. Статья 3 вышеупомянутого закона гласила: "За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе"[6]. После того, как Азербайджан декларировал и конституционным актом закрепил отказ от правопреемства АзССР, востановив государственность существовавщей в 1918-1920гг Азербайджанской Демократической Республики (АДР) в составе которой не было ни Нахичевани, ни Карабаха, 10 декабря 1991г. состоялся референдум о независимости НКР[7]. В ходе референдума около 99,89% голосовавщих высказались за независимость Карабаха[8].

Казалось, что провозглашение НКР имела все правовые и исторические основы, с учетом которых Карабах должен был стать признанной независимой страной и поставить точку над одним из наиболее затяжных международных конфликтов на территории бывшего СССР.

Но к концу 1991 – началу 1992 г., когда карабахский конфликт превратился из внутренней проблемы СССР в межгосударственную проблему, вовлеченные в него посреднические страны начали рассматривать этот вопрос с международно- политической позиции, игнорировав правовые аспекты урегулирования этого конфликта. Перенос решения карабахского

конфликта на политическую плоскасть, соответствовал интересам великих держав, который позволял им произвольно комментировать этот конфликт и выяснять свои геополитические отношения в Закавказье[9].

Чем же претягивал карабахский конфликт великих держав, особенно США и Россию? Являясь самыми активными участниками в деле решения этого вопроса, которые преследуют свои национальные интересы в этом регионе, именно Россия и США всегда играли ключевую роль в этом вопросе и от части именно существующих противоречий между ними карабахский вопрос зашел в тупик.

Не меньшее, если не большее значение, чем военный, в развитии конфликтов в Закавказье, имеет фактор энергоносителей, прежде всего – нефти и газа. Энергоресурсы и коммуникации для их транспортировки на мировой рынок – стержень геополитического соперничества между Россией и США. Из всех закавказских конфликтов наиболее тесно с фактором энергоресурсов связан именно карабахско-азербайджанский[10]. Вот почему карабахский конфликт находится под пристальным вниманием как США, так и России. С другой стороны, карабахский конфликт мог привести к укреплению военно-политических позиций этих держав на Южном Кавказе. Поэтому, изначально основные действия России были направлены не только и не столько к подлинному урегулированию карабахского конфликта, сколько не допустить превращения Закавказья в зону распространения интересов “третьих стран”. Примечательна позиция США в этом вопросе. Изначально, еще до распада СССР, Вашингтон решительно поддерживал национальное самоопределение бывших Советских республик, но кардинальным образом поменял свою позицию после распада СССР и начал активно поддерживать территориальную целостность Азербайджана. На западе в то время, видимо, полагали, что время безраздельного господства России на Южном Кавказе ушло в прошлое вместе с исчезновением СССР с политической карты мира. Все вышеперечисленные тенденции привели к тому, что в процессе урегулирования карабахско-азербайджанского конфликта постепенно начали складываться условия для соперничества между Россией и США. Интересно отметить, что конфликтующие стороны довольно рано осознали, какие богатые возможности внешнеполитического маневрирования открывает это негласное соперничество, и использовали эти противоречия между Россией и США.

Первую серьезную акцию по урегулированию конфликта Россия предприняла совместно с Казахстаном в сентябре 1991г., когда президенты Ельцин и Назарбаев посетили Баку, Ереван, Степанакерт, после чего вылетели в Железноводск, где состоялись первые переговоры с участием руководства Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении[11]. Результатом встречи стало подписание ее участниками коммюнике. И в дальнейшем Россия, как в рамках образованной Минской группы СБСЕ / ОБСЕ, так и самостоятельно, активно пыталась примирить противоборствующие стороны. Активизация роли России в переговорном процессе не была воспринята однозначно другими международными акторами, в частности США и Турцией, немаловажную роль в препятствии усилиям России сыграл и Азербайджан. Западные партнеры обвиняли Москву в том, что она преследует свою цель – вновь укрепить влияние России на Кавказе и что надо ”сдерживать Россию в ее неоимпериалистических амбициях”. Западные партнеры всячески старались не

допустить возрастания роли России в карабахском процессе и в этом регионе в частности. Этим можно объяснить неудачи переговорного процесса в этом конфликте. Но все-таки роль России в деле урегулирования конфликта нельзя умалить, хотя, окончательное решение вопроса в этот период времени не соответствовало интересам России, и она упустила хороший шанс стать единственным посредником в решении этой проблемы.

Как прямой результат военных потерь, в конце 1992 г. в Азербайджане начались внутренние волнения. После побега президента Азербайджана Абульфаза Эльчибея из столицы, в Баку возвратился Гейдар Алиев из Нахичевана. В Азербайджане произошел государственный переворот, и во главе власти встал Гейдар Алиев, который на западе был известен своей "пророссийской" ориентацией. Для России была создана единственная и уникальная возможность взять в свои руки весь дальнейший переговорный процесс. В этот период времени обстановка для России была весьма благожелательна, что было
связано также с подписанием соглашения между Арменией и Россией о дальнейшей нахождении российских военных баз на территории Армении, которое еще больше укрепляло позицию России во всем регионе[12]. Но окончательное решение карабахского конфликта в пользу одной из конфликтующих сторон не входило в интересы России.

Во-первых, этот конфликт служил козырем в руках России, с помощью которого она пыталась обеспечить свое военное присутствие в Азербайджане. Напомним, что именно в 1992 г. в Грузии и Азербайджане набирало силу движение за полный вывод подразделений ВС и пограничных войск России, что могло привести к ослаблению ее позиций в этом регионе.

Во-вторых, Карабахский конфликт был рычагом давления на Азербайджан, с помощью которого Россия смогла бы заставить его идти на некоторые уступки в ряде важных вопросов, которые представляют жизненно важный интерес для России: статус Каспия, транспортировка каспийской нефти и т. д.

Но для России не было также выгодно решать эту проблему в пользу Армении, потому что:

во-первых, Россия потеряла бы свой козырь против Азербайджана;

во-вторых, возросла бы возможность для Армении стать более самостоятельным государством.

Нужно отметить, что особенно остро противоречия между Россией и США выявлялись при обсуждении вопроса о миротворческих силах посреднических стран конфликта, которые должны были наблюдать за перемирием в зоне конфликта. Вашингтон всячески старался не допустить, чтобы функции наблюдения за перемирием остались исключительно в руках России. Потверждением этому является неформальная встреча личных представителей президентов России, США, Турции, Армении и Азербайджана, которая прошла в Женеве в 1992 г. На этой встрече разговор шел о продолжении миротворческих усилий не в отдельности, а в рамках так называемого "формата пятерки"[13]. Это свидетельствовало о том, что США берут на себя роль главного противовеса России в процессе урегулирования конфликта.

Стратегическое соперничество между США и Россией торпедировало те или иные разумные инициативы по урегулированию конфликта. Наглядно это проявилось в "формате пятерки". Суть участия

России и США в рамках этой инициативы была различной: Вашингтон всячески пытался уравновесить российское участие в деле урегулирования конфликта, а Москва старалась не допустить усиления влияния США и Турции в Закавказье[14].

Важнейшим поворотом в переговорном процессе стало вмешательство в этот процесс Министерства Обороны РФ. Министр обороны РФ Павел Грачев, уставший от дипломатических игр МИД РФ, взял инициативу в свои руки. 18 февраля 1994года в Москве состоялась встреча между представителями армии обороны Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, в результате которой был подписан протокол.

Согласно 7 пункту этого протокола, министр обороны РФ имел право в случае нарушения достигнутого соглашения предпринять любые, в том числе военные действия. Этот протокол фактически стал основой для заключения майского перемирия. Осознав, что инициатива упущена, МИД РФ дал свое согласие на подписанный протокол, притворяясь, что якобы для подписания этого протокола немаловажную роль сыграл также Казимиров. Но, как утверждает Владимир Ступишин, тогдашний посол РФ в Армении, протокол был результатом исключительно деятельности военных, о котором свидетельствуют также некоторые терминологические ошибки в протоколе, которые вряд ли мог допустить Казимиров[15].

Уже, вскоре после подписания Московского протокола, Министр Иностранных Дел Турции Г. Четин, заявил главному советнику президента Армении Жирайру Липаритяну, что Турция будет всячески мешать реализации Московского протокола. А президент Азербайджана Г. Алиев во время встречи с главой группы российских наблюдателей генералом Георгием Кондратьевым четко отметил, что он не допустит, чтобы российские солдаты вошли в Азербайджан. Таким образом, предложения России долгое время блокировались как со стороны непосредственно участника конфликта – Азербайджана, так и западных партнеров России. Несмотря на негативные отношения к посредническим усилиям России со стороны вышеперечисленных государств, посреднические попытки России, в конце концов, дали свои плоды. Кульминацией этих усилий стало подписание сторонами конфликта в начале мая 1994 г. при посредничестве России Бишкекского протокола, положившего начало процессам достижения договоренности о прекращении огня. О существовании противоречия между посредниками МГ СБСЕ свидетельствует также уполномоченный представитель президента РФ по политическому урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, посол по особым поручениям Владимир Казимиров: “Со стороны партнеров по Минской группе признание важности этого события пришло лишь задним числом, после того как прекращение огня было достигнуто, да и то не сразу. Некоторые из них не только не оказывали содействия этим усилиям России, но еще долго избегали признания значения свершившегося факта”[16].

После майского перемирия все последующие конференции в рамках СБСЕ/ ОБСЕ по карабахскому вопросу, были своего рода выяснением отношений между Россией и другими Западными странами, не допуская повышения роли Москвы в урегулировании этой затянувшейся проблемы. Несмотря на то, что на Будапештском саммите, который состоялся 5-6 декабря 1994 г., все государства-участники этого саммита приветствовали подтверждение

сторонами конфликта договоренности о прекращении огня, достигнутой 12 мая 1994 г. благодаря посредническим усилиям Российской Федерации, тем не менее обсуждение нагорно-карабахской проблемы на этом саммите ОБСЕ – вызвало опасения "основных стран" в отношении того, что возможное повышение миротворческой роли Москвы в урегулировании повлечет за собой усиление ее влияния в Закавказье вообще. Поэтому на саммите был взят курс на формирование коллективных миротворческих усилий. Предусматривалось создание в Вене группы планирования высокого уровня для выработки рекомендаций, среди прочего, относительно размера и характеристик миротворческих сил, командования и управления ими и т. д. Яблоком раздора на этом саммите между Россией и США стал вопрос о количественном и качественном составе миротворческого контингента войск ОБСЕ. Москва настаивала на том, чтобы было не меньше 50% от общего количества, Вашингтон же настаивал на 30% российского участия[17]. Во время саммита было решено создать институт сопредседателства. Россия стала сопредседателем на постоянной основе; наряду с ней, начиная с 1995 г., сопредседателем МГ стала Швеция, с 1996 года – Финляндия. В начале 1997 г. введено тройное сопредседательство , и сопредседателями МГ стали Россия, США и Франция, которые стали основными игроками в этом вопросе. Каждый из этих стран пытался решить проблему в соответствии со своими интересами, не допуская усиления роли других государств в этом регионе. После подписания в 1994г. международных нефтяных контрактов азербайджанская, а затем и казахстанская нефть стала фактором усиления соперничества России и США на Южном Кавказе. За активизацией политики США на Кавказе стояло намерение не только обеспечить бесперебойную транспортировку каспийской нефти, но и усилить свое влияние на ситуацию в этом регионе, не допуская усиления в нем позиции России[18]. Как заявил заместитель государственного секретаря США Строуб Телботт, американской стороне не безразлично, что происходит в этом регионе, где находятся запасы нефти в 200 млрд. баррелей. Телботт также заявил о необходимости принять меры по ограничению дестабилизирующего влияния России и Ирана на регионы Кавказа и Средней Азии[19]. Следующим наглядным примером противостояния сопредседателей, особенно между США и Россией, стала Стамбульская встреча ОБСЕ в ноябре 1999 года. Окончательного решения карабахской проблемы на этой встрече не ждали ни в Баку, ни в Ереване, ни в Степанакерте. Комментируя предстоящий стамбульский саммит, президент НКР Аркадий Гукасян отметил, что саммит созывается не для решения карабахского вопроса. "Это будет один из сотен обсуждаемых вопросов",– заявил президент[20].

Не став поворотной точкой в разрешении карабахского конфликта, Стамбульская встреча, по мнению наблюдателей, стала началом нового противостояния в регионе, только теперь уже в области энергетики. В связи с подписанием пакета соглашений по так называемым энергетическим проектам в Закавказье, госдепартамент США распространил специальное заявление, в котором говорится, что Вашингтон намерен способствовать укреплению суверенитета и независимости новых независимых государств Каспийского региона, усилению энергетической безопасности США, Турции и их союзников путем свободного выхода каспийских энергоресурсов на мировые рынки. Аналитики расценивают

подобное заявление как свидетельство стремления США к полной нейтрализации российского и иранского влияния и обеспечения американо-турецкого контроля над энергетическими ресурсами региона[21]. В подтверждение этому в ноябре 1999 г. в Стамбуле были подписаны соглашения по экспортному трубопроводу Баку – Тбилиси – Джейхан.

Своего рода ареной для выяснения американо-российских отношений по карабахскому вопросу стала киуэстская встреча, которая прошла с 3 по5 апреля 2001 года во Флориде по инициативе США. Несмотря на то, что эта встреча известна как саммит, посвященный урегулированию карабахского конфликта, тем не менее, эта встреча касалась не столько разрешению этой проблемы, сколько выяснения отношений между Россией и США – основными действующими лицами
посреднической миссии ОБСЕ[22].

Во всяком случае, в Армении киуэстские переговоры были прокомментированы как акция для установления взаимоотношений Россия – США – Европа – Азия. Именно во время этой встречи было замечено ухудшение американо-китайских отношений и сближение России с Германией. Такого рода изменения политики в отношениях с Китаем, Германией, Японией и со всей Европой было заметно во внешней политики России за последние двенадцать лет, всякий раз, когда возникали разногласия между Вашингтоном и Москвой. Предполагается, что киуэстская встреча была чем-то вроде выяснения таких отношений[23].

Существует и ряд других косвенных доказательств того, что Карабах в Ки Уэсте действительно был поводом для глобальных разборок. Это, прежде всего, участие Вячеслава Трубникова, который возглавлял российскую делегацию и был заместителем министра иностранных дел России и специальным представителем президента РФ в странах СНГ, в переговорах во Флориде. Российская делегация такого высокого уровня никогда не участвовала в переговорах. Так что сам факт повышения статуса российской делегации свидетельствует о заинтересованности России в флоридской встрече. На этой встрече представитель США Керри Кавана заявил о необходимости включить Иран в переговорный процесс по Карабахскому вопросу. Речь шла не о непосредственном участии Ирана в переговорном процессе. По словам Кавана, сопредседатели только должны были известить Иран о достижениях флоридской встречи.

Тем не менее, заявления Каваны было весьма странным: во-первых, это заявление было сделано со стороны представителя США – страны, у которой были напряженные отношения с Ираном, во-вторых, это заявление было сделано со стороны представителей ОБСЕ, членом которой не является Иран. Кстати, американская сторона уже второй раз поднимала вопрос об Иране в контексте урегулирования карабахской проблемы. “Нельзя забывать, что Карабах граничит с Ираном, и это очень серьезное обстоятельство”,– заявил Кавана[24].

Включение Ирана в проблему Карабаха было связано не столько с урегулированием этого вопроса, сколько с тем, чтобы включить Иран в процессы, происходящие в регионе. Нельзя забывать, что президент Ирана в этот период посетил Россию, где ему был оказан теплый прием. Это было не в интересах США[25]. Не исключено, что карабахская проблема была использована США, чтобы угодить Ирану и притягивать Тегеран в свою сторону.

Еще накануне киуэстских переговоров, советник министерства торговли США по новым независимым государствам Я. Калицки заявил, что в американские интересы входит более активное включение Армении во все региональные проекты и достижение экономической независимости не только от Ирана, но и от России, поскольку Россия – единственный серьезный фактор, сдерживающий интеграцию Армении, а значит, и всего Южного Кавказа в европейские и западные структуры[26].

Создается впечатление, что сопредседатели МГ,созывая все вышеперечисленные конференции и организовывая широкомасштабные активные действия, занимались не столько самой проблемой Карабаха, сколько выяснением своих отношений.

Особенно остро эти отношения выяснялись между США и Россией. В США всячески пытались не допускать возрастания роли России в этом вопросе, иначе это привело бы к укреплению позиций России на Южном Кавказе. Сегодня США активизировали свои посреднические усилия по урегулированию карабахской проблемы, создав тесный альянс с Турцией, Грузией и Азербайджаном, постепенно включая страны этого региона в свою орбиту. Армения, фактически, единственная южно-кавказская страна, которая тесно сотрудничает с Россией и является ее верным союзником. Карабахский вопрос является одним из важных и приоритетных вопросов, как во внешней, так и во внутренней политике Армении. Для Армении очень важно активное участие своего союзника – России в этом вопросе и то, какую позицию она займет в нем.

Во многом дальнейшая пророссийская политика Армении будет зависеть от той позиции, которую займет Россия в этом вопросе.

Сегодня, на фоне широкомасштабной деятельности США на Южном Кавказе, активизация НАТО и тесные отношения Турции, Грузии и Азербайджана, активные действия Европейских структур в вопросах разрешения конфликтных ситуаций, их стремления ускорить включения Армении, Азербайджана и Грузии в состав «Расширенной Европы», замечается ослабление роли России в этом регионе и ее пассивность в карабахском вопросе. Нельзя не отметить, что политическая элита РФ зачастую слишком увлекается ролью нейтрального и беспристрастного посредника. Если в начальный период карабахского конфликта Москва была одной из самых активных посредников в деле урегулирования карабахской проблемы, активно противостояла США и даже положила начало перемирия между конфликтующими сторонами, то сегодня главными участниками становятся США и Франция. Сегодня Россия объясняет свою пассивность тем, что посредник должен быть нейтральным. Но другой сопредседатель МГ – США прагматичны и свободны от комплексов при развитии контактов с политическими и экономическими структурами НКР. По словам президента НКР Аркадия Гукасяна, США стали единственной страной, официально оказывающей прямую помощь Нагорному Карабаху[27]. Армянская Ассамблея Америки (ААА) была первой организацией диаспоры, с которой власти НКР стали работать. США предоставили НКР 2,5 миллиона долларов, и, как заявил заместитель исполнительного
директора ААА Ани Тота: “мы добьемся помощи Карабаху в размере не 2,5 а 30, 40
миллионов долларов”.[28]

Как заявил бывший председатель Национального собрания НКР Олег Есаян, за шесть последних лет своего председательствования в парламенте НКР он не принял ни одного депутата российской Думы. “Но в то же время очень многие наведывались в Карабах из США, Франции, Голландии, Германии, Бельгии, Великобритании, и никто не рассматривал эти визиты как признание независимости. Запад интересуется, а русские почему-то стесняются”,— заявил Олег Есаян[29]. Сегодня в числе нескольких десятков совместных предприятий в Нагорном Карабахе к российским можно причислить лишь одно, и то созданное по инициативе председателя Союза армян России Ара Абрамяна. При этом доля российского капитала в общей структуре иностранных инвестиций в республику составляет всего 3%[30].

Чтобы не потерять Армению, как своего стратегического партнера и не допускать повышения роли США в карабахском вопросе, России необходимо активизировать свои контакты с НКР, добиться признания НКР в качестве стороны конфликта в переговорном процессе, оказать материальную поддержку. В отличие от своих коллег, российские парламентарии и представители администрации не проявляют желания ознакомиться с ситуацией на месте.

На фоне широкомасштабной деятельности европейских и американских структур нынешняя пассивность России в Закавказье выглядит странной.

В случае успеха западных посредников в деле нормализации армяно-турецких и армяно-азербайджанских отношений Россия может потерять для нее столь важный регион — Южный Кавказ.

При нынешней пассивности России возникает вопрос, насколько отвечает разрешение карабахского вопроса интересам России. Сегодня Россия хорошо понимает, что она сохраняет свое влияние в Закавказье только благодаря своим военным базам, которые расположены на территории Армении.

В случае разрешения карабахского конфликта и нормализации армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношений, когда исчезнет угроза национальной безопасности Армении, она может потребовать от России (как это сделала Грузия) вывести свои войска с территории страны. В этом случае Россия окончательно потеряет этот регион. Сегодня очень многие европейские и западные компании воздерживаются от крупных инвестиций в страны Закавказья. В случае разрешения Карабахского конфликта для Европы и Запада откроются новые горизонты для капиталовложений в страны этого региона. Фактически страны Закавказья окажутся под влиянием Запада не только с военной точки зрения, но и экономической. Россия же не сможет соперничать с США и с другими развитыми европейскими странами, так как она сама нуждается в инвестициях в некоторые сферы своей экономики. Сегодня уже западные и европейские нефтяные магнаты реализуют нефтяные и газовые проекты в обход России (Баку-Тбилиси-Джейхан),то есть постепенно пытаются ограничить сферы влияния России в этом регионе. В конфликтных ситуациях это делать трудно, в нормальных условиях, в отсутствие региональных конфликтов добиться желаемого результата для Запада не составит труда.

Другой фактор, который может объяснить пассивность России в карабахском вопросе, это то, что урегулирование этого конфликта даст новый толчок развитию армяно-турецких отношений. Сегодня карабахский фактор стал одним из камней преткновения в отношениях Турции и Армении. Являясь стратегическим партнером Азербайджана, Турция для открытия границ с Арменией в качестве предусловия ставит карабахскую проблему. Сегодня, когда

Турция так упорно хочет войти в Европейскую семью – ЕС, открытие границ с Арменией стало одной из важных задач для Турции. Урегулирование карабахского конфликта может снять напряжение в отношениях Турции и Армении и может стать предпосылкой для установления нормальных отношений с Турцией, особенно после многочисленных заявлений со стороны армянских властей: не ставить вопрос о геноциде в качестве предусловия для открытия армяно-турецких границ. Отчасти можно понять тревожность России в случае развития такого хода событий. Турция – ближайший союзник США и член НАТО, то есть нормализация армяно-турецких отношений может еще больше сблизить Армению с Западом.

Тем не менее, как бы ни развивались события после урегулирования конфликта, пассивность – не лучший способ для Москвы сохранить свое влияние на Южном Кавказе. Для этого ей необходимо активизировать свои посреднические усилия, контакты с НКР и тесно сотрудничать с Францией в урегулировании карабахского конфликта. Сегодня Франция представляет собой не отдельную страну, которая вовлечена в переговорный процесс, а скорее всего она представляет Европу, у которой самостоятельная политика в этом регионе, отличающаяся от политики США. Активизация европейских структур в этом вопросе направлена на то, чтобы не допускать усиления роли США в этом регионе. Особенно после войны в Ираке, когда США игнорировали вето Франции, начав военную кампанию против Ирака, наблюдаются некоторое напряжение в отношениях Франции и США и своего рода соперничество за расширение своего влияния на Южном Кавказе. Учитывая это, мы можем констатировать тот факт, что тесное сотрудничество с Францией в карабахском вопросе вполне исходит из интересрв России. Россия и Франция могут активно поддерживать друг друга в вопросах урегулирования карабахского конфликта, не допуская монопольную деятельность США в этом вопросе и усиления ее влияния в этом регионе. Учитывая то, что взгляды России и США часто не совпадают по карабахскому вопросу, дружественная позиция Франции в переговорном процессе необходима как для России и Армении, так и для Нагорного Карабаха. Что же касается переговорного процесса, то необходимо отметить, что без участия в нем Карабаха как отдельной стороны этот процесс обречен на провал. Сведетельством того являются все предыдущие переговоры без участия Карабаха, которые были безрезультатными. Что же касается компромиссов для разрешения этого конфликта, необходимо отметить, что на компромисс должны идти власти Карабаха и Азербайджана, а не Армении, так как это карабахско-азербайджанский конфликт, а не конфликт между Арменией и Азербайджаном. Переговорный процесс зайдет в тупик всякий раз, когда будут игнорированы эти важные моменты.

Для Армении сегодня очень важна позиция своего партнера и союзника по карабахскому вопросу. Активизация роли России в этом вопросе и усиление ее влияния на Южном Кавказе отвечает интересам Армении. Сильная и активная Россия – это сильный союзник для Армении.

1.НКР: история и современность. Степанакерт, 1998. С. 9

2. Цитируется по: *Золян С. Т. , Мирзоян Г.К.* Нагорный Карабах и вокруг него. Глазами независимых наблюдателей. Ер., 1991. С.3
3. *Манасян А.* Карабахская проблема. факты и документы. Ер., 2005. С.13
4. *Арутюнян В.Б.* События в Нагорном Карабахе, ч.1. Ер., 1990. С.7
5. Независимая Газета. 01.08.2001г.
6. Закон СССР от 3 апреля 1990г. Легитимность Нагорно Карабахской Республики в материалах и документах. Ер., 1995. С. 5.

7. *Манасян А.* Карабахский конфликт. Ер., 2005. С.81-82.
8. Результат референдума о независимости НКР. Легитимность Нагорно-Карабахской Республики в материалах и документах. Ер. ,1995. С.28.
9. *Манасян А.* Карабахская освободительная борьба в зеркале армянского политического сознания.Ер., 2003. С. 36.
10. Россия и фактор энергоносителей в Закавказье. Политика Постсоветской России на Кавказе и ее перспективы. Армянский центр национальных и международных исследований. Ер., 2001. С.207.

11. Республика Армения. 23 сентября 1991г.

12. Нагорно-карабахский конфликт (сборник документов) том 1 МИД РА. Ер., 1995. С. 95.
13. Россия и закавказские конфликты. Политика Постсоветской России на Кавказе и ее перспективы. Армянский центр национальных и международных исследований. Ер., 2001. С. 51.

14. Там же. С. 51-52.
15. *Ступишин В.П.* Карабахский конфликт 1992-1994. М., 1998. С. 129-130.
16. *Казимиров В.* Карабах: как это было. М.Ж. # 5. С. 49.
17. Документ СБСЕ. Будапештская встреча на высшем уровне от 5-6 декабря 1994г.
18. Financial Times 1997, July 30.
19. *S. Talbott.* Adress to United States President, July 1997.
20. Выступление президента НКР Аркадии Гукасяна. “ Мы стремились и будем стремиться к независимости”. Вестник МИД НКР. Октябрь-ноябрь-декабрь 1999. С. 10.
21. *Натовская Г.* Проблемы карабахского урегулирования в контексте Стамбульского саммита. ИМЭМО. Декабрь, 1999. С. 44-46.
22. Mediator optimistic statements no longer encourage conflicting sides. Noyan Tapan. 4 March, 2004
23. www.gazetasng.ru .Нагорный Карабах как повод для глобальных разборок.
24. www.artsakhal.ru. Negotiations on Nagorno-Karabakh.
25. www.freerepublic.com. Nagorno-Karabakh conflict, some facts.
26. *Алла Языкова.* Страны Кавказа в международной политике. Современная Европа, №2. Апрель-июнь, 2001. С. 69-70.
27. США- единственная страна, официально оказывающая прямую помощь Нагорному Карабаху. Азат Арцах 20-21. 10. 2004г.

28. Заявление заместителя исполнительного директора ААА Ани Тота. Карабахский Курьер. 4 (11), 2004. С.9.
29. *Есаян О.* Дальнейшее отсутствие России в Карабахе недопустимо. Азат Арцах .2 августа, 2003. С.2.
30. *Давид Дадаян.* Национально-освободительное движение армян Нагорного Карабаха и Россия. ПОСЕВ №1, 2005. С.24.

Карабахский конфликт в контексте российско-американских отношений.Взгляд из Армении

Одной из доминирующих примечательностей в современном мире является феномен этнических и этнополитических конфликтов. Эти конфликты стали бурно развиваться в Азии, Африке и в Латинской Америке после развала колониальной системы, завершения холодной войны и распада Советского Союза. Очень много этнических групп и наций были вовлечены в эти процессы. Одним из наиболее негативных результатов развала Советского Союза стал ряд региональных, в большинстве, этнических конфликтов на территории бывшего Союза. По ряду причин Российская Федерация была непосредственно вовлечена в большинство из этих конфликтов. Южный Кавказ, который веками был эпицентром перекликания интересов многих держав и кровопролитных войн, стал одним из региональных центров этнических конфликтов. Этнополитические конфликты в этом регионе начались в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии. Все три южно-кавказские страны: Армения, Азербайджан и Грузия,- начали строить свою независимость, будучи погруженными в этнические конфликты, не имея никакого опыта урегулирования таких конфликтов. Начало этих конфликтов было положено в Нагорном Карабахе во второй половине 1987 года, хотя в отличие от абхазского и южно – осетинского конфликтов, нагорно – карабахский имеет исторические корни. Он является результатом юридически неправомочных решений Кавказского бюро центрального комитета партии большевиков (Кавбюро ЦК РКП(б)), вследствие чего Нагорный Карабах был включен в состав новообразованной Азербайджанской ССР против воли народа Нагорного Карабаха[1]. Чтобы понять суть карабахского вопроса, нужно вкратце осветить корни этого конфликта. До середины XVIII века население края было исключительно армянским.В начале XIX века княжества Арцаха, формально объединненые в Карабахское ханство, вошли в состав Российской Империи. В 1813 году близ села Гюлистан (нынешний Шаумянский район НКР) был подписан Гюлистанский мирный договор между Россией и Персией, по которому Нагорный Карабах перешел от Персии к России. Распад Империи завершил период векового пребывания Карабаха в составе России и вверг край в череду жестоких войн.

1.«НКР: История и современность» Степанакерт 1998 г. с. 9

В конечном итоге пришедшие в 1920 году к власти в Закавказье российские большевики по-своему определили дальнейшую судьбу края. Сама по себе суть карабахской проблемы предельно ясно и может быть выражена буквально одним предложением, как это было сделано великим гражданином России А.И. Солженициным: "Проницательный Ильич – первой называл вопрос границ " даже десятистепенным".(Так и Карабах отрезали к Азербайджану, какая разница – куда, в тот момент надо было угодить сердечному другу Советов – Турции)" ("Как нам обустроить Россию").[2]

Победа Советской власти в Армении (ноябрь 1920г.) внесла существенные перемены. Правительство Советского Азербайджана незамедлительно объявило о том, что Карабах является неотъемлемой частью Советской Армении.[3] 4 июля 1921 г. Кавказское бюро ЦК РКП (б) вновь рассмотрело вопрос о статусе Карабаха и приняло решение оставить его в составе Армянской ССР. Однако на следующий день под давлением Сталина, Кавбюро ЦК РКП (б) приняло решение о передаче Карабаха Азербайджанской ССР, мотивируя необходимостью национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верховного и Нижнего Карабаха с Азербайджаном, игнорируя этнический и исторический факторы.[4] Как можно заметить, уже в начале 1920-х гг. при решении вопроса о статусе Нагорного Карабаха проявилась противоречивость, не был соблюден важнейший принцип – право наций на самоопределение.

История показал, что решение этого конфликта без учета интересов народа Карабаха просто невозможно. Как отметил первый заместитель министерства иностранных дел России, сопредседатель Минской конференции ОБСЕ от России Вячеслав Трубников; «урегулирование конфликта должно привести к удовлетворению интересов народа Нагорного Карабаха»[5] .В отличие от других посредников урегулировании этой проблемы, Россия была вовлечена в этот конфликт гораздо раньше и оставила свой след в один из наиболее затяжных международных вооруженных конфликтов на территории бывшего СССР.

Новый этап Карабахской национально – освободительной борьбы отличается рядом существенных особенностей. Эта борьба фактически стала мощнейшим стимулом к всенародному пробуждению и возрождению, подняла на ноги весь армянский народ и вылилась в общенациональное движение. Карабахское движение стало также значительным стимулом для борьбы малых народов Советского Союза, и первым среди

2. С. Т. Золян, Г.К. Мирзоян "Нагорный Карабах и вокруг него. Глазами независимых наблюдателей" Ер. 1991 с.3
3. А. Манасян " Карабахская проблема. факты и документы", Ер. 2005 с.13
4. В. Б. Арутюнян " События в Нагорном Карабахе" ч.1, Ер. 1990 с.7

5. «Независимая Газета» 01.08.2001г.

них обратило на себя внимание мирового сообщества. После распада СССР Карабах как и Азербайджан провозгласили свою независимость на основании тогда действующему законадательству СССР от 3 апреля 1990г. о порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР, которая давала право выхода союзной республики из СССР путем референдума. Статья 3 вышеупомянутого закона гласила: “За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребевании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе”.[6] После того, как Азербайджан декларировал и конституционным актом закрепил отказ от правопреемства АзССР, востановив государственность существовавщей в 1918-1920гг Азербайджанской Демократической Республики (АДР) в составе которой не было ни Нахичевани, ни Карабаха, 10 декабря 1991г. состоялся референдум о независимости НКР.[7] Входе референдума около 99,89% голосовавщих высказались за независимость Карабаха.[8]

Казалось, что провозглашение НКР имела все правовые и исторические основы, с учетом которых Карабах должен был стать признанной независимой страной и поставить точку над один из наиболее затяжных международных конфликтов на территории бывшего СССР.

Но к концу 1991 – началу 1992г., когда карабахский конфликт превратился из внутренней проблемы СССР в межгосударственную проблему, вовлеченные в нем посреднические страны начали рассматривать этот вопрос с международно – политической позиции, игнорироваав правовые аспекты урегулирования этого конфликта. Перенос решения карабахского конфликта на политическую плоскасть, соответствовал интересам великих держав, который позволял им произвольно комментировать этот конфликт и выяснять свои геополитические отношения в Закавказье.[9]

Чем же претягивал карабахский конфликт великих держав, особенно США и России, который нужно рассматривать именно в контексте российско-американских отношений. Являясь самыми активными участниками в деле решения этого вопроса и как великие державы, которые преследуют свои национальные интересы в этом регионе, именно Россия и США всегда играли ключевую роль в этом вопросе и от части именно существующих противоречий между ними карабахский вопрос зашел в тупик.

6. Закон СССР от 3 апреля 1990г. “Легитимность Нагорно Карабахской Республики в материалах и документах” Ер. 1995 с. 5

7. А. Манасян “ Карабахский конфликт” Ер. 2005, с.81-82

8. “результат референдума о независимости НКР” Легитимность Нагорно-Карабахской Республики в материалах и документах” Ер. 1995, с.28

9.А. Манасян “ Карабахская освободительная борьба в зеркале армянской политической сознании.” Ер. 2003, с 36

Не меньшее, если не большее значение, чем военный, в развитии конфликтов в Закавказье, имеет фактор энергоносителей, прежде всего – нефти и газа. Энергоресурсы и коммуникации для их транспортировки на мировой рынок – стержень геополитического соперничества между Россией и США. Из всех закавказских конфликтов наиболее тесно с фактором энергоресурсов связан именно карабахско – азербайджанский.[10] Вот почему карабахский конфликт находится под пристальным вниманием как США, так и России. С другой стороны карабахский конфликт мог привести к укреплению военно-политических позиций этих держав на Южном Кавказе. Поэтому, изначально основные действия России были направлены не только и не столько к подлинному урегулированию карабахского конфликта, сколько не допустить превращения Закавказья в зону распространения интересов "третьих стран". Примичательна позиция США в этом вопросе. Изначально, еще до распада СССР, Вашингтон решетельно поддерживал национальное самоопределение бывших Советских республик, но кардинальным образом поменял свою позицию после распада СССР и начал активно поддерживать территориальную целостность Азербайджана, с которой карабахский конфликт не имел ничего общего. На западе в то время, видимо, полагали, что время безраздельного господства России на Южном Кавказе ушло в прошлое вместе с исчезновением СССР с политической карты мира.Все вышеперечиленные тенденции привели к тому, что в процессе урегулирования карабахско-азербайджанского конфликта постепенно начали складываться условия для соперничества между Россией и США. Интересно отметить, сто конфликтующие стороны довольно рано осознали, какие богатые возможности внешнеполитического маневрирования открывает это негласное соперничество, и использовали эти противоречия между Россией и США.

Первую серьезную акцию по урегулированию конфликта Россия предприняла совместно с Казахстаном в сентябре 1991г., когда президенты Ельцин и Назарбаев посетили Баку, Ереван, Степанакерт, после чего вылетели в Железноводск, где состоялись первые переговоры с участием руководства Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении.[11]Результатом встречи стало подписание ее участниками коммюнике. И в дальнейшем Россия, как в рамках образованной Минской группы СБСЕ / ОБСЕ, так и самостоятельно, активно пыталась примирить противоборствующие стороны. Активизация роли России в переговорном процессе не была воспринята однозначно другими международными акторами, в частности США и Турцией, немаловажную роль в

---

10. " Россия и фактор энергоносителей в Закавказье" Политика Постсоветской России на Кавказе и ее перспективы, Армянский центр национальных и международных исследований, Ер. 2001, с.207

11. . « Республика Армения» 23 сентября 1991г.

препятствии усилиям России сыграл и Азербайджан. Западные партнеры обвиняли Москву в том, что она преследует свою цель – вновь укрепить влияние России на Кавказе и что надо « сдерживать Россию в ее неоимпериалистических амбициях». Западные партнеры всячески старались не допустить возрастания роли России в карабахском процессе и в этом регионе в частности. Этим можно объяснить неудачи переговорного процесса в этом конфликте. Но все-таки роль России в деле урегулирования конфликта нельзя умалить, хотя, окончательное решение вопроса в этот период времени не соответствовало интересам России, и она упустила хороший шанс стать единственным посредником в решении этой проблемы.

Как прямой результат военных потерь, в конце 1992г. в Азербайджане начались внутренние волнения. После побега президента Азербайджана Абульфаза Эльчибея из столицы, в Баку возвратился Гейдар Алиев из Нахичевана. В Азербайджане произошел государственный переворот, и во главе власти встал Гейдар Алиев, который на западе был известен своей «пророссийской» ориентацией. Для России была создана единственная и уникальная возможность взять в свои руки весь дальнейший переговорный процесс. В этот период времени обстановка для России была весьма благожелательна, что было связано также с подписанием соглашения между Арменией и Россией о дальнейшей нахождении российских военных баз на территории Армении, которое еще больше укрепляло позицию России во всем регионе[12]. Но окончательное решение карабахского конфликта в пользу одной из конфликтующих сторон не входило в интересы России.

Во-первых, этот конфликт служил козырем в руках России, с помощью которого она пыталась обеспечить свое военное присутствие в Азербайджане. Напомним, что именно в 1992 г. в Грузии и Азербайджане набирало силу движение за полный вывод подразделений ВС и пограничных войск России, что мог привести к ослаблению ее позиций в этом регионе.

Во-вторых, Карабахский конфликт был рычагом давления на Азербайджан, с помощью которого, Россия смогла бы заставить его идти на некоторые уступки в ряде важных вопросов, которые представляют жизненно важный интерес для России: статус Каспия, транспортировка каспийской нефти и т. д.

Но для России не было также выгодно решать эту проблему в пользу Армении, потому что:

во-первых, Россия потеряла бы свой козырь против Азербайджана;

во-вторых, возросла бы возможность для Армении стать более самостоятельным государством.

---

12. « Нагорно-карабахский конфликт (сборник документов) том 1 МИД РА с. 95, Ереван 1995г.

Нужно отметить, что особенно остро противоречия между Россией и США выявлялись при обсуждения вопроса о миротворческих сил посреднических стран конфликта, которые должны были наблюдать за перемирием в зоне конфликта. Вашингтон всячески старался не допустить, чтобы функции наблюдения за перемирием остались исключительно в руках России. Потверждение этому является неформальная встреча личных представителей президентов России, США, Турции, Армении и Азербайджана, которая прошла в Женеве в 1992г. На этой встрече разговор шел о продолжении миротворческих усилий не в отдельности, а в рамках так называемого "формата пятерки".[13] Это свидетельствовало о том, что США берут на себя роль главного противовеса России в процессе урегулирования конфликта.

Стратегическое соперничество между США и Россией торпедировало те или иные разумные инициативы по урегулированию конфликта. Наглядно это проявилось в "формате пятерки". Суть участия России и США в рамках этой инициативы была различной: Вашингтон всячески пыталась уравновесить российское участие в деле урегулирования конфликта, а Москва старалась не допустить усиления влияния США и Турции в Закавказье.[14]

Важнейшим поворотом в переговорном процессе стало вмешательство в этот процесс Министерства Обороны РФ. Министр обороны РФ Павел Грачев, уставший от дипломатических игр МИД РФ, взял инициативу в свои руки. 18 февраля 1994года в Москве состоялась встреча между представителями армии обороны Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, в результате которой был подписан протокол.

Согласно 7 пункту этого протокола, министр обороны РФ имел право в случае нарушения достигнутого соглашения предпринять любые, в том числе военные действия. Этот протокол фактически стал основой для заключения майского перемирия. Осознав, что инициатива упущена, МИД РФ дал свое согласие на подписанный протокол, притворяясь, что якобы для подписания этого протокола немаловажную роль сыграл также Казимиров. Но, как утверждает Владимир Ступишин, тогдашний посол РФ в Армении, протокол был результатом исключительно деятельности военных, о котором свидетельствуют также некоторые терминологические ошибки в протоколе, которые вряд ли мог допустить Казимиров.[15]

Уже, вскоре после подписания Московского протокола, Министр Иностранных Дел Турции Г. Четин, заявил главному советнику президента Армении Жирайру Липаритяну,

13. “ Россия и закавказские конфликты” Политика Постсоветской России на Кавказе и ее перспективы. Армянский центр национальных и международных исследований, Ер. 2001 с. 51
14.там же
15. Ступишин В.П. « Карабахский конфликт 1992-1994» М. 1998г. с. 129-130

что Турция будет всячески мешать реализации Московского протокола. А президент Азербайджана Г. Алиев во время встречи с главой группы российских наблюдателей генералом Георгием Кондратьевым четко отметил, что он не допустит, чтобы российские солдаты вошли в Азербайджан. Таким образом, предложения России долгое время блокировались как со стороны непосредственно участника конфликта – Азербайджана, так и западных партнеров России. Несмотря на негативные отношения к посредническим усилиям России со стороны вышеперечисленных государств, посреднические попытки России, в конце концов, дали свои плоды. Кульминацией этих усилий стало подписание сторонами конфликта в начале мая 1994 года при посредничестве России Бишкекского протокола, положившего начало процессам достижения договоренности о прекращении огня. О существовании противоречия между посредниками МГ СБСЕ свидетельствует также уполномоченный представитель президента РФ по политическому урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе, посол по особым поручениям Владимир Казимиров: «Со стороны партнеров по Минской группе признание важности этого события пришло лишь задним числом, после того как прекращение огня было достигнуто, да и то не сразу. Некоторые из них не только не оказывали содействия этим усилиям России, но еще долго избегали признания значения свершившегося факта».[16]

После майского перемирия все последующие конференции в рамках СБСЕ/ ОБСЕ по карабахскому вопросу, были своего рода выяснением отношений между Россией и другими Западными странами, не допуская повышения роли Москвы в урегулировании этой затянувшейся проблемы. Несмотря на то, что на Будапештском саммите, который состоялся 5-6 декабря 1994 года, все государства – участники этого саммита приветствовали подтверждение сторонами конфликта договоренности о прекращении огня, достигнутой 12 мая 1994 года благодаря посредническим усилиям Российской Федерации, тем не менее обсуждение нагорно – карабахской проблемы на этом саммите ОБСЕ – вызвало опасения «основных стран» в отношении того, что возможное повышение миротворческой роли Москвы в урегулировании повлечет за собой усиление ее влияния в Закавказье вообще. Поэтому на саммите был взят курс на формирование коллективных миротворческих усилий. Предусматривалось создание в Вене группы планирования высокого уровня для выработки рекомендаций, среди прочего, относительно размера и характеристик миротворческих сил, командования и управления ими и т. д.

Яблоком раздора на этом саммите между Россией и США стал вопрос о количественном и качественном составе миротворческого контингента войск ОБСЕ.

---

16. В. Казимиров " Карабах: как это было" М.Ж. # 5 с. 49

Москва настаивала на том, чтобы была не меньше 50% от общего количества, Вашингтон же настаивал на 30% российского участия.[17] Во время саммита было решено создать институт сопредседателства. Россия стала сопредседателем на постоянной основе; наряду с ней, начиная с 1995 года, сопредседателем МГ стала Швеция, с 1996 года - Финляндия. В начале 1997 года введено тройное сопредседательство , и сопредседателями МГ стали Россия, США и Франция, которые стали основными игроками в этом вопросе. Каждый из этих стран пытался решить проблему в соответствии со своими интересами, не допуская усиления роли других государств в этом регионе . После подписания в 1994г. международных нефтяных контрактов азербайджанская, а затем и казахстанская нефть стала фактором усиления соперничества России и США на Южном Кавказе.За активизацией политики США на Кавказе стояло намерение не только обеспечить бесперебойную транспортировку каспийской нефти, но и усилить ее влияния на ситуацию в этом регионе, не допуская усиления в нем позиции России.[18] Как заявил заместитель государственного секретаря США Строуб Телботт, американской стороне не безразлично, что происходит в этом регионе, где находятся запасы нефти в 200 млрд. баррелей. Телботт также заявил о необходимости принять меры по ограничению дестабилизирующего влияния России и Ирана на регионы Кавказа и Средней Азии.[19]Следующим наглядным примером противостояния сопредседателей, особенно между США и Россией, стала Стамбульская встреча ОБСЕ в ноябре 1999 года. Окончательного решения карабахской проблемы на этой встрече не ждали ни в Баку, ни в Ереване, ни в Степанакерте. Комментируя предстоящий стамбульский саммит, президент НКР Аркадий Гукасян отметил, что саммит созывается не для решения карабахского вопроса. « Это будет один из сотен обсуждаемых вопросов»,- заявил президент. [20]

Не став поворотной точкой в разрешении карабахского конфликта, Стамбульская встреча, по мнению наблюдателей, стала началом нового противостояния в регионе, только теперь уже в области энергетики. В связи с подписанием пакета соглашений по так называемым энергетическим проектам в Закавказье, госдепартамент США распространил специальное заявление, в котором говорится, что Вашингтон намерен

способствовать укреплению суверенитета и независимости новых независимых государств Каспийского региона, усилению энергетической безопасности США, Турции

17. Документ СБСЕ «Будапештская встреча на высшем уровне» от 5-6 декабря 1994г.
18. Financial Times 1997, July 30
19. S. Talbott. Adress to United States President, July 1997
20. Выступление президента НКР Аркадии Гукасяна « Мы стремились и будем стремиться к независимости» Вестник МИД НКРоктябрь-ноябрь-декабрь 1999г. с. 10

и их союзников путем свободного выхода каспийских энергоресурсов на мировые рынки. Аналитики расценивают подобное заявление как свидетельство стремления США к полной нейтрализации российского и иранского влияния и обеспечения американо-турецкого контроля над энергетическими ресурсами региона.[21] В подтверждение этому в ноябре 1999г в Стамбуле были подписаны соглашения по экспортному трубопроводу Баку – Тбилиси – Джейхан.

Своего рода ареной для выяснения американо-российских отношений по карабахскому вопросу стала киуэстская встреча, которая прошла с 3 по5 апреля 2001 года во Флориде по инициативе США. Несмотря на то, что эта встреча известна как саммит, посвященный урегулированию карабахского конфликта, тем не менее, эта встреча касалась не столько разрешению этой проблемы, сколько выяснения отношений между Россией и США – основными действующими лицами посреднической миссии ОБСЕ.[22]

Во всяком случае, в Армении киуэстские переговоры были прокомментированы как акция для установления взаимоотношений Россия – США – Европа – Азия. Именно во время этой встречи было замечено ухудшение американо-китайских отношений и сближение России с Германией. Такого рода изменения политики в отношениях с Китаем, Германией, Японией и со всей Европой было заметно во внешней политики России за последние двенадцать лет, всякий раз, когда возникали разногласия между Вашингтоном и Москвой. Предполагается, что киуэстская встреча была чем-то вроде выяснения таких отношений.[23]

Существует и ряд других косвенных доказательств того, что Карабах в Ки Уэсте действительно был поводом для глобальных разборок. Это, прежде всего, участие Вячеслава Трубникова, который возглавлял российскую делегацию и был заместителем министра иностранных дел России и специальным представителем президента РФ в странах СНГ, в переговорах во Флориде. Российская делегация такого высокого уровня никогда не участвовала в переговорах. Так что сам факт повышения статуса российской делегации свидетельствует о заинтересованности России в флоридской встрече. На этой встрече представитель США Керри Кавана заявил о необходимости включить Иран в

переговорный процесс по Карабахскому вопросу. Речь шла не о непосредственном участии Ирана в переговорном процессе. По словам Кавана, сопредседатели только должны были известить Иран о достижениях флоридской встречи.

---

21. Г. Натовская « Проблемы карабахского урегулирования в контексте Стамбульского саммита» ИМЭМО декабрь 1999г. с. 44-46
22. "Mediator optimistic statements no longer encourage conflicting sides" Noyan Tapan 4 March 2004
23. « Нагорный Карабах как повод для глобальных разборок » www gazeta sng. Ru

Тем не менее, заявления Каваны было весьма странным: во-первых, это заявление было сделано со стороны представителя США – страны, у которой были напряженные отношения с Ираном, во-вторых, это заявление было сделано со стороны представителей ОБСЕ, членом которой не является Иран. Кстати, американская сторона уже второй раз поднимала вопрос об Иране в контексте урегулирования карабахской проблемы. «Нельзя забывать, что Карабах граничит с Ираном, и это очень серьезное обстоятельство»,- заявил Кавана.[24]

Включение Ирана в проблему Карабаха было связано не столько с урегулированием этого вопроса, сколько таким способом включить Иран в процессы, происходящие в регионе. Нельзя забывать, что президент Ирана в этот период посетил Россию, где ему был оказан теплый прием. Это было не в интересах США[25]. Не исключено, что карабахская проблема была использована США, чтобы угодить Ирану и притягивать Тегеран в свою сторону.

Еще накануне киуэстских переговоров, советник министерства торговли США по новым независимым государствам Я. Калицки заявил, что в американские интересы входит более активное включение Армении во все региональные проекты и достижение экономической независимости не только от Ирана, но и от России, поскольку Россия – единственный серьезный фактор, сдерживающий интеграцию Армении, а значит, и всего Южного Кавказа в европейские и западные структуры.[26]

Создается впечатление, что сопредседатели МГ, созывая все вышеперечисленные конференции и организовывая широкомасштабные активные действия, занимались не столько самой проблемой Карабаха, сколько выяснением своих отношений.

Особенно остро эти отношения выяснялись между США и Россией. В США всячески пытались не допускать возрастания роли России в этом вопросе, иначе это привело бы к укреплению позиций России на Южном Кавказе. Сегодня США активизировали свои посреднические усилия по урегулированию карабахской проблемы, создав тесный альянс с Турцией, Грузией и Азербайджаном, постепенно включая страны этого региона в свою орбиту. Армения, фактически, единственная южно-кавказская страна, которая тесно сотрудничает с Россией и является ее верным союзником. Карабахский

вопрос является одним из важных и приоритетных вопросов, как во внешней, так и во внутренней политике Армении.Для Армении очень важно активное участие своего союзника – России в этом вопросе и то, какую позицию она займет в нем.

24. " Negotiations on Nagorno-Karabakh" www artsakh al. ru
25. " Nagorno-Karabakh conflict, some facts" www freerepublic. Com
26. Алла Языкова « Страны Кавказа в международной политике» Современная Европа №2 2001г апрель-июнь

Во многом дальнейшая пророссийская политика Армении будет зависеть от той позиции, которую займет Россия в этом вопросе.

Сегодня, на фоне широкомасштабной деятельности США на Южном Кавказе, активизация НАТО и тесные отношения Турции, Грузии и Азербайджана, активные действия Европейских структур в вопросах разрешения конфликтных ситуаций, их стремления ускорить включения Армении, Азербайджана и Грузии в состав «Расширенной Европы», замечается ослабление роли России в этом регионе и ее пассивность в карабахском вопросе. Нельзя не отметить, что политическая элита РФ зачастую слишком увлекается ролью нейтрального и беспристрастного посредника. Если в начальный период карабахского конфликта Москва была одной из самых активных посредников в деле урегулирования карабахской проблемы, активно противостояла США и даже положила начало перемирия между конфликтующими сторонами, то сегодня главными участниками становятся США и Франция. Сегодня Россия объясняет свою пассивность тем, что посредник должен быть нейтральным. Но другой сопредседатель МГ – США прагматичны и свободны от комплексов при развитии контактов с политическими и экономическими структурами НКР. По словам президента НКР Аркадия Гукасяна, США стали единственной страной, официально оказывающей прямую помощь Нагорному Карабаху.[27] Армянская Ассамблея Америки (ААА) была первой организацией диаспоры, с которой власти НКР стали работать. США предоставили НКР 2,5 миллиона долларов, и, как заявил заместитель исполнительного директора ААА Ани Тота ; « мы добьемся помощи Карабаху в размере не 2,5 а 30, 40 миллионов долларов».[28]

Как заявил бывший председатель Национального собрания НКР Олег Есаян, за шесть последних лет своего председательствования в парламенте НКР он не принял ни одного депутата российской Думы. «Но в то же время очень многие наведывались в Карабах из США, Франции, Голландии, Германии, Бельгии, Великобритании, и никто не рассматривал эти визиты как признание независимости. Запад интересуется, а русские почему-то стесняются,», - заявил Олег Есаян[29].Сегодня в числе нескольких десятков совместных предприятий в Нагорном Карабахе к российским можно причислить лишь

одно, и то созданное по инициативе председателя Союза армян России Ара Абрамяна. При этом доля российского капитала в общей структуре иностранных инвестиций в республику составляет всего 3%.[30]

27. « США- единственная страна, официально оказывающая прямую помощь Нагорному Карабаху» Азат Арцах 20-21. 10 2004г.
28. « Заявление заместителя исполнительного директора ААА Ани Тота» Карабахский Курьер 4 (11) 2004г. с.9
29. Есаян О. « Дальнейшее отсутствие России в Карабахе недопустимо» Азат Арцах 2 августа 2003г. с.2
30. Давид Дадаян « национально-освободительное движение армян Нагорного Карабаха и Россия» ПОСЕВ №1 2005г. с.24

Чтобы не потерять Армению, как своего стратегического партнера и не допускать повышения роли США в карабахском вопросе, России необходимо активизировать свои контакты с НКР, добиться признания НКР в качестве стороны конфликта в переговорном процессе, оказать материальную поддержку. В отличие от своих коллег, российские парламентарии и представители администрации не проявляют желания ознакомиться с ситуацией на месте.

На фоне широкомасштабной деятельности европейских и американских структур нынешняя пассивность России в Закавказье выглядит странной.

В случае успеха западных посредников в деле нормализации армяно-турецких и армяно-азербайджанских отношений и перспектива включения трех южно-кавказских государств в состав «расширяющейся Европы» Россия может потерять для нее столь важный регион - Южный Кавказ.

При нынешней пассивности России возникает вопрос, насколько отвечает разрешение карабахского вопроса интересам России. Сегодня Россия хорошо понимает, что она сохраняет свое влияние в Закавказье только благодаря своим военным базам, которые расположены на территории Армении.

В случае разрешения карабахского конфликта и нормализации армяно-азербайджанских и армяно-турецких отношений, когда исчезнет угроза национальной безопасности Армении, она может потребовать от России (как это сделала Грузия) вывести свои войска с территории страны. В этом случаи Россия окончательно потеряет этот регион. Сегодня очень многие европейские и западные компании воздерживаются от крупных инвестиций в страны Закавказья. В случае разрешения Карабахского конфликта для Европы и Запада откроются новые горизонты для капиталовложений в страны этого региона. Фактически страны Закавказья окажутся под влиянием Запада не только с военной точки зрения, но и экономической. Россия же не сможет соперничать с США и с другими развитыми европейскими странами, так как она сама нуждается в инвестициях в некоторые сферы своей экономики. Сегодня уже западные и европейские нефтяные магнаты реализуют нефтяные и газовые проекты в обход России (Баку-Тбилиси-Джейхан), т. е. постепенно

пытаются ограничить сферы влияния России в этом регионе. В конфликтных ситуациях это делать трудно, в нормальных условиях, в отсутствие региональных конфликтов добиться желаемого результата для Запада не составит труда.

Другой фактор, который может объяснить пассивность России в карабахском вопросе, это то, что урегулирование этого конфликта даст новый толчок развитию армяно – турецких отношений. Сегодня карабахский фактор стал одним из камней преткновения в отношениях Турции и Армении. Являясь стратегическим партнером Азербайджана, Турция для открытия границ с Арменией в качестве предусловия ставит карабахскую проблему. Сегодня, когда Турция так упорно хочет войти в Европейскую семью – ЕС, открытие границ с Арменией стало одной из важных задач для Турции. Урегулирование карабахского конфликта может снять напряжение в отношениях Турции и Армении и может стать предпосылкой для установления нормальных отношений с Турцией, особенно после многочисленных заявлений со стороны армянских властей: не ставить вопрос о геноциде в качестве предусловия для открытия армяно-турецких границ. Отчасти можно понять тревожность России в случае развития такого хода событий. Турция - ближайший союзник США и член НАТО, т.е. нормализация армяно-турецких отношений может еще больше сблизить Армению с Западом.

Тем не менее, как бы ни развивались события после урегулирования конфликта, пассивность - не лучший способ для Москвы сохранить свое влияние на Южном Кавказе. Для этого ей необходимо активизировать свои посреднические усилия, контакты с НКР и тесно сотрудничать с Францией в урегулировании карабахского конфликта. Сегодня Франция представляет собой не отдельную страну, которая вовлечена в переговорный процесс, а скорее всего она представляет Европу, у которой самостоятельная политика в этом регионе, отличающаяся от политики США. Активизация европейских структур в этом вопросе направлена на то, чтобы не допускать усиления роли США в этом регионе. Особенно после войны в Ираке, когда США игнорировали вето Франции, начав военную кампанию против Ирака, наблюдаются некоторое напряжение в отношениях Франции и США и своего рода соперничество за расширение своего влияния на Южном Кавказе. Учитывая это, мы можем констатировать тот факт, что тесное сотрудничество с Францией в карабахском вопросе вполне исходит из интересрв России. Россия и Франция могут активно поддерживать друг друга в вопросах урегулирования карабахского конфликта, не допуская монопольную деятельность США в этом вопросе и усиления

ее влияния в этом регионе. Учитывая то, что взгляды России и США часто не совпадают по карабахскому вопросу, дружественная позиция Франции в переговорном процессе необходима как для России, и Армении, так и для Нагорного Карабаха. Что же касается переговорного процесса, то необходимо отметить, что без участие в нем Карабаха как отдельной стороны этот процесс обречен на провал. Сведетельством того являются все предидущие переговоры без участие Карабаха, которые были безрезультатными.Что же касается компромиссов для разрешении этого конфликта, необходимо отметить, что на компромисс должны идти власти Карабаха и Азербайджана, а не Армении, так как это карабахско-азербайджанский конфликт, а не конфликт между Арменией и Азербайджаном. Переговорный процесс зайдет в тупик всякий раз, когда будут игнорированы эти важные моменты.

Для Армении сегодня очень важна позиция своего партнера и союзника по карабахскому вопросу. Активизация роли России в этом вопросе и усиление ее влияния на Южном Кавказе отвечает интересам Армении. Сильная и активная Россия – это сильный союзник для Армении.

Вреж Кардумян

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АРМЯНСКИХ ЭМИГРАНТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ С АНАЛОГИЧНЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ ИЗ КАВКАЗА В 1924-1940 гг.

Абрамян Э. А.

Большевизация Южного Кавказа (Закавкаья) проходила кровопролитно. В некоторых районах дашнаки, меньшевики и мусаватисты организовали столкновения с Красной армией, однако в итоге были разоружены и, в конце концов, эмигрировали за границу.

После провала февральского восстания армянских дашнаков в 1921 г., многие сторонники и лидеры партии «Дашнакцутюн» были убиты или заключены в тюрьмы. Члены партии и сторонники идей партии эмигрировали в ближнее и дальнее зарубежье. Несмотря на это, в стране оставались ячейки Дашнакцутюн, которые были вынуждены действовать подпольно. С началом раскулачивания, голода и пятилеток ячейки организаций антисоветского толка активизировались. Сразу после установления советской власти на Кавказе, различные дашнакские, мусаватистские, меньшевистские разведовательно-диверсионные группы периодически пытались проникнуть в Закавказье не только для разведовательно-диверсионной деятельности, но и для антибольшевистской агитации, в результате чего в период коллективизации на Южном Кавказе начались массовые антисоветские волнения, о которых советская историография молчала. Эти события в достаточной мере не исследованы и сегодня. Отметим лишь, что Кавказ являлся самым нестабильным регионом СССР в 20-х – 40-х гг. прошлого столетия, основной причиной которого кроме бытового недовольства являлась активная антисоветская пропаганда со стороны эмигрантских организаций, которые, по сути, представляли собой правительства в изгнании.

Армянские общины, находящиеся в эмиграции, начали объединяться в более крупные организации. АРФ Дашнакцутюн стала основной партией в изгнании. Являясь единственной националистической партией, имея отличную репутацию и доброе имя, «Дашнакцутюн» сплотила основные слои эмигрантского общества. Ее руководители – легендарные военоначальники и национальные герои вселяли в людей надежду, что настанет день, когда многострадальный народ вернется на свои земли с национальным знаменем в руках.

В 1933 г. в Париже состоялось 12-е собрание АРФ Дашнакцутюн, на котором участвовали практически все известные деятели армянской эмиграции. Среди участников был и армянский военноначальник Гарегин Тер-Арутюнян (Нжде)[1], который представлял армянские эмигрантские круги Болгарии. Нжде представил несколько основных пунктов по организации эмигрантства и борьбы против Турции и большевиков. Главной задачей Нжде считал организацию армянской молодежи на основе здорового национализма и принципа внепартийности. Летом 1933 г. для осуществления этой задачи он отправился в США, где создал националистическое движение «Цегакрон» (Родопочитание). Нжде создал Клятвенные Союзы Цегакронов (Цегакрон Ухтер) в местах компактного проживания армян США. Филиалы организации были открыты в Болгарии, в Румынии, в Германии, в Греции и во Франции. Организация пропагандировала ценности армянской нации, ее культуры и языка, идею сотрудничества со всеми антитурецкими силами для освобождения своей страны. В 1935 г. в Софии Нжде опубликовал работу, «Американское армянство – Род и

его отребье», а также большое количество статей. В одной из них он писал: «Если по сей день наш народ получает лишь удары и трагически неспособен дать отпор – причина в том, что он не живет как род... Цегакронство – вот панацея, без которой армяне останутся политически самой обездоленной частью человечества»[2]. Тем самым Нжде предвестил появление родового чувства, положив начало теории Арменизма. Девизом организации было «Армению – армянам», а целью ее создания: «Воспитать родопочитающее поколение, представители которого жили и действовали бы как подданные и воины своего рода, где бы они ни были и какое бы социальное положение ни занимали»[3].

С середины 1935 г. отношения между «Цегакрон Ухтер» и партией «Дашнакцутюн» обострились. Лидеры «Дашнакцутюн» считали Цегакрон молодежным крылом партии и порою не считались с его руководством. Обострились в частности отношения между Нжде и руководителем Бюро АРФ Рубеном. Рубен обвинял Нжде, что он якобы создал опасную для армянства организацию, и что она может расколоть Дашнакцутюн изнутри. В итоге в 1938 г. на 13-м Общем Собрании партии было принято решение об исключении Нжде из ее рядов. В дальнейшем руководство «Дашнакцутюн» попыталось вернуть Нжде в свои ряды, однако получило отказ. В 1939 г. генерал Драстамат Канаян пытался убедить Нжде снова войти в ряды партии и подчинить «Цегакрон» партии «Дашнакцутюн», однако и на этот раз Нжде отказался и заявил, что пришло время для решения не только партийных, но и обшеармянских проблем, что он будет сотрудничать с партией именно в этом направлении.

В 1937 г. Нжде вместе с Айком Асатряном, также покинувшего партию «Дашнакцутюн», начинает публиковать влиятельную эмигрантскую газету «Размик», которая в дальнейшем становится органом Цегакрон. Необходимо также отметить, что во главе с Айком Асатряном в Европе в конце 1937 г. была создана новая эмигрантская организация «Таронаканутюн» (Таронство)[4], которая основывалась на националистических идеях, а также поддерживала и развивала идею об арийском происхождении армян. А. Асатряну в работе по созданию идеологии организации всячески содействовали Нжде, Н. Аствацатурян и другие эмигрантские деятели. Официальным органом движения являлся еженедельник «Таронский Орел» («Тарони Арцив»). Таронское движение, однако, не очень отличалось от основной направленности организации «Цегакрон». К началу Второй мировой войны, после военно-психологической подготовки начали формироваться полувоенные разведовательно-диверсионные группы молодежи из «Цегакрон» и «Таронаканутюн». В дальнейшем группы под руководством Гарегина Нжде проходили подготовку в лагерях Абвера для их дальнейшей переброски на территорию Кавказа и Турции.

Во второй половине 1920-х гг. под покровительством Польши был создан союз кавказских народов «Прометей» – общественно-политическая организация, которая включала в себя антисоветски настроенных представителей кавказских эмигрантских организаций Европы и Турции. Польское руководство попыталось использовать национально-освободительные идеи для расчленения своего давнейшего и основного противника – Россию в лице СССР. Как считали в Варшаве, достижение этой цели возможно при тесном сотрудничестве с кавказской эмиграцией. Архивные материалы и исследования некоторых российских и польских историков свидетельствуют, что Генеральный штаб в Варшаве даже намеревался для этого разработать специальную стратегию[5]. Как известно, Государство Польское до ее оккупации Россией в XVIII в. и разделением между Австро-Венгрией и Пруссией являлось мощным государством

Восточной Европы. Находясь в составе Российской империи вплоть до 1917 г., ее границы и население уменьшились в несколько раз. В 1920 г. большевистское руководство решило вернуть Польшу в состав России. Был организован известный поход под командованием М. Тухачевского, который в итоге потерпел поражение при попытке захватить Варшаву, и был вынужден отступить.

Исходя из вышеуказанных фактов, польский генштаб был уверен, что большевики никогда не смирятся с поражением и в дальнейшем попробуют включить Польшу в состав России. Для этого, руководство в Варшаве пыталось создать для Москвы проблемы, связанные с антибольшевистскими эмиграционными кругами народов Кавказа, а также казаков и тюркоязычных народностей России. Одним словом, польские военные круги считали, что при войне той или иной страны с СССР должна актуализироваться идея независимого и свободного Кавказа. Принимая во внимание возможности Варшавы стать «покровителем освободительного движения»[6], было решено в дальнейшем активно снабжать оружием будущих кавказских партизан.

Турция являлась основным союзником Польши, что и привело к разногласиям внутри организации Прометей. В частности, армянские антисоветски настроенные лидеры не поддерживали идею, что Турция будет снабжать оружием повстанческие движения на Кавказе и в нужный момент якобы «поможет» восставшим военной интервенцией и станет гарантом независимости южнокавказских стран. Пантюркистская политика Турции по отношению к Кавказу также оставалась неизменной. Основной задачей Анкары, как и в 1918-1920 гг. было воссоединение со своими этническими братьями в Аджарии, в Азербайджане, в Борчалы, а затем и с тюркскими народами Дагестана. Кроме того, по планам турецкого руководства, в период восстаний кавказских народов против советской власти, тюркоязычные народы должны были объединиться в одно государство, а это значило уничтожение армянского народа и ее государственности. Такая участь ждала и Грузию. Это стало одной из основных причин раскола организации «Прометей».

14 июля 1934 г. в Брюсселе состоялась конференция народов Кавказа, на которой по инициативе Варшавы были представлены все, кроме армян. За Азербайджан – Расул-заде и Топчибаев[7]; за Северный Кавказ – Чулик, Шакманов и Сунжев; за Грузию – Жордания, бывший представитель грузинского правительства, и Чхенкели, его представитель во Франции. Они сразу же подписали договор по созданию Конфедерации народов Кавказа.

Участники договора в дальнейшем направили послание в адрес армянского национального центра, в котором выразили глубокое сожаление по поводу того, что «обстоятельства не позволили Армянской республике присоединиться к нему»[8]. Была выражена надежда, что в недалеком будущем она не преминет занять оставленное для нее место в Союзе Кавказской Конфедерации, хотя всем было ясно, что этого не будет. Ситуация с армянами более накалилась, когда национал-демократ Г. Хвазава, редактор журнала «Прометей», в одном из его номеров опубликовал карту «Великой Грузии» (через год она была переопубликована в журнале "Le Georgie"), включив в ее состав армянонаселенные Самцхе, Джавахк, Трехк (Цалкский район) и Лори, населенный аварцами и азери-тюрками Закатал, и порт Ризе вместе с

окрестностями (входит в состав Турции), который по Севрскому договору должен был перейти к Армении.

Согласно исследованиям Льва Соцкова[9], в организации, начиная с 1936 г., сформировались новые и более глубокие разногласия. К примеру, на том же собрании, по польскому плану, в ряды «Прометея» должна была вступить и эмигрантская организация казаков в Польше во главе с атаманом Билым.

В мае 1936 г. на ежегодном собрании организации, или как его называли участники – «клуба», начало вырисовываться недопонимание между некоторыми представителями эмигрантских групп. Так, представитель горцев Северного Кавказа Чулик выразил несогласие по поводу вступления казаков в организацию, объяснив при этом, что возглавляющий казачество атаман Билый хочет, мол, создать какое-то казацкое королевство, включив в него часть Северного Кавказа, населенную горцами. А грузинский представитель стал осуждать армян и азербайджанцев за захватнические и империалистические идеи по отношению грузинских территорий[10] и т. д.

Кроме того, армяне, которые были приглашены из Румынии и Болгарии, не одобрили план Варшавы по поводу снабжения оружием повстанческих групп со стороны Турции. Армянские лидеры также выразили озабоченность слишком большой ролью этого государства в общих планах Варшавы. Они, как и украинцы и грузины, предложили открыто сотрудничать с Германией, Италией и Великобританией, что, конечно, не устраивало польский Генеральный штаб. В итоге все эти предложения и соображения или были отвергнуты, или не получили точных ответов: армянская делегация покинула собрание, не дождавшись окончания его работы. И как объяснялось после в армянской эмиграционно-партийной прессе – «наша делегация, представляющая армян в организации освобождения, не может пойти на переговоры и примирение с турецкими мясниками и варварами, а также не будет в случае войны стрелять по своим, если станет известно, что перед ними стоит армянское формирование...»[11].

Более того, армянская сторона официально так и не вступила в организацию, заявив, что в антибольшевистских планах Варшавы Турция играет главнейшую роль. Грузинская сторона во главе с Михаилом Кедия также осознала турецкую опасность и в конечном итоге вышла из состава союза. «Уж лучше защищать Грузию от немцев и турок вместе с коммунистами, чем оказаться под их владычеством»[12], – неоднократно заявляли руководители грузинских эмигрантских кругов. Польская сторона несколько раз пыталась уговорить армянскую сторону вступить с организацию в качестве «представительства Армянской республики», но руководство армянской эмиграции все же отклонило предложения Варшавы. Кроме того, основная часть членов «Прометея», имея явно протурецкую ориентацию, не желала видеть армян в организации. До этого времени в начале 1930-х гг. из состава «Прометея» вышла организация северокавказского лидера Гейдара Баммата (ингуш), который в 1934 г. создал свою организацию «Кавказ». Члены этой организации считали, что после освобождения Кавказа территориальных претензий и вопросов быть не должно. Признавая Московский и Карский договоры, они считали границы кавказских государств неизменными, то есть в

вопросе границ придерживались «status quo». Касаясь территориальных претензий народов Кавказа, Г. Баммат писал: «...сколько бы мы не желали иметь собственную национальную политику, нельзя забывать, что наш «кавказский дом» состоит из четырех «комнат», которые связаны между собой, если мы не хотим, что бы наш «дом рухнул», похоронив всех нас собой, то все комнаты должны быть равномерно «освещены» и «просторны», чтобы все кавказские граждане чувствовали себя везде уютно и свободно». Касаясь территориальных претензий армян к Турции, Г. Баммат здесь же пишет: «...Отказываясь от всяких территориальных претензий к Турции и к Ирану, и ограничивая Армению в кавказских границах, мы конечно понимаем, что настраиваем против нас сотни тысяч армянских беженцев, особенно тех, кто своим домом до сих пор считает не в границах кавказской Армении, а турецкие восточные вилаеты[13]. Мы не способны «подкармливать» армянские общины нереальными надеждами, которые что и делают многие армянские лидеры – мечтая об Объединенной Армении, пришло время принять реальную правду, какой горькой она не была»[14]. Конечно, Г. Баммат отлично знал об Армянском вопросе и имел ряд причин высказывая эти мысли. Во-первых, Г. Баммат ни под каким предлогом не хотел ссориться с Турцией, понимая своих кавказских «братьев» – азербайджанцев; он также знал о традиционных претензиях Турции ко всему Кавказу и опасался всяких столкновений с ней, даже во внешней политике. Скорее всего, Г. Баммат надеялся на помощь Анкары и Тегерана в информационно-разведывательном плане. Своими высказываниями, относительно «претензии к Ирану», он мягко дал то же самое понять и некоторым азербайджанским лидерам. Кроме того, Г. Баммат понимал, что любое территориальное приобретение со стороны одной из четырех сторон (т.е. кавказских государственных образований) сразу же приведет к цепной реакции у других и в конечном итоге все кавказские народы втянутся в войну друг против друга. Идеология организации «Кавказ» основывалась на так называемом «кавказском национализме», то есть она была против любого попечительства со стороны одной из держав и считала что, сплотившись, кавказцы вполне могут защитить собственный дом. Однако, Г. Баммат разочаровался в Анкаре, когда узнал о задержании и высылке членов его разведывательно-экспедиционной группы в сентябре 1938 г. Группа планировала перейти советско-турецкую границу и действовать в Грузии. Кроме того, руководство «Кавказа» имела цели воссоздать Кавказскую конфедерацию, забыв о горьких последствиях 1917 г. Члены организации были против большевиков, меньшевиков, дашнаков и мусаватистов. С 1935 г. организация начала налаживать связи с руководством Германии, Японии, Турции и Румынии. Она частенько финансировалась со стороны Японии, а затем и Германии, имела свои центры в Берлине, в Мюнхене, в Токио, в Париже и т.д. С 1934 г. началась публикация журнала «Кавказ» (“Le Caucase”) на русском, грузинском, тюркском, а с 1936 г. – и на армянском языках.

В состав организации «Кавказ» до 1935 г. входили лишь некоторые северокавказцы и представители азербайджанской эмиграции. Впоследствии в нее вступили грузинские и армянские эмигрантские группы. Некоторые ее руководители и члены входили в состав «Прометея». К примеру, сам Гейдар

Баммат, лезгинский лидер Владимир Ахметели, азербайджанец Джиад Азери. Другие, в частности, северокавказский эмигрант Александр Кантемир, грузинский князь Ш. Амиреджиби примкнули к организации исключительно из-за идеологических принципов. Руководство «Кавказа» четко понимало, что, как говорил Баммат, «трех стен» для нормального развития организации и ее идей не достаточно, и после вступления в «Кавказ» грузинской группы, ее члены всячески пытались наладить контакты с армянской стороной. Больше всех подходили некоторые лидеры партии «Рамкавар», члены которой также эмигрировали из Армении в период советизации. Эта партия имела социал-демократическую направленность, однако в 1935 г. наиболее националистически настроенная группа во главе с Суреном Бегзадяном откололась от нее и в декабре 1938 г. официально вошла в состав организации «Кавказ». В январе 1939 г. бывший рамкавар Г. Аристакесян и бывший дашнак К. Ростомян создали организацию «армянских патриотов Кавказа «Азг»» («Нация»). Через полтора месяца, под редакцией Вигена Шанта в Париже началось издание ежемесячного журнала «Кавказ» на армянском языке.

Являясь малочисленной и неконструктивной, не имея поддержки у армянской эмиграции в Европе, руководство «Азг» согласилось вступить в состав организации «Кавказ». Вступление армян в организацию порадовало многих членов организации, иными словами, «четвертая стена» была построена, а это значило, что и Берлин начал бы относиться к организации серьезнее. Несмотря на это, основная часть кавказской эмиграции относилась к организации крайне негативно. Одной из многих причин являлось то, что значительную часть организации составляли политически неподготовленные люди, которые, не раз меняя свои идеологические позиции, все же выбрали националистический путь. Организации национальных деятелей, не принявших идеи объединения «Кавказ» можно разделить на две части:

Первые – бывшие прометеевцы, возглавляющие различные национальные эмигрантские центры, в основном представители меньшевиков Грузии и мусаватистов Азербайджана, то есть бывшие руководители национальных республик 1918-1921 гг. Среди них можно выделить бывшего премьера Грузии Жордания и его помощника (лидера грузинских эмигрантов во Франции) Чхенкели. При создании организации «Кавказ» шквал критики и обвинений в «неконструктивности» в первую очередь было сделано со стороны Жордания. Поводом для критики «Кавказа» являлась ее либеральная направленность по вопросам территориальных претензий. Иными словами подверглась критике политика «status quo», идею которую развивала организация.

Жордания попытался уговорить другие грузинские центры подчинится ему, начал вести работу с центрами азербайджанцев и северокавказцев для создания оппозиции организации «Кавказ». Кроме того, он попытался внести раскол в ряды армянской эмиграции Восточной и Западной Армении.

Жордания подчинил грузинский эмигрантский «Центр», который в свою очередь входил в состав объединения под названием «Совет Кавказской Конфедерации», которая была организована после подписания сторонами особого соглашения. Это соглашение известно под названием «Брюссельский пакт» (14 июля 1934 г.). Подписавшие являлись представителями партии

«Мусават» под руководством пантюркиста М. Э. Расул-заде, пантюркисты-северокавказцы (в большинстве своем чечено-ингушские, адыгские и кумыкские лидеры) и сторонники Жордания.

Несмотря на попытки Жордания, Расул-заде отказался с ним сотрудничать. Расул-заде также начал работу поорганизации тюрко-кавказской эмиграции в Турции, вступил в интенсивный диалог с одним из влиятельных представителей «черкесской» эмиграции в Турции Саид Шамилем – внуком имама Шамиля, легендарного лидера, возглавившего сопротивление горцев во время Кавказской войны 1860-х гг.

Расул-заде и Шамиль попытались совместно организовать вооруженные отряды, которые в составе турецкой армии должны были «освободить Кавказ от красных». Иными словами, и Саид Шамиль и Расул-заде являлись яркими представителями пантюркизма и пантуранизма, одними из многих «проповедников», через которых официальная Анкара строила свои планы на Кавказе. Одним из сотен фактов этого является интервью Расул-заде в начале 1936 г. одной тюркской эмигрантской газете Варшавы. На вопрос журналиста о деятельности и планах «Совета Кавказской Конфедерации» бывший премьер-министр Азербайджанской демократической республики ответил: «Кавказская Конфедерация является этапом для пантуранизма. Как германские федеральные государства влились в «Прусское море», так и все кавказские государственные образования будут влиты в «Турецкое море»».

Вторая часть организаций – противники идей «Кавказа» – включала армяно-северокавказский союз эмигрантских общин, «Армяно-грузинский унион», Армянскую Революционную Федерацию «Дашнакцутюн».

По некоторым данным, армяно-северокавказский союз, или как ее некоторые армянские представители называли армяно-осетинский союз (или армяно-кавказское боевое объединение) было создано еще в 1917 г. в Хасавюрте. В дальнейшем, в 1922 г. в Румынии на основе этой организации было создано армяно-осетинское боевое братство. По сохранившимся сведениям, организация в дальнейшем действовала во Франции и в Чехословакии. В эмигрантской прессе публиковались статьи об армяно-аварском и армяно-аланском военном сотрудничестве в античный и средневековый период. Кроме дружественных вековых отношений между армянами и народами Северного Кавказа, организаторы объединения взаимовыгодным моментом считали антигрузинскую и антитатарскую (антиазербайджанскую) направленность обоих национальных образований. В идеологии объединения господствовало мнение, что Кавказ должен принадлежать «истинным владельцам – армянам, албанцам, грузинам, аланам и вайнахам». Под «албанцами» подразумевались в первую очередь удины, аварцы, талыши (несмотря на их традиционную иранскую ориентацию), лезгины, цахуры которые должны были быть представлены в едином государстве под названием «Албания» или «Новая Албания». Границы ее должны были простираться по северному берегу Куры, включая Шамахан, Нухи, Закатал, Шеки, Северный Лезгистан, центральную и южную части Дагестана. Вайнахи, то есть чеченцы, бацбойцы, ингуши и кистинцы должны были войти в отдельное государственное образование. Они должны были стать «стражниками ворот Кавказа с севера, как это было тысячелетиями). Грузия не должна была быть в

границах советского периода, и не трудно догадаться какие территории должны были быть отколоты от нее. Основной идеей объединения являлся лозунг «достижение исторической справедливости». Все как один должны были стать под единым флагом против пантуранистских домыслов Стамбула и Баку. Одновременно, объединение считало своим заклятым врагом и Москву, которая время от времени союзничила с Турцией. Организация по некоторым данным распалась в 1925 г., по другим – просуществовала вплоть до 1930 г.

Другим довольно интересным и влиятельным объединением являлся Армяно-Грузинский унион («армяно-грузинское объединение»). Эта организация была создана во второй половине 1936 г. во Франции по инициативе некоторых армянских эмигрантских лидеров и грузинских национал-демократов, которые из-за христианской солидарности были сторонниками объединения с армянами. Кроме того, немало было и тех, кто в идеологическом плане считались соперниками меньшевиков. Иными словами, Армяно-грузинский унион представлял собой противовес как «Кавказу», так и «Совету Кавказской Конфедерации», которая по некоторым данным получала подпитку со стороны Турции.

В результате подписания «Брюссельского пакта» в 1934 г. и создания Совета Кавказской Конфедерации (СКК), армянская сторона была полностью вытеснена, и как говорилось на страницах официального органа армяно-грузинского Униона: «Декларация Униона (Бюллетень 1) представляет собой лишь разумную подготовительную работу для сбора и сплочения всех кавказских сил, не претендуя на свое окончательное юридическое оформление. Меж тем, как эту ошибку допустил «Брюссельский пакт», без соответствующей серьезной подготовки и сговора, не предупредив армян, внезапно, официально оповестив весь мир об учреждении «Кавказской Конфедерации трех... без Армении!»[15].

Таким образом, нельзя игнорировать тот факт, что первым инициатором создания Армяно-Грузинского униона были представители партии «Дашнакцутюн». Почти во всех эмигрантских газетах дашнакского направления от Аргентины до Болгарии писались сочувствующие статьи в поддержку этого объединения. Одним из самых типичных примеров этого являются июльские номера выходящего в Софии ежедневника «Азат Хоск» («Свободное слово»), где самыми восторженными словами пишут о создании и идеях Униона. В частности отмечалось, что между армянами и грузинами почти никогда не было вражды, недопонимания и распри. В начале XX столетия разногласия между этими народами искусным образом использовались в первую очередь «шайтанами» (т.е. внешними силами). Затем в статье говорилось: «Возникшие споры на границах не трудно было бы урегулировать, если бы обе стороны осознали присутствие «шайтана» и узко-националистические страсти подчинили ясному сознанию общности интересов».

В свою очередь, в отделе «Хроника» октябрьского номера газеты армянских националистов «Азг» говорится: «Мы в свое время с удовольствием прочитали выпущенное на трех языках воззвание к армянскому и грузинскому народам, в котором доказывается необходимость тесного, органического их сближения, чтоб суметь противопоставить объединенную духовную и физическую силу московским угнетателям и возможным захватническим

попыткам в будущем. Будучи, вместе с идейно-родственными нам представителями грузинского интегрального национализма, протагонистами идеи реального сближения наших двух наций, как первого этапа Кавказского объединения, мы не можем отделаться и от некоторой законной гордости, но это удовлетворение мы ставим ни во что по сравнению с тем, которое получаем от самого факта, что стремление к сближению проникает во все более и более широкие круги грузинского и армянского обществ». Конечно, недопустимым являлось забвение Джавахкского вопроса и то, что армянская сторона в этот период «попыталась» предать забвению 1918-1919 гг., когда с легкой руки тех же грузинских националистов все армянское население Грузинской республики (более 450.000 человек) были объявлены военнопленными и направлены в концлагеря или же изгнаны из родных мест. В результате этого около 40.000 армян замерзло в снегах Боржоми зимой 1919 г. или же вырезано турками и азербайджанцами в Джавахке и на берегах Алазани.

Поэтому армяне – сторонники униона не могли забыть эти годы, и на первый взгляд в дружеских отношениях с грузинами вырисовывалась истинная цель – создать альтернативу против Совета Кавказской Конфедерации и организации «Кавказ» путем втягивания в свою орбиту максимального количества в первую очередь христианских эмиграций из Кавказа. Дело в том, что Унион изначально ориентировался на Рим. Италия как известно, имела ряд противоречий с Анкарой в Средиземноморье. Этими противоречиями хотели воспользоваться и члены Униона, получавшие финансовую поддержку со стороны Муссолини. С этой точки зрения отнюдь не удивительно, что армяно-грузинский Унион сразу же распался, когда противоречия между Италией и Турцией начали утихать, и стало ясно, что на Рим рассчитывать не приходится. Унион полностью распался в апреле-мае 1937 г.

18 октября 1934 г. на очередном заседании СКК официально была приглашена и армянская сторона, однако делегация армянского правительства во главе с А. Хатисяном отказалась подписать Брюссельский Пакт. Понимая, что полная изоляция армянской эмиграции в общекавказских вопросах может негативно отразиться в дальнейшем, 28 мая 1940 г. армянское правительство в изгнании официально вошло в состав Совета Кавказской Конфедерации (подписали А. Хатисян, А. Джамалян).

Одним из основных требований Брюссельского пакта было то, что вступившие в Союз Кавказской Конфедерации должны были подписать также заявление о том, что они признают границы кавказских республик с Турцией и Ираном. После официального приглашения СКК армянское правительство поставило условие, согласно которому от грузин, северокавказцев и мусаватистов требовалось признать Севрский договор, настаивало на том, чтобы стороны поддержали вопрос о необходимости воссоединения Армении в своих исторических границах. Благоприятный нейтралитет Турции был необходим для ведения подпольной работы и национально-освободительной борьбы на Кавказе. К тому же, после Лозаннской конференции 1923 г., когда западные державы признали Турцию в ее нынешних границах, добиться расчленения этого государства было уже очень трудно, кавказские правительства и центры в изгнании были вынуждены отказаться от требований армянской стороны.

Подписав Брюссельский Пакт и, вступив в СКК, армянские лидеры понимали, что нарастала опасность того, что Турция может вступить в союз с Германией против СССР и в случае ее победы в приближающейся войне Южный Кавказ мог бы оказаться в руках турецких оккупантов. Это тревожило не только армян, но также и грузинскую сторону, которые в этом плане попытались спасти то, что еще возможно и в 1940 г. безоговорочно признали границы Турции. Таким образом, можно сказать, что А. Хатисян и его окружение считали, что в случае вступления Турции в войну с СССР могут повториться события 1918 г., когда после распада Кавказской конфедерации турецкая армия окупировала почти весь Южный Кавказ и дошла до Баку. Как известно, армянская сторона вынуждена была подписать мир с Турцией в Батуме и провозглосила свою независимость на небольшом клочке исторической армянской земли.

В дальнейшем, армянская сторона, как и другие эмигрантские организации различных народов Кавказа, стали активно сотрудничать с руководством Гитлеровской Германии. Из вышеуказанных фактов можно сделать вывод, что лозунг эмигранстких лидеров в течение десятилетий не менялся: «Активное сотрудничество со всеми, кому выгодно территориальное разложение Советского государства путем поднятия антисоветских национально-освободительных восстаний».

Таким образом, приведенные в статье факты позволяют несколько иначе осветить деятельность армянских антисоветских организаций в рассматриваемый период. Как мы видим, лидеры армянского государства 1918-1920 гг. после эмиграции продолжили свою активную политическую деятельность на благо своего народа. Они пытались сделать все возможное ради освобождения армянского народа от того большевизма, который им довелос увидеть в 20-х и 30-х гг. XX в. Большевизма, который в тот период принес армянскому народу массовые репрессии, голод, коллективизацию и расчленение самой Армении.

Руководители армянского государства, находясь в эмиграции, продолжили политику с соседними странами, которой придерживались в 1919-20 гг. Борьба за признание Севрского договора, за принадлежность Армении Нахичевана, Карабаха и Джавахка не утихала до 1940 г., когда армянская делегация все же подписала Брюссельский пакт. Несмотря на это, с началом армяно-германских отношений эти вопросы актуализировались, в результате чего германская сторона признала возможность создания армянского отдельного Рейхскоммисариата (фактически, статус отдельного государства) после захвата немцами Закавказья.

Итак, можно с уверенностью сказать, что армянская эмиграция и армянское правительство в изгнании играли активную роль в сплочении армянства в Европе и в Америке, представляли армянское легитимное правительство в отношениях с руководствами различных государств. Со стороны некоторых государств (Германия, Польша, Италия, Венгрия, Болгария) армянское правительство воспринималось равноправной стороной. Иными словами, это не были «малочисленные группы бандитов», как нам представляет советская историография.

[1] Гарегин Нжде родился 1 января 1886 г. в селе Кзнут Нахичеванского уезда, с 1907 г. член партии АРФ «Дашнакцутюн», участвовал в Первой Балканской войне, командовал армянскими частями Болгарской армии. С 1918 г. являлся одним из командующих армянских войск республики Армения. Нжде являлся основным организатором обороны в битве за Каракилиса (Ванадзор). Был награжден орденом за храбрость высшей степени. В 1919-1921 гг. организовал героическую борьбу армянского народа в Зангезуре. Основатель и руководитель республики Лернаайастан (Горная Армения). В 1921 г. эмигрировал в Иран, а оттуда – в Европу.

[2] Гарегин Нжде и его учение / ред. М. Лалаян. Ереван – 2004, С. 20.

[3] Там же.

[4] Тарон – географическая местность, расположенная в центральной части Армянского нагорья. Эта местность считается сердцем объединенной Армении и всего армянства. Ныне находится на территории Турции. Из этих соображений А. Асатрян и назвал свою организацию «Таронаканутюн».

[5] Абрамян Э.А. Забытый легион. Ереван, 2005 г.

[6] Gorlitz W. Der Zweite Weltkrieg 1939-1945. Frankfurt. 1953, P. 121.

[7] По некоторым данным, Топчибаев на конференции представлял азербайджанскую боевую эмигрантскую организацию «Истикалал» («Независимость»).

[8] Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. С. 128.

[9] В своих исследованиях Л. Соцков использовал документальные материалы ОГПУ-НКВД-КГБ, спецслужб Польши и Германии.

[10] «Razmik», 7/06/1942г.№ 13.

[11] «Razmik», 15/05/1942г. №9 - Болгария.

[12] Цит. по: Соцков Л. Указ. соч. С. 104.

[13] Вилает – название провинции на турецком языке.

[14] "Le Caucase" (Covcas), 11/03/1939., №1, p. 3. (копия).

[15] Bundesarchiv – Militärarchiv. Freiburg. (BA-MA). MSg/123/17, "Bulletin de L'Union Armeno-Georgienne, Decembre-1936, p. 1. Paris.

Сущность и особенности западноевропейской интеграции

Манукян И.Р.

Исследованию интеграционных процессов, олицетворяющих особый тип взаимоотношений между суверенными государствами, посвящено немало трудов ученых и специалистов в области международного права, как, впрочем, и других научных дисциплин (мировая экономика, международные отношения и др.). Не стал исключением и европейский региональный интеграционный процесс, послуживший благодатной почвой для появления множества разнообразных взглядов и теорий. И это не удивительно, ибо прежде всего через анализ теоретических моделей развития можно прогнозировать как непосредственно саму интеграционную динамику, так и конечный результат интеграционного процесса. Знание теоретических основ, как и исторических предпосылок, позволяет двигаться не вслепую, а предварительно анализировать и оценивать каждый последующий шаг. В данной статье предпринята попытка на примере ЕС проанализировать теоретические основы интеграции, выявить некоторые проблемы, связанные с исследованием этого процесса. Идеи объединения Европы уходят своими корнями в глубокое прошлое; современные же интеграционные тенденции берут начало в событиях первых послевоенных лет, и становление единой Европы безусловно является наиболее масштабным социальным процессом второй половины XX века. Исследованию его истории, выявлению его закономерностей и оценке возможных последствий посвящены сотни научных работ, однако эти темы остаются по-прежнему актуальными, так как и сегодня вряд ли можно утверждать, что противоречия, на всех этапах сопровождавшие развитие Европейского Союза, преодолены, а трудности, встречавшиеся на его пути, остались лишь в воспоминаниях историков. Напротив, с каждым новым шагом вперед процесс интеграции становится все более комплексным и сложным, что порождает множество дилемм.

Под влиянием интеграционных процессов всё больше стран планеты добровольно или вынужденно соглашаются на ограничение собственного суверенитета, передачу некоторых своих суверенных прав в компетенцию наднациональных (надгосударственных) образований международного характера. В результате происходит трансформация классической концепции суверенного государства. Это порождает новые формы межправительственного взаимодействия, которая ограничивает возможности управления обществом со стороны отдельных государств в пользу управления, осуществляемого совместно и при соответствующем распределении полномочий.

Под «политической интеграцией» понимается либо создание самостоятельного политического целого в определенных территориальных границах, либо возникновение политического сообщества, не имеющего четкой привязки к территории. То есть речь идёт о формировании государственности – возникновении наднационального государственного объединения в форме

федерации или конфедерации. При этом политическая интеграция имеет пространственное измерение и внешние границы, то есть является региональной, а не глобальной. В результате интеграционного процесса происходит постепенное отмирание или устранение политических границ внутри интегрирующегося пространства[1].

Но политическая интеграция может иметь и иную цель – создание литического сообщества, лишенного территориальной привязки. В таком случае мы непосредственно имеем дело с коммуникативной интеграцией действующих политических сил.

При таком понимании деление мира на государства и государственные границы как таковые, строго говоря, не имеет большого практического значения. Участники подобного политического сообщества объединены в первую очередь не территорией или государством, а общей культурой, формальными и неформальными нормами, обычаями, нравами и ценностями. Приверженность им и образует некое единство, составляет отличительную особенность всех принадлежащих к нему субъектов, обеспечивая повышенный уровень доверия и взаимопонимания между всеми, кто ощущает и признает свою сопринадлежность такому целому.

Понятие «интеграция» уже давно стало привычным в европейском лексиконе. Его появление явилось неизбежным велением времени и своеобразным ответом на вопрос о том, как и в каком направлении следует двигаться дальше в целях построения «новой» Европы. Фундаментальной основой европейской интеграции, несомненно, были и остаются социокультурная близость европейских народов и общность их исторических судеб. Со времен средневековья Европа представляла собой некое культурное и духовное целое, объединявшееся христианской религией, привычным для образованных классов латинским языком, развитой торговлей и даже, как отмечает один из известных исследователей европейской интеграции В.Г. Шемятенков, прецедентами единой военной политики – например, во времена крестовых походов[2]. Позднее Европа представлялась народам других континентов как единый центр, откуда распространялись характерные для эпохи Просвещения идеалы гражданского общества и личной свободы, принципы государственного демократического устройства и уважения прав человека. В своем уникальном качестве создателя новых ценностей и смыслов, завоевавших общемировое признание, Европа стала подлинным творцом Истории. С этой точки зрения она представала перед человечеством как нечто целое и, тем самым, получала дополнительные стимулы к внутреннему единству. Однако все эти обстоятельства, способствовавшие европейской интеграции, не были ее актуальными причинами. Причины же активизации процессов объединения, начавшихся сразу по окончании Второй мировой войны, носили не столько культурный, сколько сугубо политический и экономический характер. Первой причиной стало осознание катастрофичности результатов двух мировых войн, и вывод о несовместимости перспектив возрождения Европы и нового военного конфликта между Германией и другими странами континента; как писал У.Черчилль, «цель прекращения тысячелетней вражды между Францией и Германией представляется мне главной задачей; только привязав галлов и тевтонов друг к другу в экономическом, социальном и нравственном отношениях столь прочно, чтобы исключить возникновение новой стычки, и заставив прошлые антагонизмы замолкнуть во взаимной зависимости и процветании, Европа сможет подняться с колен»[3]. Второй, не менее существенной причиной стало беспрецедентное ослабление позиций

европейских стран на мировой арене. Как подчеркивает П. Жербэ, «одним из основных импульсов к объединению Европы послужило признание слабости по отношению к внешнему миру... Когда Европа почувствовала угрозу извне, необходимость европейского единения стала очевидной»[4]. Тем самым следует со всей определенностью признать, что, в отличие от фундаментальных основ европейской интеграции, имевших в значительной степени социокультурную природу, ее непосредственные причины целиком и полностью лежали в политической плоскости. Более того, нельзя не отметить, что эти политические цели вряд ли могли быть решены политическими методами, серьезно дискредитировавшими себя в предшествующие годы. Именно поэтому первые шаги на пути интеграции были предприняты в экономической сфере правительствами и политическими элитами европейских стран, которые и выступили движущими силами интеграционных процессов в первые послевоенные десятилетия. Практически на любом своем этапе европейская интеграция получала очередные импульсы из реакции политиков на те или иные явления и тенденции, стремясь к хозяйственному восстановлению своих стран и активизации экономических связей между ними. Лидеры Франции, Германии, Италии и страны Бенилюкса подписали в Риме 25 мая 1957 года Договор об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом), и Договор об учреждении Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Документы предусматривали создание общего рынка и сближение экономической политики государств-членов ЕС.

Последующие два десятилетия стали важным этапом для формирования институциональной системы ЕС. В 1974 году на Парижском саммите руководители государств-членов приняли два важных институциональных решения: 1) начиная с 1978 году ввести прямые всеобщие выборы депутатов Европейского парламента; 2) вместо того, чтобы проводить эпизодические встречи на высшем уровне, создать Европейский совет в составе глав государств и правительств государств-членов, который должен регулярно собираться на свои заседания как в рамках системы сообщества, так и в рамках системы политического сотрудничества. 1992 году руководителями стран ЕЭС был подписан Маастрихтский договор, ратификация которого продемонстрировала весьма прохладное отношение многих европейцев к предложенным в нем принципам и целям[5]. Отнюдь не подвергая сомнению правильность предложенного правительствами подхода к европейской интеграции как к процессу, инициированному и направляемому «сверху», мы хотели бы подчеркнуть, что он неизбежно оказывался весьма уязвимым в случае утраты такой политической поддержки, а подобная возможность становилась все более реальной по мере того как интеграция начинала угрожать суверенным правам национальных политических элит. Между тем, как мы уже подчеркивали, при доминировании политических методов интеграции ее задачи оставались до поры до времени сугубо экономическими. Создание Европейского объединения угля и стали в 1951 году, Европейского экономического сообщества в 1957 году, 5 этапов расширения ЕС, Единый Европейский акт 1986 году — все эти успешно реализованные проекты прежде всего служили превращению Европы в единый хозяйственный организм, устраняли искусственные барьеры на пути движения товаров, капиталов и рабочей силы, расширяли европейский рынок, делали европейскую экономику более конкурентоспособной. Однако хотя экономическое единство континента и создавало предпосылки к политической интеграции, само по себе оно не формировало (да и не могло формировать) ни единой государственности, ни

четкой европейской самобытности, способной отчасти включить в себя, отчасти преодолеть самоидентификацию европейцев с отдельными национальными государствами. Сегодня, с позиций ретроспективы, можно утверждать, что процесс европейской интеграции, на всех его этапах имевший целью, пусть формальной и не вполне четко артикулированной, построение единой Европы, в понятие которой каждый из его участников вкладывал свой смысл, никогда не задавался в виде четкой схемы, которая могла бы рассматриваться в качестве раз и навсегда принятого проекта. Это определяет характер процесса европейской интеграции. На наш взгляд, вся ее история подтвердила жизнеспособность этого подхода, позволявшего по мере необходимости корректировать и модифицировать как сами непосредственные задачи, так и методы их решения. Важнейшим его преимуществом, как мы полагаем, оказалось то, что он всегда оставлял возможность как для ускорения, так и для замедления интеграционных процессов, ибо переход от решения одной задачи к решению другой не был предопределен, а становился результатом осознанного выбора участников. Иначе говоря, вплоть до конца 80-х годов каждый этап европейской интеграции мог рассматриваться в качестве относительно самодостаточного, открывающего возможности для новых достижений, но не требующего следующего шага необходимым образом. Подобное положение, в свою очередь, определяло способность политических элит в полной мере регулировать данный процесс и сохранять свой контроль над ним. Однако в середине 80-х годов европейские политики столкнулись с ситуацией, когда, с одной стороны, чисто экономическая интеграция стран была практически завершена, а с другой, степень политического единства была явно неадекватной новым задачам, возникшим в условиях распада Советского Союза и завершения периода «холодной войны». Предпринятые на этом этапе действия, сколь необходимые, столь и неизбежные, выявили наиболее сложные противоречия, с которыми приходится сегодня сталкиваться формирующейся единой Европе. Конец 80-х годов стал для Европейского Сообщества периодом серьезных испытаний. Скептическое отношение к европейской интеграции было в то время доминирующим; объединение Германии порождало мощную силу, способную претендовать на лидирующие позиции на континенте, а распад СССР и быстрые преобразования в государствах Варшавского блока, размывали казавшиеся прежде прочными и неизменными границы самой объединенной Европы. Именно в такой ситуации был подписан Маастрихтский договор, целью которого провозглашалось закрепление достигнутых результатов европейской интеграции и определение ее новых ориентиров. Между тем, не менее важной задачей было изменение самого, если так можно выразиться, формата европейского проекта, придание ему более отчётливых форм, создание своего рода символов, подчеркивающих и постоянно подтверждающих идею европейского единства. Этими символами, родившимися в Маастрихтских дебатах, стали прежде всего единая общеевропейская валюта и принцип единого общеевропейского гражданства.

В начале XXI века Европа, выступающая в качестве прочного союза свободных и демократических государств, имеет фактически единую экономику; будучи крупнейшей зоной свободной торговли и основным инвестиционным центром современного мира, являясь образцом сбалансированной социальной политики, она играет неоценимую роль в международных отношениях; порождаемые ею новые ценности и смыслы способны, как представляется, изменить облик современной цивилизации. Успехи объединяющейся Европы дают веские основания полагать, что в новом столетии страны Старого Света

имеют все шансы оказаться лидерами мирового экономического и социального прогресса. Однако, в разные периоды развитие европейского интеграционного процесса шло разными темпами и обуславливалось различными обстоятельствами. Нередко интеграция быстрее достигалась в тех сферах, где отказ от прежних форм национального суверенитета происходил достаточно безболезненно, и, напротив, запаздывала там, где такой отказ был сопряжен с теми или иными трудностями. Между тем в последние годы на пути развития интеграционных процессов в Европе возникли совершенно новые дилеммы; принятые европейскими лидерами в конце 80-х и начале 90-х годов решения, целью которых, несомненно, было укрепление экономического и политического единства европейских стран если так можно выразиться, на социокультурном или даже эмоциональном уровне, создали ситуацию, в которой с невиданной ранее четкостью прояснились уникальные особенности Европейского Союза и обозначились серьезнейшие вопросы, с которыми его лидеры никогда прежде не сталкивались.

Эти проблемы с особой силой выявились после пятого расширения ЕС – 1 мая 2004 года с присоединением 10 стран Центрально-Восточной Европы (Венгрия, Польша, Словения, Словакия, Латвия, Литва, Эстония, Чехия, Мальта, греческая часть Кипра)[6]. Пятое расширение ЕС качественно отличается от всех предыдущих этапов. Территория Союза увеличилась на четверть, объем экономики – на 5 %, население – на 20 % до 450 млн. человек[7].

Следует отметить, что на первом этапе расширения большинство аналитиков, политиков было воодушевлено этим историческим событием. Но последние два года показали, что правыми оказались те политологи, экономисты, которые утверждали о поспешности вхождения сразу 10 стран ЦВЕ в ЕС, которые ни по экономическим, ни по политическим показателям не соответствовали критериям вхождения в Союз[8]. Как мы сегодня видим, новый состав ЕС создаёт непомерную нагрузку на институциональную систему Сообщества, и без того работавшего на пределе своих возможностей в составе пятнадцати государств-членов.

Чрезвычайно осложнился механизм принятия решений, а следовательно, и необходимое для принятия решений время. Подобное замедление находится в противоречии с реалиями современного этапа интеграции, требующими, напротив, всемерного упрощения и ускорения нормотворческого процесса. Кроме этого, политика «расширения» очень дорогостоящая. По ряду оценок экономистов «старая» Европа должна ежегодно финансировать странам ЦВЕ 25 млрд. евро ежегодно. Первоначальный энтузиазм, с которым Западная Европа отреагировала на процесс расширения, быстро уступил место усиливающейся озабоченности, подпитываемой страхом перед неконтролируемыми потоками экономических мигрантов и проникновением в Западную Европу мафиозных банд, доставляющих контрабандным путем наркотики, оружие и людей. После расширения перед руководителями ЕС стоит задача реконструирования институтов ЕС, уточнения общих ориентиров внутренней и внешней политики, экономики, безопасности. Решение этих задач позволит ЕС принять общеевропейскую конституцию, которая в обобщённом виде закрепит принципы и установки развития единой Европы. Конституция станет символом единого экономического, политического и правового пространства. Европейские лидеры осознают необходимость такого единого политико-правового документа, но они также осознают, что Европа в начале XXI века также далека от единства, как и ранее. По оценкам одного из исследователей европейской интеграции А. Медушевского «Европа расколота на

еврооптимистов и европессимистов. Кризис интеграции и принятия конституции обострился особенно перед вступлением государств ЦВЕ»[9]. Предложенный европейскими политиками после пятого расширения проект конституции был отвергнут. Как отмечает А. Медушевский последний был главным образом германским проектом, суть которого состояла в стремлении предложить Европе германскую модель объединения. Она имеет свои специфические исторические особенности, которые трудно реализуемы в других странах и культурах. Из фактически унитарного государства, каким Германия стала в период Третьего рейха, она вновь превратилась в федеративное государство, причем закрепила федерализм как вечный принцип, не подлежащий изменениям в будущем (Основной закон 1949 года). Но это превращение было достигнуто в результате давления со стороны стран-победительниц (прежде всего США и Франции). Объединение ФРГ и ГДР было реализовано без национального референдума и вызывало критику за недостаточную демократичность. Таким образом, германская модель интеграции не являлась подлинным ориентиром для европейского единства. В предложенном проекте существовали также юридические неопределённости. Неопределенность интерпретации суверенитета – центральный вопрос юридических споров. С точки зрения теоретиков Евросоюза, Единая Европа – это принципиально новое образование: не федерация (США), не конфедерация (Швейцария в прошлом), не международная организация (ООН). Это – нечто оригинальное и не имеющее аналогов в истории. Цели интеграции (с формально юридической точки зрения) тоже остались не ясны (будет ли это союз государств или союзное государство). Европа по этой конструкции суверенитета оказывалась, с одной стороны, единым юридическим лицом, способным подписывать международные договоры с другими государствами, но при этом сохранялось право вето, закрепляющего позиции отдельных государств. Отмечалось, что данная модель объединения напоминает не столько реальное политическое образование, сколько умозрительную идеологическую конструкцию, реализация которой приведет к созданию бюрократического наднационального центра, способного подавлять культуру и интересы отдельных государств-членов. Предложенный проект конституции не давал необходимого качественного уровня концептуальной новизны в решении таких проблем, как европейская идентичность, соотношение национального и европейского суверенитета, уточнение стратегии интеграционного процесса. Провал принятия Евроконституции оказался стимулом к новому осмыслению интеграционных процессов.

Поиск идентичности в современной Европе идет в двух противоположных направлениях, которые схематически следует определить как централизацию и децентрализацию. Первый из них набирал силы в течение всего послевоенного периода, достигнув пика формы с выдвижением единой Европейской конституции – символа интеграции. Второй процесс, менее заметный, но упорно прокладывавший себе дорогу в течение длительного времени, открыто проявился лишь в последнее время, представляя собой, очевидно, реакцию на слишком быстрые интеграционные процессы. Процесс децентрализации выиграл от кризиса, связанного с отказом от принятия Европейской конституции, и имеет определенные объективные параметры.

Во-первых, можно констатировать проблематичность европейской идентичности в связи с ростом культурной и национальной неопределенности (мультикультурализм); правовой (соотношение национального и европейского суверенитетов), политической (различные подходы к реализации идеологии прав

человека). Эти процессы охватили как Западную, так и Восточную Европу, порождая центробежные тенденции внутри Европейского союза.

Во-вторых, происходит четкое осознание конфликта между приоритетами идеологии прав человека и необходимостью выстроить эффективную защиту от деструктивных процессов (крушение культурной идентичности, маргинализация, иммиграция, конкуренция дешевой рабочей силы). Европа оказывается перед жесткой дилеммой – сохранение социального государства или эффективная экономика; верность декларациям прав человека или отказ от них в пользу двойных и тройных стандартов, наконец, серьезную дилемму представляет стратегия такой защиты – должна Европа быть закрытой от внешнего мира с помощью протекционистских и полицейских мер, или открыта, создавая внутри гибкие механизмы конкуренции. Этот выбор определяет стратегию будущего развития – в пользу сворачивания демократических институтов.

В-третьих, серьезной проблемой становится сама возможность функционирования классических институтов парламентаризма в условиях современного массового общества. Падение качества образования и культурного уровня, с одной стороны, и расширение технических возможностей манипулирования общественным сознанием – с другой, создают предпосылки ослабления парламентаризма, ведут к росту роли политических элит в принятии стратегических решений. Для преодоления всех перечисленных выше проблем сегодня не только руководители ЕС, но также правительства и отдельных государств должны координировать свою политику, в определённых вопросах подчинять свои текущие конъюктурные цели задачам построения единой безопасной Европы. Но эта задача зависит уже от решимости и воли самих государств-членов.

---

[1] См.: Скробат И. Н. Система международных отношений и новая геополитическая эпоха // Россия в глобальной политике. № 3. М., 2005. С. 8

[2] Шемятенков В. Г. Европейская интеграция . М., 2003. С. 9

[3] Там же. С. 34

[4] Там же. С. 36

[5] Маастрихским договором было оформлено создание Европейского Союза, основанного на 3-х опорах: 1) Европейских сообществ, 2) общей внешней политике и политике безопасности, 3) сотрудничестве в области внутренних дел и юстиции. Государства члены договорились о создании экономического и валютного союза, введение единой валюты, учреждениии института граджанства Европейского Союза, поддержании законодательных норм и административных правил Европейского сообщества и соблюдении принципа субсидиарности.

[6] До первого расширения ЕС прошёл 4 этапа расширения (в 1951г. – Франция, ФРГ, Италия и страны Бенилюкса, в 1973 г. – Великобритания, Дания и Ирландия, в 1981 г. – Греция, в 1987г. – Испания и Португалия, в 1995 г. – Австрия, Швеция и Финляндия).

[7] http://www/eur/ru/integ/1764/glob

[8] В 1993 г. в Копенгагене были определены условия и принципы присоединения новых государств-членов:
1) наличие стабильных институтов, гарантирующих демократию, верховенство закона, уважение и защиту прав человека; 2) существование жизнеспособной и рыночной экономики, способность противостоять конкуренции рыночных сил внутри Союза; 3) способность взять на себя обязанности, связанные со вступлением в ЕС, в частности, поддерживать цели политического, экономического и валютного союза.
[9] См.: Медушевский А. С. Европейская интеграция. // http/ www/ eurjournal/ 2005

СЕМАНТИКА МОСТА В АРМЯНСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Маргарян Е. Г.

В мифопоэтическом мышлении древней и средневековой Армении мосты и переправы выступают как своеобразные теменосы[1]. В узком смысле теменос (фЭменпт) означает храмовое пространство. Составной этого слова является корень фем – резать, тот же корень имеется в латинском templum (храм). Таким образом, речь идёт о выделенном границами священном месте, которое наполнено божественной сутью. Вообще в архетипическом сознании весь окружающий мир наполнен неким субстратом сознания, существующим от веку *архе*, которое однако способно возобновляться лишь в строго определённых местах и в определённое время. Такие места, согласно Кассиреру, непременно бывают окружены своего рода «религиозным предчувствием». Таким образом, теменос – это то место епифании – божественного явления, в котором постоянно присутсвует или периодически возрождается *архе*. В Армении такими теменосами могли выступать горные вершины (например заснеженная вершина Арарата), пещера, источник, перекрёсток или развилка дорог, ворота, межевые камни и пр.

Теменосы находятся в особых взаимотношениях. Они чётко отделены друг от друга и плавный, незаметный переход из одного теменоса в другой в принципе невозможен, поскольку здесь речь идёт о разных нуминозных пространствах. Поэтому особая роль в архетипическом сознании армян принадлежала пограничным божествам, которые охраняли границы теменосов. В Армении и в Иране издревле божеством-хранителем границ был Митра-Миhр-Мhер[2]. Отсюда один из характерных эпитетов Митры – «выправитель границ» kaгљо гвzah (M. X, X. 61), “Rвzah”, от того же корня происходят однокоренные “Rex” (царь *лат.*) и “Rвjah” (царь *санс.*). Одним из таких порубежных переходных мест, охранителем которого являлся Митра-Мhер, был мост. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры в армянских литературных памятниках и фольклоре. Для иллюстрации сказанного приведём фрагмент из армянского эпоса «Сасна црер»:

И как минуло Мгеру 6 годков, –
Большая река под городом текла, –
Связал он мост, и прохожие шли.
Когда же они по мосту шли, Мгер подходил, прохожих бил, говорил:
«Сучьи дети, вот мост связал я, –
Уж не для вас ли связал?
Зачем идёте по моему мосту?»
Народ поворачивал, брёл назад, –
Спускались, переправлялись вброд.
А Мгер подходил, всех бил, говорил:
«Сучьи дети, вон мост связал я,
Так я же для вас связал,
Зачем же вам вброд идти?
Вас вода унесёт, мне на душу грех падёт»[3].

Большинство исследователей в этом фрагменте древнего эпоса усматривают свидетельство противоречивости образа Мгера, который подобно всем прометеевским героям, соединяет в себе два начала – добро и зло[4]. Корни этого явления уходят во времена мифические, то есть в доэтическую эпоху, сам

же Мгер Младший – это трикстер, со всеми характерными чертами. Однако, в этом фрагменте, очевидна другая ипостась Мгера Младшего как хранителя моста[5]. Существуют многочисленные свидетельства о том, что мост в армянском мифопоэтическом сознании воспринимался как некий зыбкий путь, соединяющий мир света и мир тьмы, перехода из царства жизни в царство смерти, который должен был охранять Митра-Мhер. Об этом будет сказано ниже, однако прежде хотелось бы обратиться к наиболее близкой к армянской – зороастрийской традиции восприятия моста, которая своими корнями уходит во времена арийской общности армян и иранцев.

В мифопоэтическом сознании арийцев мост – это всегда опасный и ненадёжный коридор между двумя точками профанного и сакрального пространства, связанного в первую очередь с представлениями о загробной жизни. Примером тому является мост Чинвато-пэрэту, что в авестийском означает «Переход-разлучитель»[6]. Во времена арийской общности переходящую через этот мост душу умершего встречал Митра-Михр и двое его помощников – Рашну и Сраоши, которые вершили суд. Если у умершего человека на земле оставались незавершённые дела и душа его стремилась назад, Митра мог отправить его обратно. Если намерения человека были чисты, то ему до времени удавалось вернуться на землю, в противном случае он срывался и падал в бездну. Те же, кто завершили свой жизненный путь или устали от земной юдоли, должны были пройти по мосту, который был воплощением правосудия Митры. Когда на «Мост-разлучитель» ступал праведник, мост расширялся и он без труда преодолевал преграду и ступал на тропинку, ведущую в край блаженных, когда же по Чинвату пытался пройти нечестивый человек, то переправа начинала сужаться и под конец становилась «узкой как бритва» и тогда нечестивец, чья душа была отягчена дурными помыслами и поступками соскальзывал в пропасть. После религиозной реформы Заратуштры авторитет Митры в Иране был значительно принижен[7], поэтому роль судьи на мосту Чинват перешла к пророку Ахура-Мазды – Заратуштре.

Из сказанного явствует, что в армянском эпосе Мhер, не пропускающий прохожих прходить по «связанный» им мост, это никто иной как Митра-Миhр, охраняющий «мост-разлучитель» от нечестивцев, сбрасывающий недостойных и неправедных в тёмно-кровавую реку.

Эти древние арийские воззрения в пережиточной форме достаточно долго сохранялись в мировоззрении армян, причём не только в языческую эпоху, но и после принятия христианства. В подтверждение сказанного сошлёмся на миниатюру из Евангелия XIII века «Сошествие во ад» (см. илюстрацию). В центре композиции изображён Иисус, ступающий по мосту и ведущий за руку праведника. Позади праведника изображён ангел, возможно архангел Гавриил, символизирующий чистоту и святость. Ангел провожает праведника до моста и вручает его здесь «в руце» Божьи. Причём, Христос не просто ведёт за собой праведника, совершающего опасный переход по соединяющему оба мира мосту, он – сам есть мост, дающий надежду на спасение. К нему ведут все пути праведников, только пройдя через этот мост можно спастись.

Впереди, по другую сторону моста, изображены три фигуры, две – в царском одеянии и одна – в одежде отшельника. Фигуры в царском одеянии, по-видимому, символизируют Петра и Иоанна. Пётр, изображён седобородым, строгим судьёй, у него в руке список прижизненных деяний человека. Иоанн изображён длинноволосым юношей, стоящим позади Петра. Фигура изображённого на заднем плане отшельника, очевидно должна символизировать

Иоанна Крестителя. Любопытно, что мост, по которому совершает переход праведник, к центру сужается, а под ним адская бездна. В адовом мраке, на самом дне, угадывается фигура закованного Люцифера, удерживаемая двумя перекрещенными печатями. Здесь очевидны параллели с зороастрийской традицией[8], корни которой, безусловно архетипичны и уходят в глубь тысячелетий.

Однако, наряду с этим, в армянской мифопоэтике, мост воспринимается как своеобразная деформация места. При этом, деформация реализует себя именно относительно места. Но и само понятие места предполагает некую изначальную деформацию. М. Хайдеггер связал понятие места с понятием пристанища, в котором пребывает человек и в котором он обретает бытие. В качестве примера пристанища он приводит, однако, такое архитектурное сооружение, которое традиционно пристанищем не считается – мост[9]. Это собирание пространств в целое, по мнению Хайдеггера, – свойство вещи. Вещь воплощает в себе некую собирательную природу, собирательную энергию[10]. Она и создает место. Собирание пространства вводит в него границы. Границы придают пространству бытие[11]. Мост придает конкретность пространству, которое вокруг него "собирается". Он придает этому пространству лицо, или, выражаясь иначе, телесность. Эта телесность особого рода. Она выражается в индивидуализации пространства через место, она вписывает в пространство высоту и ширину, интервалы, она делает его обитаемым для человека. Но эта индивидуализация пространства в месте как раз и похожа на импринт, на отпечаток вещи в пространстве, на отпечаток, по-своему его деформирующий. Место становится слепком с человека, его маской, границей, в которой сам он обретает бытие, движется и меняется[12].

Описанные М. Хайдеггером качества моста, также свидетельствуют о том, что соединяющий два противоположных берега мост – это теменос, место где деформируется пространство и где оно, как и все связянные с ним предметы, обретают иной смысл, и здесь не обойтись без герменевтики. Это совершенно недвусмысленно видно на армянских средневековых миниатюрах и в произведениях раннесредневековых авторов.

Некоторые из них весьма зримо проявились в армянской мифопоэтической традиции, нашедшей своё отражение в произведениях раннесредневековых христианских авторов. Особенно интересны упоминания моста Таперакан у Арташата. События, происшедшие на этом мосту связаны с одним из наиболее важных эпизодов в истории армянского народа – крещением страны. Агатангелос в мифопоэтической форме описал эти события в своей «Истории Армении». Здесь рассказывается о том, как в Иране произошёл переворот и на смену парфянским Аршакидам пришла персидская династия Сасанидов, основателем её был Арташир Папакан из рода Сасана. Армянский царь Хосров из рода Аршакуни во главе своей армии напал на Арташира, чтобы отомстить узурпатору за убийство своих родичей и восстановить на парфянском престоле законную династию. Однако несмотря на одержанные победы ему не удалось достичь конечной цели. Заключив союз с Римской империей и другими соседями, Хосров начал копить силы для новой войны против Сасанидского Ирана.

Опасаясь новых осложнений на северной границе Арташир Папакан организует заговор, чтобы избавиться от заклятого врага. С этой целью он посылает в Армению некоего Анака, также из рода Аршакуни. Прибыв в Армению, тот выдаёт себя за опального вельможу, спасающегося от гнева

Арташира. Анаку удаётся втереться в доверие к Хосрову, который оказывает своему родичу большие почести и даже делает его придворным советником. Так проходит два года. За это время у Анака рождается младенец, впоследствии получивший имя Григорий. У Хосрова также рождается наследник, прозванный династическим именем Тиридат. Когда сыновьям Хосрова и Анака исполнился год, Хосров вновь собрал войско для похода в Персию. Это вынуждает Анака поторопиться с претворением в жизнь своих коварных замыслов. Однажды, во время охоты, когда царские дружинники, увлечённые преследованием добычи удалились в чащу леса, Анак, улучшив момент, пронзил царя мечом. Оставив истекающего кровью Хосрова на лужайке, он ускакал в столицу, чтобы собрать своё семейство, дружину и челядь и бежать в Иран к Арташиру.

«Как только предводители армянского воинства узнали об этом, разделились на полки и пустились в погоню. Некоторые спешно достигли изголовья моста у ворот города Арташата. Река Ерасх выйдя из берегов неслась в бурной стремнине вперемешку со льдом и снегом, наполняя водами все окрестности. Часть их (царских дружинников, — Е. М.) *перешла по Вал'аршапатскому мосту, который назывался Мецаморский мост. В ущельях дорог преградили им путь и окружив, низвергли*[13] *в реку с моста Таперакан. Сами же вернувшись оттуда со стенаниями, криками и плачем вместе со всей страной стали скорбеть по царю.*

И пока в его груди теплилась душа и не настигла его смерть, (царь) приказал уничтожить весь их род и в тот же миг стали рубить и убивать всех, не щадя даже младенцев, которые не могли отличить правую сторону от левой. Предали мечу также женскую половину рода. Только двух младенцев из сыновей Партева (Парфянина Анака, — Е. М.) *один человек спас, передав нянькам. Одного из них увезли в персидскую сторону, другого в греческую»*[14].

Совершенно очевидно, что потонувший в реке Анак это — нечестивый-сакральный гибрист-фармак, а мост через бурную реку, с водой вперемешку со льдом и грязью — это мост в преисподнюю.

Археологические и топографические исследования полностью подтвердили сообщения армянских средневековых авторов относительно месторасположения древнего Арташата, крепости и мостов. Город имел пять ворот, южные из которых вели к мосту Таперакан. По ту сторону моста, через реку Гинегет (дословно Винная река, Червлённая река) находился холм. В запрудах реки, под холмом жители Арташата издревле занимались разведением особого вида червей (бс№іЭ ПісЩЗс, vortan karmir), из которых варили знаменитую пурпурную краску, багряную киноварь, кошемиль. В арабских источниках говорится о том, что в этом месте располагалось поселение под названием al-Khirmiz (по-видимому, от армянск. ПісЩЗс /karmir/, красный, кровавый, багряный). Позднее это место стало называться Kirmizi-tapa, что является дословным переводом с древнеармянского ¶ЗЭбЫ µЙбхс, Ginoi blur (Винный холм)[15].

Именно в этом месте, на холме над «царской дорогой», ведущей из Арташата в Вагаршапат, в эпоху Тиграна Великого была установлена статуя Митры-Аполлона. В греческой версии «Жития» Григория Просветителя рассказывается о том, как Тиридат, насаждая христианство в своей стране, вместе с армянскими нахарарами и войском, по дороге из Вагаршапата в Арташат, уничтожил статую Митры-Миhра, охранителя границ города. Митра-Mhер, возвышающийся над престольным городом Арташесидов и охраняющий мост Таперакан, по сути являл собой бога порубежника, охранителя местного теменоса и всего армянского космоса. Именно такими защитниками своей

страны являются «сасунские безумцы» и последний в их роду бессмертный Миhр-Мhер, подобно древнеарийскому Митре, ожидающий своего часа – чтобы освободить мир от скверны, наказать нечестивцев и наградить праведников. Безусловно, образ эпического Мhера Младшего, ожидающего когда люди вновь обретут благочестие и очистятся от скверны, является отголоском эсхатологических представлений митраистов, ожидающих прихода Митры-спасителя (в то время как более простой и архаичный образ Мhера-Старшего является отзвуком древнего арийского мифа о Митре).

Однако сюжет о нечестивом Анаке, нашедшем свой бесславный конец у южных ворот Арташата, на мосту Таперакан, охраняемого Митрой, блюстителем местного теменоса и охранителем дружбы и договора, травителем коварных лжецов, предателей и клятвопреступников, имеет свои аналогии и в греческой мифопоэтике. Анализируя трагедию Эсхила «Семеро против Фив» О. Фрейденберг так характеризует ворота Фив и события, происходящие у ворот города: «В данном мифе «город» образно передаёт царство смерти, преисподнюю. Бой происходит у ворот, и воюют у таких «входов», «дверей» не живые люди, а покойники. Вот почему хор многозначительно молит Этеокла: «Да не пойдёшь ты этими дорогами к семи вратам»»[16]. Таким образом, если городские ворота – это метафора дверей в преисподнюю, то мост – это символ правосудия, осуществляемого у входа в эти ворота. Герои же, погибающие у ворот и на мостах или тонущие в пучине рек фармаки-тотемы, являются своего рода медиаторами между двумя мирами.

Для иллюстрации сказанного разберём один из фраментов «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.). «*Вслед за этим Арташес велит Смбату отправиться в крепость Багаран, близ города Ерванда на реке Ахурян, дабы предать смерти Ерваза, брата Ерванда. Схватив его, Смбат приказывает привязать к его шее* ***жернов*** *и бросить в водоворот реки. Вместо него он назначает над алтарями близкого Арташесу человека, ученика некоего мага*[17] *– толкователя снов, который по этой причине звался Могпаште*» (М. Х., II, 48). Как видно из сообщений того же Мовсеса Хоренаци и др. армянских авторов, Ерваз – брат армянского царя Ерванда, согласно древней традиции был верховным жрецом (по Дюмезилю – жрец-царь) и пребывал в Багаране – жилище богов, где находился главный алтарь (по арм. – bagin) страны. В приведённом фрагменте жрец, призванный приносить жертвы богам, сам становится жертвой, тотемом, то есть жертвенным животным.

«"Жертву" инкарнирует "жрец"[18]. Не нужно поэтому видеть в нём с самого начала представителя жреческого сословия или даже касты. Это бог, это олицетворённый огонь, вода, земля, воздух и пр., в аспекте "пожирания"... он жарит и делит животное, точнее, в его лице животное-бог умирает и оживает»[19]. Точно также жрец-царь, в армянской традиции – есть фармак, искупительная жертва и умирает он соответственным образом, с жерновом на шее.

Характерно, что в древнерусских летописях ***жернов*** также упоминается преимущественно как орудие убийства. Им убивают, разбив голову жертве или же голову жертвы разбивают ударив о жернов. Однако, чаще всего жертву, подобно Ервазу, топят, привязав жернов к шее[20].

Обращает на себя внимание, что во всех этих фрагментах повторяются мотивы жертвоприношения (от древнерусск. *Жерети – приносить в жертву*), жира, поедания-пожирания (от древнерусск. *Жерело* – «горло»), гибристической травли и убийства искупительной жертвы, а также пожирающего огня, жара (отсюда древнерусск. *Жератъкъ*). Сюда уложено столько увязок, что захоти мы их всех разобрать, на это ушло бы слишком много времени и места, поэтому

остановимся лишь на нескольких из них. Во-первых, совершенно очевидно, что здесь, как и в случае с Ервазом, мы имеем дело с «жертвой воды». Как было показано О. Фрейденберг: «Первоначальная жертва воды происходит на воде – у моря, у озера, у реки; это омовение, погружение в воду, окропление, потопление. Боги-вода погружаются, окропляются, моются, топятся (для себя, себе, собой)»[21]. Во-вторых, основным символом «жертвы воды» был жернов, воплощение жертвоприношения фармака, смерти, времени, смены времён года и пр. Жернов перемалывает время, человеческие жизни, жертвоприносит фармаков-тотемов, в более поздние этические времена – царей, жрецов, святых и пр..

В славянских языках связь между молотьбой, перемалыванием нашла своё отражение в таких формах как: молить (скотину), молоть (злаки, хлеб), мельчить, умолять, молить, молиться и пр. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что явления, связанные с прославлением и возвеличиванием богов, молитвой, мольбой, одним словом с миром горним, и явления связанные со скверной, смертью, жертвоприношениями, загробным миром или просто с миром дольним обозначаются однокоренными словами.

Эта же ситуация зафиксирована почти во всех индоевропейских языках, где корни Щ»Х < *mel, ЩбХ < mol, ЩіЙ < *ml[22], почти всегда связаны с понятиями, обозначающими смерть, перемалывание, жертвоприношение или иные сакральные действия. Например:

Mar (санскр.), ЩіЭс»Й – мельчить, крошить

мблбґуущ – испражняться,

меґлпу, ЩбхХз – чёрный (однако в русском – мел)

‘Ьлу, іХ – соль, море

мэлпу – ослия

іХіЙ, іХіЭУ»Й[23] - молоть (злаки, хлеб)

ЩіпіХ іЭ»Й - молотьба, молить (скотину)

ЩіпХіЯ, ЩіпіХ - молодой

іХбГщ - молитва

іХ»сл»Й, іХіг»Й, іХбГ»Й – молить

ЩіЭс іХіуіН, ЩіХіН, іХбп – мелкий и пр..

Согласно А. Потебне: «...жертвоприношение состоит из словесной смерти- оживания и из действительного умерщвления-оживания. Молитва с её двумя протвоположностями функции зла и блага – словесная неотъемлемая параллель к действительному спарагмосу»[24]. Таким образом, слова, имеющие в современном языке антонимичное значение, в «коллективном бессознательном» оказываются почти синонимами. Это, в первую очередь, было обусловлено их сопряженностью с архетипом страстей мученика фармака-тотема, мотивом смерти и воскрешения, уходящего и приходящего бога. Отсюда противоречивость образов большинства сакральных героев, их святость и нечестивость в одном лице[25], явление, по сути, уходящее своими корнями в доцивилизационную, доэтическую эпоху.

Сегодня, иногда, трудно уловить понятийную связь между всеми этими словами. Современное причино-следственное картезианское мышление, строящееся на законах формальной логики, с трудом готово смириться с тем, что все вышеупомянутые слова, часто несущие далеко не сходное, а иногда даже антонимичное значение, имеют единую основу и в архаические времена были семантически связаны друг с другом. Это обусловлено доэтическим и ярко выраженным дуалистическим мышлением архаического человека, в сознании которого долгое время не существовало чётко очерченной грани между

понятиями, сегодня имеющими полярно противоположенное значение. Отголоски этого доэтического мышления в пережиточной форме сохранились в большинстве современных индоевропейских языков.

Примерами этому в русском языке могут послужить однокоренные антонимы – ***сладкий-солённый, крупный-крупица*** и пр. Будучи одним из наиболее древних из ныне существующих индоевропейских языков армянский сохранил очень зримые и типичные образцы доэтичекого дуалистического мышления (щ*iX*ус – *iX*З, *iX*бГ»Й – *iX*iніХ»Й, *iX*Чiп»Й, *Щ»X*Щ – *iX*iХiП и др.)[26].

Возвращаясь к упомянутым Агатангелосом Арташатским мостам добавим, что хотя с ними были связаны многие сакральные события в армянской истории, тем не менее совершенно очевидно, что эти мосты существовали в действительности. Как показали археологические исследования, Арташат действительно находился на холме, в месте слияния двух рек Аракса и Мецамора, которые служили городу естественной защитой. Помимо этого, город со всех сторон был окружён крепостной стеной, с двумя воротами, к каждым из которых вело по мосту[27]. Именно на одном из этих мостов, названным Таперакан, и произошли описанные выше события. У той же реки Аракс, но на подходе к новой столице Армении Валаршапату, в то время получившего название «Новый Город», произошло другое знаковое событие в истории армянского народа. Здесь в 405-406 гг. армяне обрели свою письменность. Создатель армянского алфавита Месроп Маштоц по приказу царя Врамшапуhа и с благословения католикоса Саhака Партева (потомок Григория Просветителя, последний и наиболее выдающийся представитель этого рода), в сопровождении своих учеников отправился в сирийский город Едесию (Урфа), а затем в бывшую столицу Коммагены Самосату для того, чтобы создать письменность для своего народа.

Дело в том, хотя армяне уже целое столетие как приняли христианство в качестве государственной религии, однако реально новая религия так и не получила широкого распространения среди простого народа. Лишь только грекоязычному и арамеаязычному населению городов, а также священникам и относительно образованным представителям армянской знати было доступно Священное писание, в то время существовавшее лишь на греческом и сирийском (арамейском) языках. Для того, чтобы довести до ума и сердца простого народа Библию, Маштоц взялся перевести её на армянский язык. Но прежде необходимо было создать письмена, для чего и была предпринята эта поездка в соседние страны. Маштоц надеялся получить у местных рабунасов (мудрецов) дельные советы, однако никакой помощи, кроме тёплого приёма и сочувствия он здесь не получил (сирийским и греческим епископам было невыгодно появление нового перевода Библии, ибо в этом случае они утеряли бы монополию на духовную жизнь в Армении). Возвращаться назад с пустыми руками Маштоц не имел права, поэтому в тиши Самосатских скрипториев он в одиночестве продолжает работу над созданием армянского алфавита. Наконец великий труд его увенчался успехом. «*Святой десницей своей он, как отец, породил новые чудесные порождения – письмена армянского языка*». Так описывает это знаменательное событие ученик Маштоца Корюн (Житие Маштоца, IX)[28].

Далее Корюн так описывает возвращение Маштоца на родину: «*И показал он дарованные богом письмена, тем кем был принят в начале... Затем, простившись с ними* (сирийскими епископами, Е.М.) *и взяв грамоты с благими вестями... божьей милостью пустился в (обратный) путь. Благополучно проехав много поселений с радостной душой прибыл в страну Армению, в края Айраратской*

области в пределы Нор Калака (Новый Город, Валаршапат, Е. М). *В шестом году (царствования) Врамшапуһа, царя Великой Армении.*

Даже великий Моисей не так ликовал спускаясь с горы Синайской; не скажем, что больше, а гораздо меньше. Ибо муж боговидец, получив у Бога богописанные заповеди и держа их в руках, спускался с горы; но он был печален из-за неблагодарного народа, который повернувшись спиной к господнему и пав ниц вероломно поклонялся идолу, чем заставил носителей заповедей божьих сокрушаться сердцем и горько рыдать, ибо по сокрушённым скрижалям очевидно была скорбь несшего их. Но с этим блаженным (Маштоцем) о котором красочно повествуется в речи нашей, случилось не так, как это было в примере том. Он, сам с собой, преисполненный духовного утешения полагался на одобрение принимающих и в надежде на радостный приём остановки по пути (казались ему) приносящим благую весть... И вот, когда достойный памяти приблизился к престольному городу, оповестили об этом) царя и святого епископа. Они в сопровождении многих знатных нахараров выступили из города, встретили блаженного на берегу реки Рах (Ерасх, Аракс, Е. М.) *и после любезных приветствий вернулись оттуда в город с возгласами радости и громогласными величаниями*» (Корюн, Житие Маштоца, гл. 9). Сразу после этого Маштоц открыл в столице и других городах, а также в отдалённых областях школы, где стали обучать отроков со всей страны. На армянский была переведена Библия.

В трудах армянских средневековых авторов дохристианский и дописьменный периоды характеризуются как времена мрачные, варварские, когда народ прозябал в «неверие и невежестве». Перевод Библии, согласно Корюну, Агатангелосу, Мовсесу Хоренаци и др., приобщил армян к цивилизованным народам. Точно также представляли свою историю и народы Западной Европы и России[29].

Отнюдь не случайно Корюн сравнивает Маштоца с Моисеем. Подобно библейскому пророку, Маштоц покидает свой народ, чтобы вдали от мирской суеты, испросить у Бога помощи. И тот и другой получают свыше божественные начертания, что меняет сам ход истории двух народов. Моисей возвращается к своему народу с начертанными на скрижалиях божественными заповедями, благодаря которым евреи из диких вороватых кочевников превращаются в цивилизованную нацию, со своими письменными законами и их толкованиями, с новой религией, храмами и жрецами и главное с объединяющей весь народ целеполагающей (хотя и утопической) идеей, сплачивающей лучше и крепче, чем государственные границы и госаппарат. Точно также Маштоц, получив свыше письмена, открывает новую цивилизационную страницу в истории своего народа, заложив в неё новую историко-культурной парадигму. Конечно не следует забывать, что в домаштоцевскую эпоху население эллинистических городов, царский двор, родовая знать и бюрократическая элита страны активно использовали греческие и арамейские письмена. Однако, мы почти не имеем свидетельств о том, что эти письмена в Армении были бы хоть как-то сопряжены с сакральными реалиями. Язычество не признаёт письменных священных текстов, которые заучивались наизусть и передавались изустно. Однако, с приходом христианства в Армению и в особенности с переводом Библии, книга для армян становится объектом поклонения, как письменно фиксированное «слово Божье», Алфавит же осмысливается как вместилище неизреченных тайн. Мифос уступает место Логосу. Таким образом, вся дальнейшая история армян становится прежде всего книжной, письменно зафиксированной историей, имеющей своё начало и конец.

Символом первода истории Армении с одного цивилизационного текста на другой стал перевод на армянский различной иноязычной литературы. Вслед за Библией, усилиями Маштоца и его учеников, на армянский были переведены труды отцов церкви, античных философов, другие произведения античных и византийских авторов. (Сразу после этого в армянской культуре начался период, который ещё в древности окрестили Золотым веком). С тех пор Армянская церковь и весь народ ежегодно отмечают Праздник переводчиков. Перевод – это мост между цивилизациями, таким образом, Маштоц, положивший начало переводческой деятельности в Армении, первый перекинул этот мост. Первый стал осуществлять перевод с одного цивилизационного языка на другой. Добавим также, что Маштоц, по сути является создателем литературного армянского языка, который уже в древности поражал своим богатством и необыкновенной красотой[30].

Известно, что в том месте, где Маштоц был встречен св. Саhаком Партевом, Врамшапуром и вельможами на реке Аракс прежде существовал мост, здесь же позднее была построена церковь, которая существует и поныне. Именно там, по сей день, торжественно отмечают Праздник переводчиков, служат литургию и пр..

События, происшедшие на мосту Таперакан и встреча Маштоца на переправе через Аракс метафоричны. Более того, семиологический дискурс произведений армянских средневековых авторов позволяет выявить сразу несколько метафор:

- мост, как пограничное состояние между жизнью и смертью;
- мост – метафора возмездия за совершённое преступление, подобно тому как это видим в случае с Чинватом, нечестивцам не удаётся покинуть Арташат и Армению и они находят свою гибель на мосту, будучи опрокинуты в бурную реку с мутной, ледяной водой;
- мост, как переход от жизни к смерти и обратно к жизни, как элемент испытания главного героя на пути к высшей цели, символ инициации;
- переход от язычества к христианству;
- переход от дописьменной к письменной эпохе;
- от дикого, нецивилизованного состояния к цивилизованному;
- мост как метафора перевода, перевода с одного цивилизационного языка на другой;
- переход от этноса к нации.

Однако, при более тщательном рассмотрении основополагающих концептов ментальности и языковой картины мира древних армян, можно выявить и более глубокие и гораздо более архаичные пласты традиционных представлений о переправе в иной мир и пр. Для этого вновь обратимся к Мовсесу Хоренаци, котрый в своей «Истории» приводит несколько фрагментов из древнейших эпических сказаний:

«*Около этого времени аланы объединяются со всеми горцами, привлекают на свою сторону половину Иверской страны и огромной толпой проникают в нашу страну. Арташэс также собирает свою рать, и происходит сражение между двумя храбрыми народами-лучниками. Аланский народ немного уступает и, отойдя, переходит реку Кур и располагается станом на берегу реки, Арташес, приблизившись, разбивает лагерь на южном (берегу); река разделяет их.*

Но поскольку аланский царевич был захвачен армянскими воинами и приведён к Арташесу, то царь аланов стал просить о мире, предлагая дать Арташэсу всё чего, тот пожелает, дать вечную клятву и заключить договор с

тем, что бы аланские молодцы не совершали более разбойничьих набегов на Армянскую страну.

И так как Арташэс отказывается выдать юношу, то его сестра выходит на берег реки, на крутую возвышенность, и взывает через переводчиков к стану Арташеса:

«*К тебе обращаюсь, доблестный муж Арташэс,*
Победившему храбрый народ аланов;
Согласись ка ты с моими, дивноокой дочери аланов, словами
И выдай юношу. Ибо не подобает
Богородным героям из одной только вражды
Отнимать жизнь у потомков других богородных героев,
Или поработив, держать их в разряде невольников
И насаждать вечную вражду между двумя храбрыми народами».

Услышав столь мудрые речи, Арташэс вышел на берег реки и, увидев прекрасную деву и услышав её разумные слова, возжелал её. И призвав к себе своего воспитателя Смбата, он открывает ему желание своего сердца – взять в жёны аланскую царевну, заключить договор и союз с храбрым народом и отпустить юношу с миром. Одобрив (всё это), Смбат посылает к царю аланов (предложение) выдать царственную деву аланов Сатеник замуж за Арташеса. А царь аланов говорит: «Откуда же заплатит доблестный Арташес тысячи и десятки тысяч за высокородную деву, аланскую царевну?»

Излагая эти события в виде легенды, сказатели в своих песнях сказывают:
«*Храбрый царь Арташэс вскочил на красавца вороного*
И, вынув аркан из красной кожи с золотым кольцом,
Подобно быстрокрылому орлу устремился через реку,
И, бросил аркан из красной кожи с золотым кольцом,
Обхватил стан аланской царевны
И, причинив сильную боль спине нежной девы,
Быстро доставил её в лагерь»...
Точно так же, иносказательно, воспевют и свадьбу[31]*, говоря так:*
«Шёл золотой дождь, когда Арташес был женихом,
Шёл (дождь) жемчужный, когда Сатиник была невестой» (М. Х., II, 50).

Комментируя этот фрагмент из «Истории» Мовсеса Хоренаци А. Степанян пишет: «Под пеленой историчности здесь прослеживается переход мира из состояния хаоса в состояние гармонии. Наррация начинается с описания войны и всеобщего хаоса: полчища аланов нападают на Армению, разоряют города и сёла; армянское войско наносит им поражение и отбрасывает за реку Кура.

В дальнейшем рассказе хаотическая ситуация уступает место чётко выраженному дуализму. С одной стороны, в образе быстрокрылого орла (arcui srathev) выступает царь Арташес. Его полюс характеризуется параметрами «мы», «мужское», «победа», «добро». С другой стороны, аланская царевна Сатеник, вышедшая на берег реки с мольбой вернуть пленённого брата. Её полюс характеризуется параметрами «они», «женское», «поражение», «зло». Как видим здесь те же компоненты начальной космотворческой ситуации – водная стихия, женщина, орёл-мужчина. Последний, преодолев все препятствия, устанавливает вечный мир. Акт этот в мифомышлении равноценен творению мироздания»[32].

И вновь напрашиваются любопытные параллели со славянскими мифопоэтическими воззрениями, подробно исследованными выдающимся русским учёным А. А. Потебней. В изданной в 1865 г. статье «Переправа через

воду как представление брака» он рассматривает несколько типичных примеров из славянской народной поэзии:

«*...Бурею Наталья-свет все леса прошла,*
Бурею свет Павловна все тёмные леса.
Крыла леса, крыла леса алым бархатом,
Катила она, катила она золотым перстнем,
Прикатила, прикатила по круту берегу,
Кличет она, кличет громким голосом:
«Есть ли здесь, есть ли здесь перевозчики
Кто б перевёз, кто б перевёз на ту сторону?»
Что взговорит, что взговорит да Степан-сударь:
... «Я за тобой, Наталья-свет, соколом прилечу,
Я тебя, свет Павловна, под крылом унесу»[33].

Далее А. А. Потебня приводит аналогичные примеры из мифопоэтики других славянских народов – украинцев, сербов, поляков и чехов. Здесь же он пишет о том, что «без сделанного выше предположения о том, что сокол есть мифическое лицо, первоначально тождественное с женихом, что он переносит невесту через реку на его сторону, то есть, на землю, было бы непонятно, почему невесте нужно непременно переправиться через воду и с какой стати славильщикам пришло в голову величать жениха тем, что ему при женитьбе поможет сокол».

В обеих примерах, как из армянской, так и из славянской мифопоэтики[34], сродство не только сюжетных мотивов, связанных с сватовством и браком божественной пары, но и структурное сходство поэтических произведений[35]. Обращает на себя внимание также схожесть метафор, являющимися ключевыми в обоих произведениях: «*красная кожа*» «*золотое кольцо*», «*алый бархат*», «*золотой перстень*», «*быстрокрылый орёл*», «*сокол, уносящий под крылом*» и пр.

Любопытно, что несмотря на рационалистическое отношение к эпическим источникам, Мовсес Хоренаци, особо выделил именно вышеназванные мифологические метафоры и пытается дать им эвгемерическое объяснение: «*Истинный же смысл сказанного таков: так как у аланов в почёте красная кожа, то он даёт много красной краски и золота в качестве выкупа и берёт царственную деву Сатиник. Это и есть аркан из красной кожи с золотым кольцом*». И хотя Хоренаци даёт абсолютно рационалистическую трактовку этих метафор, тем не менее очевидно, что он интуитивно почувствовал их особую важность и выделил из многих других.

Таким образом, в армянской и славянской мифопоэтике мост, переправа выступает как теменос, образ связи между разными точками сакрального пространства, чаще всего между этим и потусторонним мирами. Мост, переправа и встречающиеся на пути к нему препятствия, символизируют своеобразное испытание на пути инициируемого героя, праведника, мудреца. Преодолеть эти испытания могут лишь посвящённые, пережившие агон с потусторонними силами, ритуальную смерть и воскрешение. Нередко смерть и воскрешение происходят на мосту, у городских ворот, переправе, символизирующих этот и потусторонние миры. Нечестивцам, подобно Анаку, не суждено преодолеть эти препятствия и они обречены на бесславную гибель в чёрной ледяной бездне. Героев и царей, подобных Арташесу и Тиридату, по ту сторону моста или переправы ожидает честь и слава, воплощённая в законной власти и красавице-невесте. Праведников же и мудрецов, подобных Маштоцу – достойный приём и восславление.

---

[1] Этот часто используемый Кассирером термин впервые ввёл в оборот ещё Ниссен, см. *Kassirer E.* Philosophie der symbolishen Formen, Bd. 2, Berlin. С. 126; См. также: *Свасян К. А*., Философия символических форм Кассирера. Ереван, 1989. С. 134-135; *Хюбнер К.* Истина мифа. М., 1996. С. 144-146.

[2] Здесь и далее цитируется по: «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Перевод с древнеарм., введение и примечания Г. Х. Саркисяна. Ереван, 1990.

[3] Давид Сасунский: Арм. нар. эпос. // Перев. с арм. К. А. Липскерова; Вступительная статья и примечания Л. Мкртчяна. Ер., 1988. С. 34; *Орбели И.* Армянский героический эпос. Ер., 1956.

[4] См.: Проблема символа и реалистическое искусство, М., 1976. С. 250-251.

[5] В русских былинах и сказках на другом конце моста или у переправы обычно находится Соловей-разбойник или Змей, которого нужно победить в бою или пройти через какое-либо испытание. В трудах большинства исследователей мост трактуется как метафора. Отгадать загадку, метафору – значит удостоиться права беспрепятственно перейти на другой берег (*Аверинцев С. С*., К истолкованию мифа об Эдипе. «Античность и современость» (к 80-летию Ф. А. Петровского). М., 1972. С. 96; его же, Мир как загадка и разгадка: Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 129-132).

[6] *Бойс М*. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 22-23, 37. Об индийской и кельтской символике моста см. *Coomarswamy D. L.* The Perilous Bridge of Welfare. – "Harvard Journal of Asiatic studies", vol. VIII, 1944, P. 196- 213; *Coomarswamy A*. Symplygades, – Stadies and Essays in the History of Scince and Learning offered in Homage to G. Sarton on the Occasion of his Sixtien Birthday. N.Y., 1947. C. 463-488; Мост и "трудный переход". – *Элиаде М.* Космос и история, М., 1987, С. 187- 191.

[7] Но не в Армении, в западной части, которой позднее зародился митраизм, распространившийся по всей Римской империи.

[8] Река и мост испытания — древнейшие образы индоевропейской мифологии. В индийском варианте — это река Вайтарани, протекающая в царстве бога Ямы: в ее кипящие соленые волны падают грешники и опускаются в находящееся под нею место мучений. У греков речным перевозчиком в царство мертвых был Харон, у русских — архангел Михаил (*Тихонравов Н. С.* Отреченные книги Древней Руси // Сочинения Н. С. Тихонравова. Т. 1. М., 1898. С. 183; Голубиная книга. Русские народные духовные стихи XI-XIX веков. М., 1991. С. 246-247). В житии преп. Василия Нового рассказывается, что некий воин умер, но спустя некоторое время ожил — душа вернулась в тело. Воин сообщил, что видел мост, под ним текла река. На другом берегу — цветущий луг и сонмы мужей в белых одеждах. На мосту происходит испытание: праведники проходят через него и попадают в рай, а грешники падают в зловонную реку (*Покровский Н. В*., Страшный Суд в памятниках византийского и русского искусства // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) Т. III. Одесса. 1887. С. 363. С. 362. С. 107). Кирилл Александрийский уточнял, что грешники мучаются в огненной реке связанными. Огненные река и озеро — непременные атрибуты ада и Страшного Суда; адский огонь иногда символически изображался в кипящем котле. На средневековых миниатюрах рукописей, содержащих описания загробного царства и Страшного Суда, традиционно изображался "лютый мраз" в виде озера, красного, как огненная река: ад — царство огня и вечного холода; русские апокрифы относили к числу адских мук пытку огнем и "мразом" (Там же. С. 374, 379). "Составная мука" новгородских казней в том и заключалась, что людей сначала "поджигали" и только потом сбрасывали с моста в реку. Летописец, описывая эти казни, не случайно определял их как "горе" и "муку" для грешников, а неукротимую ярость царя связывал с Божьим гневом. Архетипо-сюжетная основа древнейших представлений заключается в том, что "реку" надо перейти, и не каждый сможет это сделать. Согласно агиографической традиции, Пафнутий Боровский (ум. в 1478 г.) слышал от некоего человека рассказ: умер праведник и не мог перейти реку. Вдруг пришло множество нищих, они создали из своих тел нечто, "яко мост чрез страшную

ту реку”: так праведник оказался в раю. Мост через Волхов был, видимо, выбран царем специально: горящие люди со связанными руками и ногами попадают в холодную реку. Казнь эта, судя по всему, была для царя символом наказания грешников, которым уготована “вечная мука”.

[9] "Он не просто соединяет берега, которые уже находятся здесь. Берега возникают в качестве берегов только тогда, когда мост пересекает поток. <...> Одна сторона противопоставляется другой с помощью моста. Берега уже больше не тянутся вдоль потока как безразличные ограничительные полосы сухой земли. Вместе с берегами мост притягивает к реке просторы ландшафта, лежащего за ними. Он приводит поток, и берег, и землю в соседство друг с другом. Мост собирает землю вокруг потока в ландшафт. <... > Даже там, где мост покрывает поток, он поднимает его к небу, вбирая его на мгновение под сводчатый пролет и затем вновь выпуская его на свободу" (*Heidegger M*., Poetry, Language, Thought. New York, Harper and Row. 1971. P. 152).

[10] Хайдеггер первоначально развивает свое понимание "места" как окружения, насыщенного вещами и создающего близость, в "Бытии и времени", в гл. 22. – *Heidegger M*., Being and Time. San Francisco, Harper, 1962. P. 135-136.

[11] «Соответственно, - пишет Хайдеггер, - пространства получают свое бытие от мест, а не от "пространства"» (*Heidegger M*. Being and Time. San Francisco, Harper, 1962. P. 154).

[12] В этом смысле интересен другой образ ручья и моста, но не гейдельбергского, описанного Хайдеггером, а иного, фигурирующего в одном из рассказов Амброза Бирса *(Бирс А., "Случай на мосту через Совиный ручей", 1956. С. 88)*.

[13] В оригинале գետավեժ անել. В армянском это выражение семантически находится в одном ряду с գահավիժել – «свергнуть с престола», хотя и для того и для другого выражений исходным является глагол վիժել – «выкидывать плод» «извергать из царского места, детинца», վիժեցնել – «совершить аборт», а также «изгнать из благополучного, уютного места» (нариц.). Здесь вновь сопоставимы аналогии с новгородской действительностью. Так описывая события 1134 г. О. Хархордин замечает: «“The Novgorodians have started discussing the war with the principality of Suzdal’, and killed some of their own men and threw them from the bridge on Pentecostal Saturday”. The verb *svergosha* (“threw”) that the chronicle uses is interesting: in modern Russian they mostly use it to designate dethroning, unseating from the throne. Here we have some powerful people unseated from the bridge. It is also rather curious that one of the first common actions of the city as a republic is execution on the bridge. The bridge appears in the chronicle two years before the accepted date for the establishment of republican rule (1136), though the chronicle documents events since 854» (*Хархордин О*. St. Petersburg as *Res Publica*: Common Things and Commonweal. St.Petersburg Freedoms. с. /цитируется по электронной версии/).

[14] История Армении Агафангела, Ереван, 1983, фрагменты 33-34 (перевод с древнеармянского наш).

[15] Подробнее об этом см. *Еремян С. Т.* Армения по «Ашхарацуйц»-у (армянской географии VII века) (опыт реконструкции армянской карты VII на современной картографической основе), Ер., 1963. С. 45-46 (на арм. яз.).

[16] *Фрейденберг О. М*. Миф и литература древности. М.,1978. С. 305.

[17] По видимому, имеется ввиду зороастрийский или, точнее, митраистский жрец, тайновед, обладатель некими сокровенными знаниями. Возможно этим Могпаште был сам Смбат Багратуни, не забудем, что самого Арташеса называли мидийским магом (М. Х., II,46).

[18] Семантическая и этимологическая связь между терминами «жрец» и «жертва», а также «жир» – «жар» – “пожар” – «жрать» – “пожирать” и пр. была отмечена ещё А.Потебней (О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1914. С. 10, 19-20 и др.). Совершенно аналогичную этимологию, даже в несколько более архаичной форме, мы имеем и в армянском языке - «հուր», «քուրմ», «ճարպ», «խժռել» и пр.

[19] *Фрейденберг О. М.* там же. С. 93.

[20] См.: **Жьрнъв]ъ**\\ Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) Том III. Главн. Редактор Авнесов Р. И., М. 1990. С. 273.
[21] Там же. С. 93.
[22] *Ачарян Гр*. Этимологический коренной словарь армянского языка, т. 3, Е., Изд. Гос. ун-та, 1977. С. 225 (на арм. яз.).
[23] В немецком brot – хлеб синонимично английскому Breotan (отсюда – bread) древнегерманск. briotan, breachen разбивать, мельчить, молоть и пр. Согласно Гримму, эти формы должны были свидетельствовать о том, что хлеб ломают, крошат, жуют и пр. (об этом см. *Потебня А. А*., Слово имиф.// О некоторых смыслах славянской народной поэзии. М. 1989. С. 158).
[24] *Потебня А. А.* Слово и миф.// О некоторых смыслах славянской народной поэзии. М., «Правда», 1989. С. 325.
[25] Так, к примеру, латинское «sacer» имеет два значения – «святой» и «нечистый», «нечестивый».
[26] *Маргарян Е. Г.* Архетип фармака в «Истории Армении» Агатанлгелоса, с. 139-185 (на арм. яз.).
[27] *Аракелян Б. Н.* Древний Арташат, Ер., 1975. С. 21-22 (на арм. яз.).
[28] Здесь и далее цитируется по «История жизни и смерти блаженного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика, (написанная) учеником его вардапетом Корюном, перевод Смбатяна Ш. В., Мелик-Оганджаняна К. А. Ер. 1981.
[29] По этому поводу процитируем Люсьена Февра: «И тогда вспомнили о слове…, которое Фюретьер переводил как «делать кого-либо civil poli», сопроводив, однако, таким примером: «Проповедь Евангелия цивилизовала (a cvilisé), самые дикие из варварских народов» (*Февр Л.*, Бои за историю. М. 1991. С. 253).
[30] В Западной Европе период создания литературного языка, перевод на национальные языки Библии совпал с зарождением новых наций и, как следствие этого, отделение лютеранской, кальвинистской, англиканской, пересвитерианской и др. церквей от римско-католической. Создание армянского литературного языка и перевод Библии на родной язык также стимулировало зарождение национальной (по своему духу весьма близкой протестантской) церкви. Всё это, в свою очередь, породило целую серию исторических трудов, несущих в себе серьёзную идеологическую нагрузку, известных под общим названием «История Армении». Из них особо выделяется монументальное произведение Мовсеса Хоренаци, охватывающее всю историю народа от зарождения до создания письмен. Обыкновенно, потребность обратиться к своим корням, стремление осознать свое место в мире, свидетельствовует о зарождении национального идентифитета. Таким образом, создание национальной письменности должно было восприниматься как своеобразный мост между этносом и нацией.
[31] "Женитьба служит символом битвы и смерти, потому что и то, и другое, и третье – суд Божьий, а может быть и по другим причинам. В частности, пир символом битвы, потому что, как кажется, не только свадебный и надгробный, но и всякий более менее общественный пир сопровождался боями (кулачными?), областное… сбивок, пир вообще и тризна…" (*Потебня А. А*., Символ и миф в народной культуре, М. 2000. С. 12).
[32] *Степанян А.А*. Развитие исторической мысли. Миф. Рационализм. Историописание. Ер., 1991. С. 21.
[33] Цитируется по кн.: *Потебня А. А.* Переправа черкз воду как представление брака // Символ и миф в народной культуре. М. 2000. С. 420; «Мост» в кн.: Мифы народов мира, т. 2, М. «Советская энциклопедия», 1992, С. 176-177.
[34] Относительно «моста» и «переправы» в славянской мифопоэтике подробнее см. например «Мост» и «Переправа» в кн.: Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М. 1995. С. 267-269, 304-350 (с лит.).

[35] Понятия «мост» и «переправа» занимают одно из ключевых мест в мифопоэтической мысли древних арийцев. «Один из богов, по индийскому мифу, обладающих невестой до её выхода замуж, Агни, представляется соколом» (*Потебня А. А.*, Переправа черкз воду как представление брака. // Символ и миф…, С. 419).

ՊԱՐՍԻՑ ԲԱՆԱՍՏԵՂԾ ԽԱՂԱՆԻԻ «ՀԱՅԿԱԿԱՆ» ՇԱՐՔԸ

Բառնասյան Ջ. Ա.

Բյուրավոր պոետներ են ապրել այս հողագնդի վրա, սակայն հավիտենական փառքի արժանացածները ընտրյալներն են միայն: Ժամանակն անողոք է միջակությունների հանդեպ, սակայն շռայլորեն կարող է հավիտենական փառք ապահովել նրանց համար, ովքեր երգել են հավերժ մարդկային զգացմունքների, համամարդկային տագնապների ու հույզերի մասին՝ գոյության անվերծանելի գաղտնիքի մեջ խորանալու ցանկությամբ: Այն պոետներն են իրենց տեղն ապահովել անմահների շարքում, ում պոեզիան արտահայտել է հավերժ մարդկային կատեգորիաներ՝ սիրո, գեղեցկության ու ներդաշնակության պաշտամունք, կենսասիրություն, տիեզերքի, բնության փառաբանություն, կյանքի ու մահվան մասին խորհրդածություն: Բարու, գեղեցիկի հանդեպ քնքուշ խանդաղատանք և բռնության, պատերազմների հանդեպ նողկանք, ժխտողական վերաբերմունք դաստիարակող գրական գոհարների վրա են խարսխվում ազգային ու համամարդկային արժեքները: Պարսից իմաստուն ժողովուրդը, որի արմատները հասնում են մարդկային քաղաքակրթության ակունքներին, հավերժ մարդկային արժեքները փառաբանող իր բազում պոետներից հատուկ մեծարանքի է արժանացրել յոթին :

Գերմանացի մեծ գրող Գյոթեն, երկար ժամանակ ուսումնասիրելով Արևելքի և մասնավորապես պարսից պոեզիան, այսպիսի միտք է արտահայտել. «Ասում են, թե պարսիկները ամբողջ հինգ դարերի իրենց բոլոր պոետներից միայն հինգ հոգու են համարել իսկական բանաստեղծ, որոնք արժանի են սերնդեսերունդ հիշվելու: Բայց չէ՞ որ«խոտանված» և այդ 7 մեծերի մեջ չհիշատակվող բանաստեղծներից շատերը բարձր են ինձանից՝ իբրև պոետ»:

Այդ 7 մեծերից մեկն էլ 12-րդ դարի բանաստեղծ ԽԱՂԱՆԻՆ է, որի բանաստեղծություններին մեր փոքրիկ զեկուցման շրջանակներում անդրադարձել ենք այն նկատառումով, որ նա մի գեղեցիկ շարք է նվիրել մեզ՝ հայերիս:

12-րդ դարը Վերածննդի ժամանակաշրջան էր լայնատարած Պարսից պետության տիրապետության տակ գտնվող և ինքնիշխանության ձգտող Շիրվանի համար: Ձեռք բերելով ցանկալի անկախությունը՝ այստեղ աննախադեպ ծաղկում են ապրում արվեստներն ու արհեստները: Ծաղկում է ապրում նաև գրականությունը: Շիրվանշահի պալատում առանձնահատուկ կարգավիճակ ունեին բանաստեղծները, որոնք իրենց ժամանակի ամենազարգացած, կիրթ մտավորականներն էին, որ աչքի էին ընկնում լեզուների իմացությամբ, այլ ժողովուրդների գրականության ճանաչողությամբ: Սակայն շիրվանշահերի համար, ինչպես աշխարհի բոլոր արքաների համար ամենանախընտրելին ներբողի ժանրն է, ուր ճոռոմաբան հանգերով բանաստեղծները փառաբանում էին հաճախ ապաշնորհ, իրենց գիտելիքներով աչքի չընկնող տիրակալներին: Ահա այդ պայմաններում էր, որ պալատական միջավայրում գարնանային թարմ զեփյուռի շունչ բերեց 25-ամյա շնորհաշատ բանաստեղծ Խաղանին:

Հայտնի է, որ 1120 թվականին Շամախի քաղաքում ծնված Խաղանիի հայրը մահմեդական էր, իսկ մայրը՝ քրիստոնեուհի, հավանաբար, հայուհի…

Վաղ է որբացել Խաղանին, սակայն նրա հորեղբայրը հոգացել է տղային պատշաճ կրթություն և դաստիարակություն ապահովելու գործը: Բնատուր շնորհքը պարարտ հող է գտել զարգանալու, որի արդյունքում 25 տարեկան երիտասարդ բանաստեղծն արդեն ճանաչված էր ու սիրված: Սիրո քնարը նրա դեմ բացում է ժամանակակիցների սրտերը, նաև արքայական պալատի դռները: Հուզական, մեղեդային տողերը հռչակավոր դարձրին Խաղանիին: Ամենուրեք նույնն է սիրո լեզուն: Սիրած էակին փառաբանող, անջատումից թախիծ ու տխրություն ապրող և սրտում նոր հանդիպման հույսեր փայփայող երիտասարդները աշխարհի բոլոր լեզուներով նույն կերպ են արտահայտում իրենց զգացմունքները: Իսկ ահա թե ինչ էր ասում իր սիրած էակին Խաղանին.

Աստվածային գեղեցկության գիշեր վարսեր ունես դու,
Անէության ձգտող ձեռքի հրաբորբ սեր ունես դու.
Գարնան նման գեղեցիկ են քո վարսերը հոտավետ,
Լիալուսնի ու արևի պայծառ լույսեր ունես դու:

Սեր, կարոտ, բաժանում… Հավերժ արդիական թեմա սիրերգության մեջ.

Բամբասանքից խռովեցինք ես ու դու,
Առանց կռվի բաժանվեցինք ես ու դու.
Հանդիպելիս չենք խոսում մենք իրար հետ,
Ի՞նչ գաղտնիք կա, չհայտնեցինք ես ու դու:

Արևելքի մարդուն բնորոշ է դեռ երիտասարդ տարիքում կյանքի անցողիկության մասին խորհրդածելու հակումը, կյանքի իմաստի, լինելության գաղտնիքի փնտրտուքը: Իսկ բանաստեղծը ժամանակի սրընթաց հոսքի մեջ կատարելության ու ներդաշնակության ակնթարթներ է որսում՝ ծնունդ տալով այսպիսի տողերի.

Գարնան քամին երբ հառաչեց… Դա սերն է,
Սոխակն եկավ, թաքուն լացեց… Դա սերն է,
Անէության էությունը սեր է, սեր…
Այն, որ քեզնից Քեզ անջատեց… Դա սերն է:

Մարդ արարածն ինքնին հակված է իր ոտնահետքը թողնելու այս անցողիկ աշխարհում, ամենազոր ժամանակի հոլովույթում արժևորելու իր տեղն ու դերը: Երբ տարիների բեռի տակ կքած բանաստեղծը խորհրդածում է իր անցած ճանապարհի մասին, զրուցում ինքն իր հետ, ծնվում են խրատական բնույթի խորհրդածություններ՝ ուղղված ողջ մարդկությանը.

Ո՜չ, Խաղանի՛, քո վեհ հոգին դու մի՛ հանիր վաճառքի,
Զգու՜յշ, ստոր մարդկանց նման չձգտես դու սին փառքի.
Դու շախմատի թագուհու պես ծուղակ չընկնես, ո՜վ ուշիմ,
Լավ է զինվոր լինել, քան թե՝ սպարապետ մի զորքի:

Իբրև իսկական գեղագետ՝ Խաղանին պաշտամունք ունի կնոջ գեղեցկության հանդեպ՝ անկախ նրա ազգային պատկանելությունից ու դավանած կրոնից: Ահա մի չքնաղ գազել, ուր բանաստեղծը փառաբանում է քրիստոնյա գեղեցկուհուն և ինքն էլ ներկայանում է իբրև գեղեցկության բագինի առջև խոնարհվող մի հեթանոս, որն ուզում է գեղեցկուհի քրիստոնեուհու վարսերից իր համար հրապաշտի գոտի հյուսել: Երևի քրիստոնյա մորից է ժառանգել ակնածանքը քրիստոնյայի հանդեպ: Գուցե և չքնաղ հայուհին է մոռացնել տվել կրոնական ամեն արգելք ու խոչընդոտ: Իսկ նրա գեղեցկությունը պոետի տողերում շոշափելի, տեսանելի է դառնում ու հիացմունք առաջացնում.

Հիսուսաշուրթ գեղեցկուհի, սիրո ցավից մի՛ աղոթիր,
Խաչ ես տնկել այստեղ-այնտեղ, որ քեզ պաշտե ամեն ոգի.
Խաչանման քո հյուսքերից աղաչում եմ՝ տու՛ր ինձ մի մազ,
Որ աղոթքի համար շինեմ հրապաշտի կարմիր գոտի:

Հավանաբար, նման անկեղծ հիացմունքի խոսքերի պատճառով չարակամ մարդիկ դավեր սկսեցին լարել բանաստեղծի դեմ՝ դառնացնելով նրա հոգին: Խաքանին ստիպված է լինում թողնել Շիրվանը և ուխտագնացության մեկնել Մեքքա: Այդ ճամփորդությունն ավելի է

ընդլայնում բանաստեղծի աշխարհաճանաչողությունը, ավելի է հղկում նրա պոեզիան: Հատկանշական է, որ այդ ճանապարհորդությունը առիթ դարձավ շրջելու տարբեր երկրներում, այդ թվում նաև Հայաստան աշխարհում: Այդ առիթով Խաղանին գրում է բանաստեղծությունների շարք, ուր հիացմունքով է խոսում հայ մարդու բարության ու հյուրասիրության մասին: Անկասկած, լավ ընդունելության արդյունքում են ստեղծվել մեծ բանաստեղծի այս տողերը.

Իմ Շիրվանից երբ որ եկա Հայոց հողը բարեբեր,
Ամեն մի հայ հիյուրասերի ու բարության խոսք ուներ:
Համոզվեցին, որ եկել եմ ուղիղ չորրորդ երկնքից,
Այնքան նուրբ էր հնչում ձայնս՝ իմ երգերի ակունքից:

Իմ երգերը անվանեցին քերթողական մի մեծ ծով,
Որտեղ նույնիսկ կխորտակվեր Վանա լիճը խորախոր:
Ո՛վ բարեկամ, մի՛ զարմանա, զի իմ երգը քաղցրաբառ
Վանա լճի դառը աղը կդարձնի զուտ շաքար:

Խաղանին անկեղծորեն սիրել է Հայաստանը, որի վեհանիստ լեռներն ամոքել են իր բնօրրանից հեռացած փիլիսոփա բանաստեղծի դառնացած հոգու ցավը.

Իմ Թավրիզում եթե իրոք ունենայի ես հանգիստ,
Չէի գնա դեպի հայոց վեհ աշխարհը լեռնանիստ:

Հայրենիքից հեռացած վտարանդի պոետին ջերմացրել են գիր ու գրականության պաշտամունք ունեցող հայ մարդիկ և հարազատի ջերմությամբ պոետին հյուրընկալած Հայոց հողը: Եվ նա գրել է.

Սիրտս տխուր ու միայնակ հասա Արաքս գետը խոր,
Նա էլ սրտիս արյան նման հոսում էր լու՜ռ, վշտածոր:
Բայց Արաքսը լավ հասկացավ իմ տանջանքը դառնագին,
Ողբահառաչ ձայնով կանչեց, ինձ անվանեց իր որդին:

Կասկածից վեր է, որ պարսից բանաստեղծ Խաղանիի սերը Հայաստան աշխարհի ու հայ ժողովրդի հանդեպ փոխադարձվել է նույնպիսի ջերմությամբ թե՛ իր ժամանակակիցների, թե՛ հետագա սերունդների կողմից: Խաղանիի փիլիսոփայական քառյակները թարգմանել ու հայ ընթերցողին է հանձնել նաև ամենայն հայոց բանաստեղծ Հովհաննես Թումանյանը, որին այնքա՜ն հոգեհարազատ են Խաղանիի խոհերը.

Հոգուդ հավքը հանկարծ թռավ՝ ի՞նչ ես դու,
Ճամփիդ կիսում ձիդ որ կորավ՝ ի՞նչ ես դու.
Եթե մարդ ես, կյանքդ փոխ է տրված քեզ,
Փոխ տվողը որ ետ առավ՝ ի՞նչ ես դու:

Խաղանիի գողտրիկ քնարերգությունն իր բարձրարժեք թարգմանությամբ հայ ընթերցողի սեփականությունն է դարձել մեծանուն բանաստեղծ Վահագն Դավթյանը:

Մեր այս փոքրիկ անդրադարձը պարսից քնարերգության մեծերից մեկին՝ 12-րդ դարի բանաստեղծ Խաղանիին, կարելի է համարել այդ սիրո ու գնահատանքի արտահայտման մի համեստ փորձ:

“Армянский” цикл персидского поэта Хагани

Великий немецкий писатель и мыслитель Гете, долгое время изучавший восточную и, в частности, персидскую поэзию, говорил о том, что многие персидские поэты, которых не принято считать великими, выше него как поэты.

Среди великих- живший XII в. Хагани, к творчеству которого мы обратились в той связи, что он посвятил армянам прекрасный цикл стихов.

Известно,что отец родившегая в 1120г. в г.Шамахи поэта был мусульманином , а мать –христианкой, возможно – армянкой.

В 25 лет Хагани был уже признан и любим. Эмоциональные, мелодичные стихи принесли ему славу.

Хагани обращается к извечным темам- любовь, тоска, разлука. Поэту, что характерно для восточного человека, уже в молодости свойственна тяга к размышлениям о том, что все преходяще, о смысле жизни, тайнах бытия. В стремительном течении жизни поэт ловит мгновенья совершенства и гармонии.

Будучи истинным эстетом, Хагани преклоняется перед женской красотой- независимо от национальной и религиозной принадлежности. Поэт воспевает красавицу-христианку,а себя представляет склоненным пред нею язычником, который хочет из влас христианки сплести пояс огнепоклонника. Наверное, от матери он унаследовал преклонение перед христианством. Возможно , из-за этого восхищения и началась его травля. Хагани вынужден покинуть Ширван и отправиться в паломничество в Мекку. Поэт скитает по многим странам, в том числе-Армении, пишет поэтический цикл, в котором восхищенно говорит о доброте и гостеприимстве армян, их преклонении перед письменностью и литеретурой.

Поэт искренне полюбил Армению, высокие горы которой врачевали душевную боль изгнанника, поэта-философа.

Несомненно,что любовь Хагани к Армении перешла и к современникам, и к потомкам.

Философские четверостишия Хагани переводил и великий армянский поэт Оганнес Туманян, которому были близки раздумья поэта.

ВЛИЯНИЕ ОСНОВНЫХ ФАКТОРОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СФЕРУ ОБРАЗОВАНИЯ. ТРАНСГРАНИЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Аветисян П.С.

Человечество вступило в эпоху глобализации, о чем свидетельствуют рост рынков международной торговли, возрастающая мобильность капитала, либерализация торговли и процедуры капиталовложений, ускорение научно-технического прогресса, всемирное разделение труда, возникновение гибридной мировой культуры, смешение национальных традиций. Глобализация проникает во все сферы жизнедеятельности человека, будь то экономика, политика, образование или культура. Фактически без упоминания понятия «глобализация» не обходится ни одно исследование, статья или аналитический обзор. Исследователи отмечают даже некую демонизацию этого процесса. Очевидно, что, прежде всего, необходимо разобраться в основных характеристиках, специфических признаках, вызовах и проявлениях этого процесса в целом и в сфере высшего образовании в частности.

Следует констатировать, что на сегодняшний день нет универсального определения «глобализации», которое бы устроило всех. В отдельных работах даются определения этого понятия, при этом в каждом определении ставится акцент на одно из проявлений глобализации.

Так, по мнению В.Пефтиева и В.Черновской, глобализация – «высшая на данный момент фаза интернационализации (интеграции) экономики и политики, а в зачаточном состоянии – и культуры»[1]. В определении С.Б. Крымского содержится указание на время возникновения глобализации: «начиная с 60-х годов XX века, началась глобализация предметного поля современной цивилизации, которая, собственно, и стала индентификацией универсальных интегральных процессов на рубеже тысячелетий. Здесь уже на первый план выступает не просто масштабное расширение человеческой деятельности (которое было и ранее), а универсализация ее механизмов и результатов»[2].

Общее понимание процесса глобализации как «резкого расширения и усложнения взаимосвязей и взаимозависимостей, как людей, так и государств, что выражается в процессах формирования планетарного информационного пространства, мирового рынка капиталов, товаров и рабочей силы, в интернационализации проблем техногенного воздействия на природную среду, межэтнических и межконфессиональных конфликтов и безопасности»[3] содержится в определении Н.Иванова

Таким образом, если не вдаваться в поиск исчерпывающего определения глобализации, в характеристике которой у различных исследователей можно обнаружить известные разночтения, в целом можно констатировать, что в

большинстве случаев они солидарны в ее понимании как о новом, особом качестве взаимозависимости и целостности мира перед глобальными вызовами экологического, демографического, политического миропорядка. Именно глобальные вызовы, ставящие цивилизацию на грань вымирания, придают процессу глобализации исключительно важное значение. И только объединившись, человечество сможет ответить на эти вызовы и только совместными усилиями сможет выжить. «Несмотря на очевидную расколотость современного мира, формирование глобальных экономических сетей, резкая интенсификация связей и взаимодействий, появление всеобщих проблем и кризисов – «вызовов» (экологического, демографического, перестройки экономического и политического миропорядка и т.д.), которые, как сейчас стало ясно многим, нельзя решить и разрешить в одиночку, локальными усилиями и средствами, - все это ведет к *объективному единству* мира. А именно: к единству хозяйственных связей, социальных процессов и исторических судеб разных стран, к диалогу культур и этносов в поисках гармоничного объединения человечества перед лицом общих угроз и проблем. Отсюда следует, что нельзя смешивать и отождествлять ни модернизацию с вестернизацией, ни глобализацию с гегемонизмом... Но в своей глубинной сущности глобализация есть ни что иное, как продолжение и развитие процесса интернационализации (универсализации) уже на новой стадии или витке всемирной истории. ... нынешняя интернационализация-глобализация впервые в истории... поставила под вопрос сам факт существования и сохранения («выживания») человеческого рода, созданной им социальности, форм бытия и мироустройства»[4].

По мнению специалистов в области глобалистики[5], «появление в наше время глобальных проблем – это не результат какого-то просчета, чьей-то роковой ошибки или преднамеренно выбранной стратегии социально-экономического развития. Это и не причуды истории или результат природных аномалий. Глобальные изменения и последовавшие за ними общечеловеческие проблемы явились результатом многовековых количественных и качественных трансформаций как в общественном развитии, так и в системе «общество–природа». Причины их появления корнями своими уходят в историю становления современной цивилизации, породившей обширный кризис индустриального общества, технократически ориентированной культуры в целом. Этот кризис охватил весь комплекс взаимодействия людей друг с другом, с обществом, с природой и затронул жизненные интересы всего мирового сообщества. Итогом такого развития стала в первую очередь деградация окружающей человека среды, очень быстро обнаружившая тенденцию к деградации и самого человека, так как его поведение, представления и образ мышления оказались не в состоянии своевременно меняться адекватно тем переменам, которые с нарастающей быстротой стали происходить вокруг него. Причиной же ускоренного развития социально-экономических процессов явился сам человек и его целенаправленная преобразующая деятельность, многократно усиливаемая все новыми и новыми достижениями в области науки и техники»[6].

Ученые выделяют два важнейших компонента глобализации: «интернационализация экономики и быстро прогрессирующая тенденция к созданию единого глобального информационного пространства на основе новейших информационных технологий»[7].

Интернационализация экономики (первый компонент) в процессе глобализации сегодня, по мнению Р.Н. Джангужина, ведет к масштабному беспрецедентному перераспределению доходов в пользу развитого мира, использующего в своем арсенале такие международные финансово-

экономические институты, как МВФ, Всемирный Банк, Всемирную Торговую организацию и др[8]. В эпоху глобализации транснациональные корпорации становятся серьезными субъектами международных отношений наряду с национальными государствами. Так в конце XX в. транснациональные корпорации уже контролировали 90% мирового рынка пшеницы, кофе, кукурузы, табака, джута, лесоматериалов и железной руды, 75% сырой нефти и каучука[9], а также рынок новых информационных технологий.

Очевидно, что процессы глобализации уже оказывают, и будут оказывать влияние на национальные государства. Позитивные и негативные результаты этого влияния будут зависеть от социально-экономического положения отдельного государства. Однако, очевидно, что процесс глобализации будет способствовать закреплению социально-экономического неравенства стран. Глобализация – усиление конкуренции между странами в еще более взаимозависимой международной экономике, которая усиливается в связи с быстро развивающимися коммуникационными и компьютерными технологиями, а также способом бизнес-мышления, которое перестает быть только национальным или региональным, становясь все более глобальным. Одним из главных продуктов такой конкуренции является то, что люди в государствах становятся лучше осведомленными о «бизнес-климате» своей страны. Условия ведения бизнеса в стране определяют степень привлечения иностранного капитала и способность местного бизнеса аккумулировать прибыль. Все национальные экономики в мире должны подстраиваться под эту новую глобальную «структурную» экономическую реальность. В широком понимании, это и есть смысл структурного урегулирования. Структурное урегулирование обычно ассоциируется с корректировкой дисбалансов в зарубежных счетах и отечественном потреблении (включая правительственные дефициты) и с дерегуляцией и приватизацией экономики[10].

Вторым важнейшим компонентом глобализации являются *информационные технологии*. Единое глобальное информационное пространство на основе новейших информационных технологий не имеет таможенных границ, обмены в мировой информационной сети не могут быть полностью проконтролированы при “пересечении” межгосударственных границ. Если на начальной стадии развития информационного общества формируются национальные информационные образовательные пространства, то сейчас мы наблюдаем их интеграцию в единое мировое информационное образовательное пространство. Более того, глобальное информационное образовательное пространство может полностью реализовать свои скрытые возможности только в случае охвата всего мирового пространства и отсутствия препятствий для перемещения информации[11].

Уникальность Интернета сделала его безусловным лидером среди множества вариантов телекоммуникационных технологий. По справедливому замечанию, И.Р. Сухарева, "Интернет стоит сам по себе вне политики, экономики, других общественных отношений и в то же время служит мощнейшим инструментом для политики, экономики и других общественных отношений. Любой индивид, вступая в контакт с внешним миром через Интернет, воспринимает этот внешний мир скорее как безликую, объективно существующую реальность, нежели совокупность конкретных субъектов[12].

Темпы развития Интернета носят взрывной характер[13]. Любые данные по числу пользователей устаревают мгновенно, поэтому любая статистика по информационным технологиям и Интернету всегда отстает, по крайней мере, на

шаг. Число людей, пользующихся Интернетом во всем мире, составляет 459 млн. человек.

По мнению специалистов, формирование системы Интернет в отдельной стране определяется рядом взаимосвязанных показателей: "1) потребностью страны в получении разнообразной экономической, научной, культурной и другой информации, что, как правило, находится в прямой зависимости от уровня ее хозяйственного развития; 2) степенью компьютеризации страны, измеряемой как общим количеством компьютеров (главным образом персональных), так и их плотностью в расчете на 1 000 жителей; 3) уровнем телефонизации страны, т.е. общим количеством аппаратов и их плотностью; 4) развитостью, качеством и величиной тарифов системы электросвязи страны, их интегрированности с международными сетями; 5) наличием в стране достаточно большого количества общедоступных банков данных, различных справочных служб; 6) уровнем компьютерной грамотности населения, владения английским языком"[14].

По результатам исследования фонда Nielsen//NetRatings, в котором использованы данные за последний квартал 2001 г., 40% всех пользователей приходится на США и Канаду, а на огромный регион, включающий Европу, Ближний Восток и Африку – 27% пользователей, Латинскую Америку – 4%[15].

Количество пользователей Интернета в странах Содружества Независимых Государств растет год от года. По итогам 2002 года, Россия вошла в список 15 стран, в которых доля пользователей Интернет в общем населении страны наиболее значительна. По некоторым оценкам, российская аудитория Интернет составляет 20 млн. человек (5-6% взрослого населения страны), из них 1,5-2 млн. пользуются доступом в Сеть регулярно (не реже одного раза в месяц). По данным открытых источников общее количество пользователей Интернет в Казахстане в 2001 г. превышало 360 тыс. чел.[16], на Украине – 500 тыс. чел[17]. В 2002 году в список первых 60 стран мира по числу пользователей Интернета вошли Азербайджан и Грузия, но не вошла Армения. На середину 2003 года количество пользователей Интернета в Армении составило около 50 тысяч. По мнению специалистов, «сегодня проблемными вопросами для стран кавказского региона остается поиск инвестиций в телекоммуникационную отрасль и платежеспособный спрос на ее услуги. Тем не менее, перспективы ИТ в регионе огромны — создаются и развиваются ИТ-компании, растет количество компьютеров у населения и в госсекторе. Все большее количество компаний и частных лиц в регионе подключаются к Интернету и используют ИТ в своей деятельности[18].

Оба компонента глобализации: интернационализация экономики и информационные технологии активно воздействуют на образование как отдельную сферу жизнедеятельности. В отчете Всемирного банка «Построение общества знаний: новые задачи третичного образования» за 2002 г. подчеркивается ключевая роль образования в создании, распространении и применении знаний для наращивания технического и профессионального потенциала и построения конкурентоспособной экономики. В качестве основных выделены следующие новые тенденции: растущая роль знания как движущей силы экономического развития; появление новых провайдеров услуг третичного образования, оперирующих вне территориальных границ; развитие рыночных сил и возникновение глобального рынка третичного образования[19]. На конференции (сентябрь 2000г.), организованной Национальным комитетом международной торговли в образовании (учреждена в Вашингтоне, округ Колумбия в 1999 г.), было отмечено, что мировая торговая организация оценивает

глобальную индустрию образования и повышения квалификации в $27 млрд. дол. США.

Глобальные тенденции в образовании оказывают влияние как на национальные системы образования, так и на локальные образовательные учреждения. Они повлекли за собой реформы в образовательном секторе, которые можно условно разделить на 3 вида:

1. **Реформы, вызванные конкуренцией - происходит изменение спроса на качество знаний и умений как на внутреннем, так и на мировом рынке труда, а также возникает новое видение организации образования и повышения квалификации кадров.**
2. **Реформы, вызванные сокращением финансирования государственного сектора образования или финансово-зависимые реформы.**
3. **Реформы, вызванные стремлением к социальному равенству в области образования, т.е. такие реформы, которые ставят своей целью повысить роль образования в качестве способа социальной мобильности и социального равноправия[20].**

По нашему мнению, процесс глобализации не способствует реформам равного доступа в образовательной сфере по двум основным причинам. Во-первых, потому, что глобализация увеличивает выигрыш высокоуровневых навыков по отношению к низкоуровневым, сокращая дополняемость между реформами равного доступа и реформами, вызванными конкуренцией. Во-вторых, в большинстве развивающихся стран и во многих развитых странах финансово-зависимые реформы доминируют в образовательном секторе новой глобализированной экономической среды, и такие реформы имеют тенденцию увеличивать неравноправие в сфере образовательного сервиса.

Однако это не значит, что образовательная политика не может добиться следования реформам для равного доступа и в контексте глобализированной экономической среды. По нашему мнению, доступности образования способствуют новая форма интернационализации: **мобильность программ,** получившая развитие в середине прошлого века. При этой форме интернационализации студенты не покидают своей страны для обучения, а иностранный вуз ведет учебный процесс, используя организацию-провайдера (вуз-партнер), либо информационные технологии и Интернет; возможно комбинирование обоих подходов. Бурный рост этой формы интернационализации мы связываем с вступлением человечества в эпоху глобализации.

Для характеристики этой формы интернационализации используются следующие понятия: «трансграничное образование», «транснациональное образование» или «образование без границ», которые используется для отражения реального или виртуального перемещения студентов, преподавателей, знаний и учебных программ из одной страны в другую[21].

Термин «транснациональный» используется в смысле «сквозь нации» и не обязательно относится к понятию связей и часто используется как заменитель термина «зарубежный»[22]. В Кодексе образцовой практики для транснационального образования (принят на третьем заседании Рабочей группы по транснациональному образованию (1999 г., Иерусалим) и одобрен сетью Европейских национальных информационных центров по академическому признанию и мобильности (ENIC) на 7-м заседании сетей ENIC и NARIC (2000 г., Брюссель)) дается следующее описание «транснационального образования»: «Все виды учебных программ высшего образования, или комплектов курсов

обучения, или образовательных услуг (включая программы дистанционного образования), при предоставлении которых обучающиеся находятся в стране, отличной от той, в которой расположено учебное заведение, присуждающее квалификации. Такие программы могут либо принадлежать образовательной системе другого государства, а не того, в котором эта программа реализуется, либо они могут функционировать независимо от любой национальной образовательной системы».

Транснациональное образование реализовывается в самых различных формах. Гленн Р. Джонса, один из основателей Международного союза транснационального образования, приводит следующие образцы транснационального образования:

онлайновые и дистанционные программы образования: программы дистанционного образования, представляемые через Интернет, по сети, через спутники, компьютеры, почту или с помощью других технологий - через государственные границы;

кампусы-филиалы: кампусы, которые открываются учебным заведением в другой стране для обучения иностранных студентов по своим учебным программам;

по лицензии: ситуация, когда учебное заведение А дает добро на открытие учебного заведения В другой стране в качестве провайдера одной или более программ учебного заведения А студентам учебного заведения В, находящегося в другой стране;

сочленение: признание на постоянной основе учебным заведением А особой разработки учебного заведения В другой стране в качестве частичного зачета по программе учебного заведения А;

учебные заведения-побратимы: заключение соглашения между учебными заведениями разных стран по проведению совместных программ;

корпоративные программы: многие большие корпорации предлагают программы с зачетными единицами, полученными в учебных заведениях; в этот процесс часто вовлекается учет зачетных единиц, полученных, невзирая на государственные границы[23].

Таким образом, транснациональное образование включает «все виды программ высшего образования или курсов обучения, или образовательных услуг, включая дистанционное образование, при реализации которых обучаемые находятся не в той стране, где расположен вуз, присваивающий дипломы/квалификации. Программы транснационального образования могут принадлежать образовательной системе зарубежного государства либо предоставляться независимо от какой-либо национальной системы образования[24].

Важное место в системе взаимоотношений иностранного вуза со студентами занимают **организации-провайдеры**: местные университеты или частные провайдеры высшего образования. Организации-провайдеры не имеют юридического права на присвоение академических степеней и других, признанных в высшем образовании квалификаций, но по льготному соглашению с иностранным вузом могут предоставлять программы для студентов, по окончании изучения которых он и получает документы о присвоении ему академической степени от имеющего полноценную лицензию университета, который территориально может быть расположен в другой стране[25]. Студент может никогда даже и не посетить иностранный вуз, диплом которого он

получил без затрат на поездки и проживание в страну его фактического расположения.

В настоящее время университеты используют частных провайдеров высшего образования для распространения собственных программ по всему миру. К примеру, университеты США активно пользуются услугами корпораций “Джонс” и “Электроник видео конференсинг” http://www.evcinc.com)[26].

В отношении международной системы аккредитации организаций-провайдеров в области транснационального образования ведется много споров. П. Ниборг в статье “Сотрудничество в области взаимного признания в высшем образовании» справедливо отмечает, что «все усилия в этом направлении сталкивались с непреодолимыми трудностями. Национальные системы очень разнообразны, и международная договоренность о концепции качества еще не достигнута. Образование – часть культурной самобытности страны, и, возможно, будет не совсем разумно вводить транснациональное регулирование.

Все страны находятся на разных этапах развития. Во многих государствах вузы плохо оснащены и страдают от нехватки квалифицированных специалистов. Импорт высококачественных образовательных услуг может послужить частичным решением проблемы. Полезным может оказаться также и сотрудничество и торговля высшим образованием между странами, находящимися в одинаковом положении”[27].

Справедливость этих мыслей подтверждают исследования, проводимые специалистами Центральной и Восточной Европы. По их мнению, в настоящее время существуют следующие благоприятные факторы для развития транснационального образования в Центральной и Восточной Европе:

1) необходимость иностранных инвестиций в экономику стран Центральной и Восточной Европы требует подготовки квалифицированных специалистов, способных работать в условиях глобализации торговли и промышленности;

2) необходимость расширения доступа к образованию молодежи в условиях растущего спроса на образовательные услуги и невозможности его удовлетворить в странах, где частный сектор высшего образования слабо развит;

3) недостаточность государственного финансирования высшего образования;

4) бурное развитие Интернет[28].

Вместе с тем, существует и целый ряд объективных факторов, препятствующих или замедляющих распространение транснационального образования в Центральной и Восточной Европе. К ним относятся, «культурные барьеры»[29], связанные с историческими традициями университетского образования в Европе. «Европейцы считают, что разнообразие их систем высшего образования является частью общеевропейской культуры. Все европейские страны обычно гордятся возрастом своих университетов. Любые усилия, направленные на объединение и таким образом на нарушение культурной уникальности высшего образования на любом европейском уровне, вызывает сопротивление и даже протест со стороны большинства населения. В некоторых странах культурный шовинизм настолько силен, что никакие изменения в системе высшего образования совершенно не приемлются»[30].

Еще одним серьезным барьером на пути транснационального образования в Европе является фактическое отсутствие законодательной базы для работы организаций-провайдеров транснациональных программ. С учетом

того, что Правительства стран Центральной и Восточной Европы не имеют опыта в области транснационального образования и конструктивного общения с организациями-провайдерами с одной стороны, и отсутствие нормативных документов с другой, создает поле для распространения некачественных международных программ и деятельности недобросовестных организаций-провайдеров.

К вышеперечисленным препятствиям добавляются отсутствие критериев сравнения систем высшего образования и препятствия этического характера[31]. Вместе с тем популярность программ транснационального образования в странах Центральной и Восточной Европы растет. По мнению словацких специалистов в области международного образования «словацкие студенты ожидают от программ транснационального высшего образования следующее:

высокое качество преподавания/обучения, сравнимое с уровнем, который они могли бы получить в традиционных образовательных учреждениях Словацкой Республики;

нечто отличное, “нечто, отсутствующее в Словакии или изучаемое в Словацкой Республике по-другому”;

более низкая стоимость, чем при очном обучении за границей;

менее сложные условия и процедуры поступления, чем в традиционный отечественный университет (избежание ситуации, в которой из-за политики *numerus clausus* даже студентов, выдержавших конкурс, не зачисляют в университет из-за отсутствия мест);

возможность улучшить свои знания иностранных языков, в первую очередь английского, то есть повысить свои шансы на рынке труда;

расширение знаний о стране провайдера, которые они смогут использовать в будущей профессиональной деятельности, в первую очередь работая в международных компаниях, а также в стране провайдера[32].

Дискуссии о транснациональном образовании идут во всем мире, в них принимают участие представители традиционных университетов, организаций-провайдеров и международных транснациональных организаций. В основном, все дискуссии сводятся к вопросам качества транснационального образования и ограниченной правовой компетенции национальных аккредитационных систем[33].

Целый ряд международных организаций взялись за разработку основных принципов и реальных механизмов обеспечения качества транснационального образования. И на сегодняшний день существует целый ряд международных документов, регулирующих вопросы качества образования. Это Лиссабонская конвенция, Кодекс образцовой практики для транснационального образования.

Кроме того, на 32-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО и встречи правления Центра исследований и инноваций в образовании (ЦИИО) ОЭСР в 2003 г. было принято решение о разработке «Совместных ЮНЕСКО/ОЭСР[34] принципов по обеспечению качества трансграничного высшего образования» (UNESCO/OECD Guidelines on Quality Provision in Cross Border Higher Education) с целью:

- защиты преподавателей и студентов от рисков получения низкокачественного образования и квалификаций, не признаваемых на широком международном уровне, а также от рисков получения недостоверной информации о предоставляемых образовательных услугах;

- повышения сопоставимости и конвертируемости присваиваемых степеней и квалификаций, обеспечивающих их международное признание;

- повышения прозрачности, связанности, открытости процедур признания квалификаций и распознавания дипломов, в максимальной степени облегчающих академическую мобильность;

- усиления международного сотрудничества национальных агентств, участвующих в разработке образовательных стандартов, аккредитации и сертификации образовательных учреждений и услуг.

Для университетов, успешно участвующих в программах транснационального образования и соблюдающих основные принципы обеспечения качества, предполагается ввести статус **международно-признанного образовательного учреждения** (Internationally Recognised Higher Education Institution). Создание единой базы таких университетов (International Database on Internationally Recognised Higher Education Institutions)[35] ОЭСР определил как важный шаг в направлении обеспечения системы качества трансграничного образования и распространения информации среди широкого круга заинтересованных лиц. В дальнейшем планируется широкое внедрение разработанных принципов на международном, региональном и национальном уровнях[36].

Роль национальных систем оценки качества (региональный и национальный уровень) рассматривается в Лиссабонской конвенции. Страна, подписавшая, а затем ратифицировавшая Лиссабонскую конвенцию принимает на себя обязательства признавать квалификации, присвоенные другими участниками конвенции, аналогичными соответствующим квалификациям собственной системы. Таким образом, снимаются препоны для проникновения зарубежного высшего образования. В документе заложен механизм контроля за качеством образовательных услуг, предоставляемых организациями-провайдерами высшего образования. Каждая страна, участник Конвенции, создает свою национальную систему качества и может оценить предоставляемые организацией-провайдером образовательные услуги и в случае выявления значительных нарушений, принять соответствующие меры. По мнению П. Ниборг, «Лиссабонская конвенция рассматривает учреждение национальной системы оценки качества как возможность, а не как непременное условие. Однако импортеры образовательных услуг могут поставить как обязательное условие торговли наличие в странах-экспортерах эффективно работающей системы оценки качества. В таком случае конвенция обязывает экспортера в обязательном порядке предоставить информацию о методах и результатах оценки, о стандартах качества для каждого типа вузов. Это положение фактически полностью определяет решение вопроса качества в торговле услугами высшего образования. Таким образом, Лиссабонская конвенция, в основе которой лежит взаимное доверие государственных образовательных систем, способствует обеспечению качества, препятствуя в то же время возведению барьеров для торговли услугами высшего образования "[37].

Странами (четыре ведущих экспортера образовательных услуг: США, Соединенное Королевство, Австралия и Канада), подписавшими Лиссабонскую конвенцию, был разработан Кодекс образцовой практики для транснационального образования. Цель Кодекса — «способствовать профессиональной практике в сфере транснационального образования - и особенно в отношении качества предоставляемых учебных программ, а также стандартов квалификаций, присуждаемых Сторонами Лиссабонской конвенции Совета Европы/ЮНЕСКО о признании Кодекс предназначен для того, чтобы:

отвечать ожиданиям, как направляющей, так и принимающей страны в отношении транснациональных мероприятий в высшем образовании;

предоставить источник справочных материалов по вопросам, относящимся к обеспечению качества и оценке предоставляемых программ и квалификаций, присуждаемых в результате транснациональных мероприятий;

дать студентам, работодателям, и другим заинтересованным лицам, кто может иметь отношение к квалификациям, присуждаемым в результате транснациональных мероприятий, механизм "защиты потребителя";

содействовать признанию квалификаций, присуждаемых в результате участия в транснациональных мероприятиях[38].

Основываясь на Лиссабонской конвенции, Кодекс гласит:
- академическое качество и стандарты транснациональных образовательных программ должны соответствовать стандартам институтов, присвоивших квалификацию, а также институтов принимающей страны;
- институты, присваивающие квалификацию, и институты, предлагающие программу, должны доказать свою надежность и нести полную ответственность за обеспечение качества;
- институты, присваивающие квалификацию, несут ответственность за присвоение квалификаций транснациональных учебных программ и обязаны предоставлять полную и исчерпывающую информацию об этих квалификациях, в частности, с помощью Приложения к диплому[39].

В свою очередь Международный союз транснационального образования (МСТО) (основан в 1995 г., штаб-квартира в г. Эглвуд штат Колорадо (США)) декларирует следующие принципы своей работы:

Цели: транснациональные курсы должны руководствоваться целями, понятыми членами МСТО, и не должны выходить за рамки цели и экспертизы провайдера.

Стандарты: студенты, получающие образование и зачетные единицы при обучении по транснациональным курсам, должны иметь гарантию от провайдера, что эти курсы одобрены провайдером, а их критерии соответствуют образовательному качеству, и в том, что такие же стандарты применяются независимо от места или способа проведения курсов.

Правовые и этические вопросы: транснациональные курсы должны действовать в соответствии со всеми законами и с одобрения зарубежной страны. Зачисление и плата за обучение: к участникам транснациональных курсов должно быть справедливое и этичное отношение. В частности, вся имеющая отношение к делу информация должна быть открыта для участников, и каждый участник должен получить полный студенческий статус или его эквивалент от организации провайдера.

Человеческие ресурсы: организация-провайдер должна иметь достаточное количество высококвалифицированных сотрудников, обеспечивающих проведение транснациональных курсов, а их деятельность - контролироваться и регулярно оцениваться как нормальная деятельность провайдера.

Инфраструктура: организация-провайдер должна гарантировать как адекватную окружающую среду обучения, так и достаточные ресурсы для транснациональных курсов, а также обеспечить адекватные ресурсы, которые будут доступны до окончания действия всех обязательств перед поступившими участниками.

Преподавание и обучение: транснациональные курсы должны, с педагогической точки зрения, соответствовать методам преподавания, природе и потребностям участников.

Поддержка студентов: организация-провайдер должна гарантировать, что студенты пользуются адекватными услугами поддержки для максимального использования потенциальной выгоды, которую они получат благодаря транснациональным курсам.

Оценка: транснациональные курсы должны регулярно и соответствующим образом оцениваться как обычная часть провайдерской деятельности организации-провайдера, с тем чтобы результаты этой оценки были использованы для совершенствования курсов.

Третьи лица: когда третьи лица такие, как агенты или сотрудничающие учебные заведения вовлекаются в предложения, связанные с транснациональным образованием, в соглашениях должны быть четко прописаны их роль, ожидания и обязательства[40].

Таким образом, возникает необходимость выработки основных принципов и нормативно-правовых документов, регулирующих обеспечение качества трансграничного высшего образования в ответ на усиливающуюся коммерциализацию высшего образования. Эти принципы должны быть направлены на поддержку международного сотрудничества и содействие пониманию важности обеспечения качества в трансграничном высшем образовании. Их целью будет обеспечение защиты обучающихся и других заинтересованных сторон от низкого качества услуг и недобросовестности поставщиков, а также способствовать развитию качества трансграничного высшего образования в соответствии с гуманитарными, социальными, экономическими и культурными потребностями. В этой связи возникает необходимость в дополнительных инициативах на национальном уровне, в более активном международном сотрудничестве и сетевом взаимодействии, а также в более транспарентной информации о процедурах и системах обеспечения качества, аккредитации и признания квалификации. Только в этом случае мы можем создать устойчивую систему высшего профессионального образования.

---

[1] Пефтиев В. Черновская В. Развивающийся мир: глобализация или регионализация?// «МэиМО», 7, 2000. С. 39.

[2] Крымский С.Б. Цивилизационный статус глобализации.// Цивилизационные модели современности. Киев, 2003. С. 606.

[3] Иванов Н. Глобализация и ее влияние на страны Центральной Азии. Глобализация и проблемы оптимальной стратегии развития. «МэиМО», 2, 2000. С. 15.

[4] В.И. Толстых. Цивилизация и модернизация в контексте глобализации//Философия, наука, цивилизация. М., 1999. С.273.

[5] http://www.aquilonclub.ru/text/200604171141.htm

[6] Энциклопедия "ГЛОБАЛИСТИКА" М., «Радуга», 2002 И.И. Мазур, А.Н. Чумаков «Глобалистика».

[7] Джангужин Р.Н. Новые независимые государства Центральной Азии в системе современных международных отношений. Киев, 2005. С. 81.

[8] Там же.

[9] Там же.

[10] Аветисян П.С., Гуласарян А.Я, Оганесян Р.А., Сафарян И.А. Управление образованием: современные подходы и технологии. Ереван, 2004.

[11] Костюк В.Н. Информационная среда постиндустриального общества // Общественные науки и современность, 1996, № 6; его же: Информация как социальный и экономический ресурс. - М., 1997. См. также: Солдаткин В.И. Современная государственная образовательная политика: социальные императивы и приоритеты. – М., 1999. С. 203; Открытое образование – стратегия XXI века для России / Под общ. ред. В.М.Филиппова, В.П.Тихомирова. – М., 2000. С. 38.

[12] См.: Сухарев И.Р. Влияние глобальной сети Интернет на мировую экономику // Интернет в образовании, экономике, искусстве. Материалы Конгресса по новым информационным технологиям. - М., 2000. С. 39.

[13] См.: Тамбовцев В.Л. Пятый рынок: экономические проблемы информации. - М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 47.

[14] Валькова Т.М. Интернет - географические аспекты исследования всемирной телекоммуникационной системы // Интернет в образовании, экономике, искусстве. Материалы Конгресса по новым информационным технологиям. М., 2000. С. 136.

[15] См.: http://novosti.online.ru/misc/news/htm.

[16] http://www.ebiz.iteca.kz/ru/noflash/gui/exhibition/facts.html

[17] Кривень А. Неглобальный Интернет. Ч. 3. - http://www.zeiss.net.ru/docs/izone/izone276/pub/izone3.html

[18] ИТ-образование на Кавказе. http//:www.cnews.ru.

[19] Пер Ниборг. Сотрудничество в области взаимного признания в высшем образовании//Высшее образование в Европе. Том ХХУШ, №1, 2003. http: www.aha.ru/~moscow64/educational_book/ educational.

[20] Аветисян П.С., Гуласарян А.Я, Оганесян Р.А., Сафарян И.А. Указанная работа.

[21] Сайт «Совместные образовательные программы», http://msses.ugworld.net.

[22] Сайт «Совместные образовательные программы», http://msses.ugworld.net.

[23] Джонс Г.Р. Как перебросить мост от сложных проблем транснационального образования к аккредитации. Транснациональное образование: возможность доступа или создание препятствий. 2000, № 3, Т. XXV. - http: www.aha.ru/~moscow64/educational_book/ educational…/honeck.th.

[24] Сайт «Совместные образовательные программы», http://msses.ugworld.net.

[25] Джеффри Олдермен. Глобализация высшего образования: несколько замечаний по поводу свободного рынка и национального интереса//Высшее образование в Европе. Т. ХХУI, №1, 2001 г., - http: www.aha.ru/~moscow64/educational_book/ educational.

[26] Там же.

[27] Пер Ниборг. Указанная работа.

[28] Мария Храбинска. Транснациональное образование в Словацкой республике: угроза или выбор// Высшее образование в Европе. Т. ХХУ, №3, 2000., - http: www.aha.ru/~moscow64/educational_book/ educational.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] Подробнее там же.

[32] Там же.

[33]://msses.ugworld.net.

[34] **http://www.oecd.org/document/52/0,2340,en_2649_34549_29343796_1_1_1_1,00.html**

35 http://msses.ugworld.net.

36 там же.

[37] Пер Ниборг. Указанная работа.

[38]Страсбург/Бухарест, 7 февраля 2001 г. DGIV/EDU/HE (2001) 3 ED-2001/UNESCO-CEPES/LRC.2/4, http://msses.ugworld.net.

[39] Пер Ниборг. Указанная работа.

[40] См. подробнее: Джонс Г.Р. Как перебросить мост от сложных проблем транснационального образования к аккредитации. Транснациональное образование: возможность доступа или создание препятствий. //Высшее образование в Европе. Т. ХХУ. №3, 2000.

“КАК ПРИЧУДЛИВО ТАСУЕТСЯ КОЛОДА...”

М.А.Булгаков “Мастер и Маргарита”

Авакян М.

Как сказал герой известного романа М. Булгакова Коровьев-Фагот ”вопросы крови – самые сложные вопросы в мире”, подразумевая наследственность, уходящую вглубь веков. Мы давно уже знакомы с удивительным сплетением (сочетанием) ДНК-хромосом, ответственных за генетический фон человека, создающих неповторимую физиологическую, психологическую и др. структуру организма. Но так называемый ген крови, имеет свою, не схожую ни с чем, жизненную историю. Конечно, в течение смены поколений генетические признаки могут сойти на нет, исчезнуть, но возможна их неожиданная вспышка там, где, казалось бы, все уже “быльем заросло”, – в этом и заключается таинственная работа дезосирибонулейновой кислоты. “Наши сознательные действия, – писал известный психолог Ле Бон в книге “Психология масс”, – исходят из созданного в особенности влиянием наследственности бессознательного субстрата. Субстрат этот содержит в себе бесчисленные следы прародителей, следы, из которых созидается расовая душа. За мотивами наших поступков есть еще более тайные, в которых мы не признаемся, а за ними есть еще более тайные, которых мы даже не знаем”[1].

На протяжении многих веков вопросами наследственности интересовались ученые, философы, теологи, медики, и, конечно же, писатели. И художественный вымысел позволял соединить ирреальное с научными изысканиями, априорное с медицинскими исследованиями.

В последнее время особенно активизировалась литература, полностью построенная на сплаве реалистичности и фантастики. Достаточно назвать несколько имен, ставших сегодня удивительно популярными – начиная со Стивена Кинга – за ним последовательно и плавно вошли в мировую литературу Паоло Куэльо, Анхель Куатье, и даже Дэн Браун. Не преследуя цель сопоставления и сравнения творчества этих авторов, нам хотелось бы только подчеркнуть то общее, что связывает этих авторов. Вопросы, на которые ищут ответ писатели, не новы: это извечные вопросы добра и зла, бога и дьявола, корысти и самопожертвования, силы и слабости, просвещения и вековой косности, и наконец, таинственный вопрос наследственности. До них, до этих современных авторов, этот самый неразгаданный секрет поднимался не раз, во многих произведениях мировой классики.

Носители родового гена, люди обречены совершать поступки, не зависящие от их силы воли и даже обстоятельств, подчиненные исключительно воле судьбы. Как не вспомнить здесь рассказ Г. Честертона ”Злой рок семьи Дарнуэй”, когда мистическое четверостишие держало в страхе обитателей родового замка, мешая им воспрепятствовать обыкновенному преступлению, скрытому под темным покровом таинственности:

“В седьмом наследнике вернусь,
В седьмом часу бесследно исчезну.

Никто руки моей в тот час не удержит,
И горе той, что сердцем моим владеет*”[2].

Может показаться, что люди, жившие в прошлом и, кстати, позапрошлом столетии, были более суеверны и мнительны, чем мы, жители зарождающегося XXI века. Нет. Человеческую природу не так-то легко изменить: наши современники в условиях научного прогресса и компьютерных технологий также беззащитны и одиноки перед лицом неразгаданных проблем, по-прежнему стараются найти ответ всему загадочному и непостижимому в сплетениях тайнописей, хиромантии и прочей мистики.

Конечно, в художественном произведении идея наследственности может быть окрашена лишь предположительным и, увы, бездоказательным оттенком родовых черт. Порой кажется даже странным, что, к примеру, родовая кровь, преодолев столетия, каким-то непонятным образом сохранила в современном потомке благородство осанки и безукоризненность черт, подчас идентифицируя поразительную схожесть внешнего облика тех, кого друг от друга отделяют столетия. А что говорить о чертах характера, способностях или таланте? Люди, не ведущие своих корней, не могут объяснить причастности к миру избранных – представителей искусства, науки, то есть тех областей жизни, где дарование наиболее очевидно. Уже вполне доказуемо, что музыкальные и другие способности однозначно подчинены наследственному фактору: они не могут возникнуть просто так или вдруг, нарушив закономерность наследственного гена. “Сочетание трех стоящих нуклеотидов в цепи ДНК составляют код генетический”[3]. Вот так просто и ясно: всего три выстроившихся в ряд триплета или кодона определяют весь строй прошедших и будущих поколений. Генетический код сметает на своем пути тысячелетия и расстояния, страны и народности, нравы и традиции...И вдруг в середине XX-го столетия обнаружится, что вы потомок королевской крови. Коровьев – Маргарите: “ – Я ничуть не погрешу, если, говоря об этом, упомяну о причудливо тасуемой колоде карт. Есть вещи, в которых совершенно недействительны ни сословные перегородки, ни даже границы между государствами. Намекну: одна из французских королев, жившая в шестнадцатом веке, надо полагать, очень изумилась бы, если б кто-нибудь сказал ей, что ее прелестную прапрапраправнучку я по прошествии многих лет буду вести под руку в Москве по бальным залам”[4].

И если в романе Булгакова генетическая причастность Маргариты является лишь эпизодом, то в нашумевшем сегодня романе Дэна Брауна “Код да Винчи” этой проблеме подчинен чуть ли не весь сюжет. Конечно, в хитросплетении различных знаков и символов тайных обществ и религиозных сект присутствует определенная закодированная информация, которую автор

* В различных сборниках существуют разнящиеся переводы этого “рокового” предсказания (впрочем, приведенный выше нам больше всего нравится):

“В седьмом наследнике возникну вновь,
И в семь часов исчезну без следа
Не сдержит гнева моего любовь,
Хозяйке сердца моего – беда”.

хотел довести до своих читателей, но все же основной идеей является доказательство генетической линии, восходящей к самому Иисусу Христу.

"Лэнгтон остался и вместе с Софи в немом удивлении выслушал историю о ее покойных родителях. Сколь не покажется это невероятным, но оба они принадлежали к роду Меровингов и являлись прямыми потомками Марии Магдалины и Иисуса Христа. Но в целях безопасности были вынуждены сменить фамилии Плантар и Сен-Клер. В жилах их детей текла царская кровь, и потому они находились под защитой и опекой Приората Сиона"[5].

Таинственная и удивительная связь времен является не просто художественным приемом (хотя в достоверность изложенных фактов верится с трудом), а подтверждающая извечное стремление людей перекинуть мост между различными поколениями, доказывающими, что "все возвращается на круги своя", т.е. движется спиралевидно. Человеку в поисках осознания своего собственного "Я" приходилось "смотреть в мир", и происходило взаимоотражение человека и мира. И отчаянный призыв Ф.Ницше: "Мы, безродные. Мы, дети будущего, как смогли бы мы быть дома в этом настоящем!"[6] – соответствует тому состоянию, в котором жили люди на рубеже смены веков или формаций. Это время, когда человек перестает искать смысл в мире и начинает искать его в самом себе, в частности, в генетическом пространстве своего существа. В атеизме и безверии советских времен, когда были разрублены все наследственные нити и сделано все, чтобы уничтожить даже саму память о собственных предках, когда люди сменяли фамилии и отчества, отказываясь даже от родителей и супругов, когда многие, не имеющие и даже не желающие знать своего происхождения, поднимались до небывалых высот (кто был ничем, тот станет всем!), когда простота нравов и всеобщая уравниловка были образом жизни, когда можно было гордиться своим рабоче-крестьянским... или вообще незнанием своих корней, когда облик Павлика Морозова был примером для миллионов..., о, о каких королевских кровях могла идти речь?! Весь XX век стал временем поиска самого себя в окружающем мире: творить мир посредством того, что бы заглянуть в глубину своей собственной души, в которой наиболее полно отражен окружающий мир. Отвергнутая когда-то пророками и людьми святая Мария-Магдалина провозгласила великий смысл бытия в своем Апокрифе, не вошедшем в Библию: "Я сущность и то, что не есть сущность. Те, кто произошел от сосуществования со мной, не знают меня. И те, кто в моей сущности, не знают меня. Те, кто близок мне, не знают меня. И те, кто далек от меня, те познали меня. В день, когда я близка вам, я далека от вас. И в день, когда я далека от вас, я близка вам. Я одеяние сердец. И я нагота природы. Я творение духа и провинность душ и т.п."[7].

Современный мир катится к безликой формуле глобализации: об этом свидетельствуют общественные, социальные, политические и другие процессы. И на фоне искусственного объединения всего и вся – Европы, валюты и пр. – людей тянет к своим корням, благодаря которым они существуют, чувствуют, творят, создают непреходящие ценности и строят будущее, надеясь на лучшую жизнь для своих детей. Ведь связь времен невозможно разрушить, как несокрушимы гены, заложенные в нас при рождении.

---

[1] Цит. по: Фрейд З. Психо-аналитические этюды. Минск. 1999. С.425.

[2] Честертон Г.К. Рассказы. М., 1958.С. 185.

[3] СЭС. М., 1985.С. 367.
[4] Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. Минск, 1988. С. 521.
[5] Браун Дэн. Код да Винчи. М., 2005. С. 529-530.
[6] Цит. по: Культурология. М., 2003. С.547.
[7] Там же, С.772-773.

ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ МУЗЫКАНТА

Арзуманова А.В.

Каждый человек обладает определенными способностями, которые развиваются из его задатков, природных предрасположенностей. Эти задатки находятся в скрытом, потенциальном состоянии до тех пор, пока он не начнёт заниматься конкретной деятельностью. При этом важное значение имеет правильный выбор профессиональной специализации, когда потенциальные способности совпадают по своему характеру с выбранным видом деятельности.

Основой проявления способностей является наследственность. Так, Ф. Гальтон (двоюродный брат знаменитого английского естествоиспытателя Чарльза Дарвина) в своей книге «Наследственность таланта, его законы и последствия» приводит примеры некоторых семей, у которых способности передавались по наследству. В частности, у предков Баха незаурядная музыкальная одарённость впервые была зафиксирована ещё в 1550 году, и с наибольшей силой проявилась через пять поколений в гении И.С. Баха. В семействе Бахов было около 60 музыкантов, из которых около 20 были признаны выдающимися. В семье Моцарта было пять музыкантов, в семье Гайдна – двое. Конечно же, большое значение в вопросе воспитания музыкальности имеет и процесс социализации.

Английский психолог Г.Айзенк в результате своих многолетних исследований пришёл к выводу, что в раскрытии таланта 80% принадлежат генетическим факторам, 20% зависят от социальных условий.

Вместе с тем, признавая роль таланта, социального фактора, многие справедливо отмечают огромное значение для развития задатков упорного труда. Так, выдающийся польский пианист И.Падеревский, отвечая на вопрос, в чём секрет его замечательных достижений, говорил: «Один процент таланта, девять процентов удачи и девяносто процентов труда»[1]. И действительно, путем кропотливого, вдумчивого труда вникнуть в суть исполняемого произведения, проникнуться духом творческого озарения композитора создавшего данное произведение – вот что необходимо талантливому исполнителю. В этом отношении поучительна история, связанная с обучением Конфуция музыке: «Конфуций учился у Ши Сяна игре на цине (семиструнной лютне). Прошло десять дней, а он ещё разучивал лишь начальные аккорды. Ши Сян-цзы сказал: «Можно разучивать другую песню, этой Вы уже овладели». Конфуций ответил: «Я лишь освоил мелодию, но ещё не овладел искусством исполнения». Через некоторое время Ши Сян-цзы произнёс: «Искусством исполнения Вы уже овладели, можно приступать к изучению новой песни». Конфуций ответил: «Я ещё не понял, в чём выразительность её устремлённости». Прошло ещё некоторое время, и Ши Сян-цзы произнёс: «Вы уже овладели её устремлённостью, приступайте к разучиванию следующей песни». Конфуций погрузился в глубокое размышление. Затем очнулся и, взглянув вдаль, радостно сказал: «Я представляю себе этого человека. У него смуглый лик, он высок

ростом, взор его устремлён вдаль. Он подобен вану, взирающему на четыре стороны света. Кто кроме чжусского Вэнь-вана мог создать такую песню?». Услышав такое, Ши Сян-цзы поднялся с циновки и дважды поклонился Конфуцию: «Мой учитель говорил, что песня эта первоначально называлась «Вэнь-ван цао»[2].

Однако, признавая огромную роль труда в развитии природных задатков, учёные не абсолютизируют его значение. Так, американский психолог А. Дженсен отмечал развитие способностей в процессе упорного и кропотливого труда до определённого предела. Подняться выше уровня, предопределённого судьбой, преодолеть генетические ресурсы невозможно, какие бы усилия человек не прикладывал. Гениальным, по мнению Дженсена, человек становится не в результате упорного и самоотверженного труда, ибо гениальность есть подарок судьбы[3].

Хотя наследственность играет важную роль, для успешного раскрытия всех граней таланта необходим ежедневный кропотливый труд. Этот феномен можно сравнить с бриллиантом: каким бы чистым и крупным ни был алмаз, он не засверкает всеми оттенками красок без соответствующей огранки. Да, алмазами рождаются, но бриллиантами становятся только после приложения многотрудных усилий.

Английские психологи А. Кемп и П. Мартин исследовали черты личности студентов при помощи тестов. Выяснилось, что для учащихся струнного отделения – скрипачей, альтистов, виолончелистов – характерны такие черты, как интровертированность, застенчивость, самодостаточность. У студентов, занимающихся на медных духовых инструментах, обнаружился невысокий уровень интеллектуальных достижений, малая чувствительность. Пианистам свойственны экстравертированность, хорошее приспособление к социальным требованиям, консервативизм в привычках и взглядах, проницательность. Вокалисты имеют отчётливо выраженные черты экстравертированности, независимости от мнения окружающих, выраженную чувствительность, артистичность и утончённость натуры[4].

Таким образом, специальность должна соответствовать психодинамическим особенностям музыканта, его темпераменту и характеру. В этом отношении нам, несомненно, помогает музыкальная психология, которая, несмотря на свой молодой научный возраст, является серьезным подспорьем как для исполнителей, так и для музыкантов-педагогов. Более того, «интеграция психологии, музыкознания и музыкальной педагогики создаёт принципиально новый научный контекст исследования глубинных процессов музыкального сознания, связанных с созданием произведений, их восприятием, исполнением, преподаванием музыки, с её стимулирующим и лечебным воздействием на психику человека. Музыкальная психология, находящаяся на стыке разных областей знания, призвана дать ответ на многие вопросы в области художественного творчества и музыкальной коммуникации»[5].

Еще со времён древнегреческого врача Гиппократа (V век до н.э.) в психологии утвердилось учение о темпераментах. Одним из важных показателей является способность к накоплению и расходованию психической энергии. Сила, с которой индивид отвечает на воздействие внешней среды, принято называть реактивностью, которая может быть высокой и низкой. Психологи делят людей на низкореактивных (дающих слабую реакцию на стимулы) и на высокореактивных (дающих сильную реакцию). Возбудимости и реактивности противостоят работоспособность и выносливость. Чем меньше реактивность,

тем больше выносливость, тем сильнее должен быть раздражитель, при котором достигается максимум работоспособности. «Под темпераментом следует понимать природные особенности поведения, типичные для данного человека и проявляющиеся в динамике, тонусе и урановешенности реакций на жизненные воздействия»[6].

Наблюдается несколько типов акцентуаций характера:

1. *Гипертимный тип.* Отличается живостью темперамента, склонностью к юмору.
2. *Застревающий тип.* Чувствителен к обидам, склонен к накоплению отрицательных эмоций.
3. *Эмотивный тип.* Отличается мягкостью, добросердечием, глубиной переживаний.
4. *Педантичный тип.* Наделён склонностью к усиленным размышлениям, отсюда – сомнение в своих действиях, отсутствие уверенности.
5. *Тревожный тип.* Проявляет пугливость.
6. *Демонстративный тип.* Отличается беспредельным эгоцентризмом, жаждой общественного признания. Имеют место склонность ко лжи и фантазиям.
7. *Экзальтированный тип.* Отличается высокой чувствительностью. Переполненность чувствами требует разрядки, что осуществляется в процессе творчества.

Все эти черты и особенности личностных свойств находят своё преломление в жизни и творчестве музыкантов.

Для примера рассмотрим творчество двух представителей эпохи романтизма – Шопена и Листа.

Шопен был музыкантом интровертированного склада. Лист – экстравертированного. Шопен был очень чувствителен, хрупок, раним. Он был склонен к меланхолии и это свойство его характера проявилось во многих его сочинениях – мазурках, балладах, ноктюрнах. Он покорял слушателей тонким лиризмом, своим неподражаемым звучанием piano. Шопен требовал от своих учеников, чтобы в их игре была «энергия без грубости». Лист поражал неистовой мощью своей игры. Он был гениален в своём реформаторстве пианизма. «Грозы – моя специальность» – признавался Лист. Он покорял слушателей мощью своего исполнения. Таким образом, мы можем отнести Листа условно к гипертимному низкореактивному типу, а Шопена – к астеническому (тревожному) высокореактивному типу. Отсюда исполнители соответствующего склада будут сильны либо в исполнении произведений Листа, либо Шопена.

Проявление черт интровертированности мы можем видеть и в отсутствии в творчестве Шопена программных произведений, в то время как у Листа программной музыки очень много. Конечно же, и Лист и Шопен были гениальными композиторами, и психические особенности их личностей никоим образом не умаляют их гениальности.

То же самое можно сказать при анализе личностных характеристик других гениальных композиторов разных эпох и направлений. Так, например, черты сангвинического темперамента мы находим в личности Моцарта. В центре картины мира Моцарта находился человек, и его искусство обогащалось благодаря его дару наблюдать людей. Он был простодушен, доверчив и даже беспомощен в общении с людьми. Доброта и высокая нравственность Моцарта,

тесно связанные с его религиозными убеждениями, говорят об эмоциональности, отзывчивости на чужие страдания. Он умел полностью вживаться в образ. Способность легко входить в образ, доверчивость, и в то же время умелое притворство очень ценны для сферы драматического искусства. Несмотря на то, что Моцарт не отличался физическим здоровьем, он был жизнерадостным и общительным. Нельзя не сказать и об определённых психопатических чертах его характера. Патология, аномальность его поведения в повседневной жизни обнаруживается в его склонности к сквернословию, которая особенно усиливалась в моменты создания каких-либо значительных произведений. Моцарт вряд ли был психически больным человеком, хотя определённая акцентуация патологического свойства в нем, несомненно, присутствовала.

Черты меланхолического темперамента мы находим в личности П.Чайковского. К его склонности к меланхолии надо добавить и его необычайную эмоциональную впечатлительность. Он мог плакать над страницами произведений Шекспира, Толстого, Пушкина и т.д. Его живо волновали природа Италии и художественные галереи, но быстрая утомляемость приводила к уединению.

Черты шизотимного типа мы находим в характере С.Рахманинова. Почти все знавшие его, отмечали строгость выражения его лица, величественную осанку, твёрдую, неспешную походку. Уже в молодости проявлялась шизотимная независимость Рахманинова от мнения окружающих. Некоторые паранойяльные черты проявлялись в его принципиальности в отношениях с людьми, требовательности и строгости к своему композиторскому и исполнительскому творчеству. Тщательная отделка всего того, что Рахманинов сочинял и исполнял, упорство в достижении желаемого результата помогли ему внести большой вклад в мировую музыкальную культуру.

Черты жизнерадостного сангвиника мы находим в творчестве Россини. Он был полон любви к жизни, не имел внутренних разладов и конфликтов, не знал припадков хандры и самобичевания. Ничто не могло поколебать особой солнечности восприятия им окружающей жизни, которой пронизаны многие его сочинения. В случае провала Россини заказывал хороший ужин и мирно наслаждался им в обществе прекрасной дамы. Отрывки из музыкальных произведений, которые провалились, но по мнению Россини были удачными, переносились в другие сочинения. «Не пропадать же хорошей музыке» – говорил Россини. Мощная психологическая защита, выстраиваемая им перед неприятностями жизни в виде добродушного юмора, компании друзей и любовь к хорошей кухне помогали ему создавать светлую и радостную музыку с таким зарядом оптимизма, какой мы редко найдём у какого-либо другого композитора[7].

Проявление музыкального дарования зависит не только от учителей, которые его воспитывают, и не только от природных музыкальных задатков. Многое оказывается связанным и с психодинамическими характеристиками личности, фундамент которых составляют врождённые свойства нервной системы, и в первую очередь – волевых задатков. Большинство наших успехов обеспечивается победой над собой. По этому поводу у Бальзака мы находим следующее высказывание: «Не существует больших талантов без большой воли... Воля может и должна быть предметом гордости больше, нежели талант»[8].

Настойчивость и упорство, самостоятельность и инициативность, выдержка и самообладание, смелость и решительность – эти черты волевого

поведения по-разному претворяются в деятельности музыканта в зависимости от той специализации, которую он для себя выбрал. Умение затормозить нежелательные импульсы и усилить те, которые представляются желательными, составляют суть волевого поведения. Вот как говорит о характере и воле Н.К. Метнер: «*Терпеть.* Помнить, что работа над собой не менее важна, чем над материалом своего дарования. И когда же еще человек может заняться собой, как не в моменты остановки, задержки, неудачи в своей *постоянной* работе. Работа над собой, имея огромное важнейшее значение сама по себе, в то же время важна и для всего остального»[9].

Познание окружающего мира включает не только наши мыслительные процессы, но и чувства и эмоции. Если чувства отражают устойчивое отношение к кому-то или чему-то, то эмоции принимают конкретную форму протекания психического процесса переживания того или иного чувства. Например, чувство любви к человеку может проявляться в эмоции радости при встрече с ним и печали при расставании. При этом чувства появляются позже, чем собственно эмоции. Если эмоции связаны с удовлетворением первичных потребностей, то чувства – с мировоззрением, отношением человека к себе, людям, обществу.

Выражение эмоций средствами музыки имеет давнюю традицию. Согласно Аристотелю, музыка воспроизводит движение, всякое движение несёт в себе энергию, содержащую определённые этические свойства. Музыка была средством, которое уравновешивало внешнюю сторону протекания жизни с психологическим состоянием самого человека. От музыканта требовалось, чтобы для более сильного и убедительного воздействия на душу слушателей он умел переживать передаваемые им аффекты. Ф.Э. Бах отмечал, что «музыкант должен сам находиться в состоянии аффекта; при исполнении печальных и томных фраз он должен ощущать эту печаль. Так же обстоит дело с весёлыми, бурными темпами»[10]. В эмоциях и чувствах отражается характер отношения человека к окружающему его миру. Очень образно об этом пишет Н.К. Метнер: «Для плодотворной художественной работы необходимо чувство удовольствия, смакования! Чтобы постоянно иметь это чувство, нельзя утомлять свой слух *однообразными* звуками (туше), особенно forte. А также нельзя утомлять свою руку *однообразными* движениями, техническими трудностями или приемами. Необходимо *постоянно менять звук*, туше, технику, приемы! *Не коснеть* ни в чем, *никогда*»[11].

Обобщая изложенное, можно констатировать, что в педагогической практике необходимо постоянно изучать и постигать внутренний мир учащегося, чтобы, учитывая его индивидуальные особенности, правильно дозировать меру своего вмешательства в очень тонкий и сложный процесс становления музыканта. При этом необходимо обращать внимание не только на исправление конкретных ошибочных действий в период подготовки к концертным выступлениям, но и на воспитание личностных качеств.

1. См.: *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. М., 1997. С. 221.
2. Конфуций. Уроки мудрости. М., Харьков, 2002 г. С. 8.
3. См.: *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. С. 221.
4. См.: *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. С. 224.
5. Психология искусства. Том 3. Ч. 2. Самара, 2003; «Помнить о консистенции рук и психики»: к проблеме регуляции исполнительского волнения», Кирносова Е.Н. (с. 62-65), с. 62.

6. Общая психология / Учебное пособие под редакцией В.В.Богословского и др. М., 1973. С. 306.
7. См.: *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. С. 245-246.
8. Там же. С. 273.
9. *Метнер Н.К.* Повседневная работа пианиста и композитора над собой, страницы из записных книжек. М., 1963. С. 60.
10. См.: *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. С. 253.
11. *Метнер Н.К.* Повседневная работа пианиста и композитора над собой, страницы из записных книжек. С. 28.

ՀԱՅԵՐԵՆԻ ԱՐԱԳԱՑՎԱԾ ՈՒՍՈՒՑՈՒՄԸ ԲՈՒՀՈՒՄ

Ռոստոմյան Ժենյա

Անցյալ դարի 60-70-ական թվականներից լեզուների արագացված ուսուցման մեթոդներն աշխարհում սկսեցին լայնորեն կիրառվել: Ստեղծվեցին «Մայրենի լեզուն՝ որպես օտար լեզու», «Մայրենի լեզուն՝ միջնորդ լեզվի միջոցով», «Օտար լեզուն՝ այլ լեզվի միջոցով» և այլ մեթոդներ: Ուսուցման այս մեթոդների ստեղծման նպատակը մարդկանց շփումների (այժմ նաև՝ հեռահաղորդակցության միջոցներով) մեծացմանը նպաստելն էր, գիտական և այլ տիպի գրականության նորույթներն առավել մեծ զանգվածների համար մատչելի դարձնելը: Ըստ որում՝ յուրաքանչյուր երկիր կամ ավելի ստույգ՝ լեզվատեր պետություն, ինքն է ստեղծում իր լեզվի արագացված ուսուցման մեթոդը կամ մեթոդները:

Անկախության հռչակումից հետո Հայաստանում ևս այս խնդիրն առաջ եկավ: Պետական լեզվաքաղաքականության ծրագրի սահմաններում մշակվեց և հանրակրթական դպրոցներում ներդրվեց «Հայերենի արագացված ուսուցում ոչ հայախոսների համար (միջնորդ լեզուն ռուսերեն)» մեթոդիկան (հեղինակներ՝ Լ. Հարությունյան, Ժ. Ռոստոմյան), որը ուսումնական յոթ տարիների ընթացքում շոշափելի արդյունքներ տվեց:

2005-2006ուստարում այս մեթոդը փորձարկվեց նաև Ռուս-հայկական (Սլավոնական) պետական համալսարանում:

Բանն այն է, որ տեղացի երիտասարդներից զատ համալսարանում սովորում են ԱՊՀ տարածքից եկած հայ, բայց հայերեն վատ իմացող կամ ամենևին չիմացող ուսանողներ: Հենց նրանց համար էլ նախատեսված է այս դասընթացը: Ուստարվա սկզբին համալսարանի հայագիտության ամբիոնի դասախոսների ուժերով լեզվիմացության ստուգում անցկացվեց, կազմվեցին «ուժեղ», «միջին» և «թույլ» խմբեր: Վերջիններում ընդգրկվեցին վերոնշյալ ուսանողները: Ի պատիվ համալսարանի՝ պետք է ասել, որ սա միակ մեթոդը չէ, որ ներդրվել է համալսարանում (կարծում ենք՝ մյուսների մասին կխոսեն հենց հեղինակները կամ կիրառողները): Գովելի է նաև այն, որ համալսարանի ղեկավարությունը շահագրգիռ է ոչ հայախոս ուսանողների՝ հայերենին տիրապետելու խնդրում և հայերենի ուսուցումը վստահվել է համապատասխան մասնագետներին և ոչ սոսկ ուսանողի նախաձեռնությանն ու ինքնուսույցներին, քանի որ ինքնուսույցը առաջին կուրսեցու համար բարդ ձեռնարկ է: 17-18 տարեկան պատանին ու աղջիկը նոր-նոր են սովորում, չունեն ինքնուրույն լեզու սովորելու փորձառություն և ինքնուսույցով՝ այսինքն՝ ինքնուրույն չեն կարող հաղթահարել լեզվի հնչյունական, ուղղագրական, ուղղախոսական և քերականական նրբություններն ու բարդությունները, այն էլ՝ հայերենինը:

* * *

Այժմ փորձենք ներկայացնել, թե անցած մեկ ուստարում ի՞նչ է արվել, ի՞նչ խնդիրներ պետք է լուծեր մեթոդը և որքանո՞վ դա հաջողվեց:

Նախ՝ խնդրի մասին: Լեզուն բարդ երևույթ է և միամտություն կլիներ հայտարարել, թե կարճ ժամանակահատվածում (ասենք երկու տարում) հնարավոր է սովորեցնել բացարձակապես այն ամենը, ինչ մյուսները սովորել են իրենց ապրած տասնյոթ-տասնութ տարիների ընթացքում: Սակայն ոչ հայախոս ուսանողների՝ մի այլ լեզվի՝ ռուսերենի, առանձնահատկությունների իմացությունը մեծապես օգնում է նրանց և յուրօրինակ բանալի է՝ հայերենը յուրացնելիս որոշ դժվարությունների հաղթահարման գործում:

Ի մի բերելով իրական և ենթադրելի, հավանական և անակնկալ խութերն ու դժվարությունները, կարող ենք ասել, որ առաջարկվող մեթոդով ուսուցումը երկու տարվա ընթացքում կարող է տալ դպրոցական տարրական գրագիտություն, զգալի բառապաշար՝ ոչ միայն խոսելու, արտահայտվելու, այլ նաև իր մասնագիտական կարողությունները հայերենով ի ցույց դնելու համար: Կարծում ենք՝ այսքանը բավարար է, իսկ մնացյալն

արդեն հետագայում ուսանողը ցանկության դեպքում ինքնուրույն կարող է կատարելագործել, ավելացնել, լրացնել…

Ի դեպ, բուհերի ոչ հումանիտար բաժինների հայակիրթ շատ ուսանողներ ևս հայերենից հաճախ գիտեն հենց այնքան (գրագիտության առումով), որքան ոչ հայախոսներին սովորեցնում է արագացված ուսուցման այս երկամյա դասընթացը:

Այսօր կարող ենք ասել միայն, որ անցած՝ 2005-2006ուսումնական տարում ուսանողները սովորել են գրել, կարդալ, անցել են ձայնավորների և երկհնչյունների հնչյունափոխությունը, ուղղագրություն, գիտեն օժանդակ բայը և դրա գրության ձևը, տեղյակ են արմատ, ածանց, հիմք, վերջավորություն գաղափարներին, ծանոթ են մի շարք նախածանցների և վերջածանցների (ոչ բոլորին), գաղտնավանկին, տողադարձի կանոններին, հոգնակի թվի կազմությանը, գոյական-ածական (որոշիչ-որոշյալ) բառակապակցությանը, հոմանիշներին, հականիշներին, մի շարք դարձվածքների (տրվել է նաև բացատրությունը), յուրացվել են հայերենին բնորոշ լեզվամտածողական կաղապարներ, ձևեր: Ինչ վերաբերում է ընթերցանության նյութերին, ապա այս դեպքում առաջնային խնդիր է ուսանողի՝ **ժամանակակից հայերենի** իմացությունը, որի հենքի վրա միայն կարելի է անցնել հայ գրականությունն իր բոլոր փուլերով:

Վաղուց հայտնի է, որ որևէ լեզու սովորեցնելիս առաջին հերթին պետք է խոսք սովորեցնել, իսկ սա նշանակում է գրականություն կարդալ, պատմության, աշխարհագրության, ֆիզիկայի, մաթեմատիկայի, կենսաբանության՝ տվյալ լեզվին բնորոշ կաղապարները, տերմինները, արվեստի ու մշակույթի ընկալման բառապաշարը հասցնել ուսանողին, որպեսզի այս ամբողջը քերականությամբ կանոնակարգվի, հստակեցվի: Եվ այդ է պատճառը, որ ընթերցանության տեքստերը բովանդակային և գիտելիքի առումով խիստ բազմազան են:

Մեզ համար *օտարախոս ուսանողի հայերենին տիրապետել* արտահայտությունը նշանակում է, որ ուսանողը պետք է հնարավորինս անսխալ գրի (1.), հասկանալով, սահուն և արտահայտիչ կարդա (2.), ներկայացնի, բացատրի սեփական մտքերը (թե՛ գրավոր և թե՛ բանավոր) (3.), գրական, խոսակցական լեզվով շփվի իր հայրենակիցների, հայախոսների հետ՝ իրեն զգալով մյուսներին հավասար (4.):

Սովորաբար արագացված ուսուցումն իրականացվում է չորս փուլով՝

ա)բանավորի,

բ)տառուսուցման,

գ)ընթերցանության,

դ)քերականության:

Երբ ձևավորվեցին խմբերը, առաջին իսկ օրը որոշվեց ուսուցումը միանգամից սկսել երկրորդ փուլից՝ տառուսուցումից՝ դրանում ընդգրկելով նաև առաջին՝ բանավորի փուլը և ոչ թե շրջանցելով այն:

Սա արվեց այն նկատառումով, որ նախ՝ այս դեպքում հնարավոր է արագ կերպով, տառերի գրության յուրացմանը զուգահեռ ուսանողին տալ մեծ թվով բառեր, բառակապակցություններ, նաև նախադասություններ, սովորեցնել նրանց ընկալելու այն միտքը, որը հնչում է հայերեն, ու գրավոր խոսքի միջոցով այն դարձնել ուսանողի սեփականությունը:

Չէ՞ որ, այն, ինչ հնարավոր է կարդալ, ժամանակի ընթացքում, մոռացության դեպքում անգամ կարելի է վերընթերցելով վերականգնել: (Ուսուցման ամբողջ գործընթացի ժամանակ չպետք է անտեսվի ուսանողների միջավայրի՝ անգլերենա-հայերենա-ռուսերենա-բարբառախառն՝ Սևակի լեզվով ասած՝ քյավառամոսկովյան խոսվածքը, որը շատ դեպքերում խանգարիչ հանգամանք է):

Մի խնդիր ևս. հարկ է, որ ուսուցումը սկսելուց առաջ դասավանդողն իր համար պարզաբանի, ունենա հետևյալ հարցերի պատասխանները.

1.Լեզուն միայն դասի ժամանակ չեն սովորում, սովորում են հատկապես միջավայրի հետ շփումներում, ուրեմն հարկ է պարզել, թե ինչպիսի՞ լեզվական միջավայրում է այժմ ապրում ուսանողը:

2..Հայերենի հնչյունական համակարգի հետ կապված ի՞նչ հնարավոր դժվարություններ կարող են լինել (գաղտնիք չէ, որ հայերեն չիմացող ուսանողը հայերենի բազմաթիվ հնչյուններ (Հ, Ը, Փ, Ք, Թ, Ձ, Ջ, Ճ, ինչպես նաև «Ռ»- «Ր»-ի տարբերությունը) չի կարողանում արտասանել): Եվ սա կարող է լինել երկու դեպքում՝

ա)երբ ուսանողը պարզապես չի լսում այդ հնչյունները, դրանք նա ընկալում է որպես միջնորդ լեզվում գոյություն ունեցող նման հնչյուն՝ «Հ»-ն որպես «Խ», «Ղ»-ն՝ նույնպես «Խ», «Փ»-ն՝ «Պ», «Ձ»-ն և «Ծ»-ն՝ որպես «Ց» և այլն,

բ)երբ հնչյունը լսում է, բայց չի կարողանում արտասանել. սա այն դեպքն է, երբ արտասանության ապարատը դեռևս չի հարմարվել իրեն անծանոթ հնչյուններին (պետք է ասել, որ այս խնդիրը ավելի հեշտ է լուծել, քան առաջինը: Սրա համար ժամանակ է պետք):

Նկատենք, որ հնչյունական համակարգի հետ կապված վերոբերյալ դժվարությունները (հատկապես հնչյունը չլսելու տարբերակը) ավելի հաճախ պատահում է այն ուսանողների հետ, ում ծնողները ծնվել, մեծացել են այլ երկրում, տանը հայերեն չեն խոսել և ահա արդեն երկրորդ, երրորդ սերունդը հայերեն սովորելիս բախվում է հիշյալ խնդրին:

3.Ուսուցման գործընթացում միջնորդ լեզվի օգնությանը դիմելու անհրաժեշ-
տության հաճախականությունը, չափը: Սովորաբար միջնորդ լեզվի օգնությանը հնարավորինս քիչ պետք է դիմել: Սակայն, սկզբնական շրջանում, երբ պետք է գտնվի փոխըմբռնման բանալին, ուզենք թե չուզենք, երբեմն-երբեմն, հայերենին զուգահեռ պետք է ասել նաև օտար, այս դեպքում՝ ռուսերեն, բառը: Օրինակ, առաջին դասին, երբ լսարանն ու դասախոսը պետք է ծանոթանան, դասավանդողն ասում է.

-Ես ձեր դասախոսն եմ: Դասախոս՝ преподаватель. Ես ձեր դասախոսն եմ: Իմ անունը Հասմիկ է:

Համոզված կարելի է ասել, որ այդ մի բառի թարգմանությունը լիովին բավարար է, որ ուսանողները երկու նախադասությունն էլ հասկանան:

* * *

Ուսուցման արագացված մեթոդի տառուսուցման փուլը տևում է 1,5-2ամիս՝ կախված, թե խումբը ինչ ծավալով և ինչ արագությամբ է յուրացնում նյութը, և ուսանողը որքանով է կարողանում վերադարձնել իր յուրացրածը՝ որպես սեփական գիտելիք, այլ ոչ որպես անգիր արած անհասկանալի նյութ: (Ցավոք, այսպիսի դեպքեր էլ կան, և ես ուզում եմ դրանց մասին խոսել՝ քննարկելով դրանք առանձին- առանձին): Տառուսուցման փուլի յուրաքանչյուր դասի ուսանողին միանգամից հինգ տառ է տրվում: Ըստ որում՝ այնպես է կազմված ծրագիրը, որ սկզբում ուսուցանվեն առավել կիրառելի, հեշտ յուրացվող, արտասանության առումով ոչ մի դժվարություն չներկայացնող տառերը: Այսպես, առաջին երեք դասերին ուսանողը սովորում է տասնհինգ տառ, հասցնում սովորել բառերի մի քանակություն, որը, կարելի է ասել, նախնական բառապաշար է դառնում: Այս երեք հանդիպումների ժամանակ միակ դժվար և պետք է ասել հաճախ նաև այդպես էլ չյուրացվող հնչյունը «Ը»-ն է, մանավանդ, գաղտնավանկի «Ը»-ն: Ավելին, շատ դեպքերում գաղտնավանկն այդպես էլ չի ընկալվում և միայն երկարատև շփումներն են տալիս արդյունք: Բանն այն է, որ եթե մինչ Հայաստան գալը ուսանողն ամբողջովին կտրված է եղել հայկական միջավայրից (այսինքն՝ նույնիսկ տանը հայերեն խոսք չի լսել), նրան անհասկանալի է այս երևույթը, որի չիմացությունը և կամ իմացածը հավուր պատշաճի օգտագործել չկարողանալը աղավաղում, օտար երանգ է տալիս նրա խոսքին:

Հենց առաջին դասերից պետք է սկսել հայերենին բնորոշ լեզվակաղապարների ուսուցումը, մանավանդ, այն կաղապարների, որոնք առօրյա խոսակցության տարր են

կազմում և որոնք, շատ հաճախ, սխալ են գործածվում, քանի որ ուսանողը, չիմանալով ճիշտը, կատարում է բառացի թարգմանություն: Օրինակ. ուշացած ուսանողը ներս է մտնում և դասախոսը հարցնում է, թե ինչու է ուշանում: Հնչում է պատասխանը.

- Շուտ էի գալու, **ահագին վախտ փողոցի վրա մարշրուտնու** էի սպասում:

Ինչպես տեսնում ենք, այս խոսքն, ասես, տիպական սխալների (քերականական, լեզվամտածողության, ոճաբանական) փունջ լինի:

Նկատենք, որ հայերենի դասաժամերին իր խոսքաշարն ու բառապաշարը ուսանողն անընդհատ հարստացնում է նորանոր արտահայտություններով, հոմանիշներով ու հականիշներով, պատկերավոր խոսքի տարրերով, գրում, արտագրում է այս կամ այն դասից հատված, երբեմն ինքնուրույն շարադրում իր միտքը: Իրար հաջորդող բանավոր և գրավոր վարժանքները աստիճանաբար տալիս են իրենց արդյունքը: Ուսանողը «տեղափոխվում է» հայերենի լեզվամտածողության միջավայր, այլևս չի երկյուղում հայերենով մտքեր արտահայտելուց, ավելին՝ ինքն է կարիք զգում արտահայտվելու հենց այս լեզվով, հենց այս բառերով:

2005-2006ուստարում հայերենի արագացված ուսուցում անցած 52ուսանողից միայն մեկի արդյունքն էր բավարարից ցածր, մյուսները տարեվերջյան ստուգարքից առաջ երեք ստուգողական գրավոր աշխատանքներից, մեկ սեմինարից և կուրսային աշխատանքից (ռեֆերատներ հայ գրողների ստեղծագործությունների վերաբերյալ) ստացել են՝

«Գերազանց»՝ տասներեք ուսանող, «լավ»՝ 19 և «բավարար»՝19:

Կարծում ենք՝ թվական տվյալներից զատ կարևոր են նաև այն մեջբերումները, որ ուսանողների շարադրություններից կամ ռեֆերատներից են և որոնք ներկայացնում ենք ստորև.

Հատվածներ «Այս ձյունոտ ձմեռը» թեմայով շարադրություններից՝ գրված 2006թ. փետրվարին:

Առաջին ձյունը եկավ Սուրբ Ծննդի օրը:

Ի՜նչ հիասքանչ է այս ձյունոտ ձմեռը: Ծառերը և փողոցները ամբողջովին ծածկված են սպիտակ ձյունով:

Մենք հանգստանալու ժամանակ չունենք, որովհետև մեր կուրսի հիսուն ուսանող պարտքեր ունի, մնացել է «զիկվիդ»: Ես էլ նրանց հետ: Այդ պատճառով այս ձյունոտ ձմեռը ինձ համար արդեն հիասքանչ չէ:

Դանիլով Սամվել
Տուրիզմի ֆակ., 1-ին կուրս

Այս տարի շատ ձյուն եկավ մեր քաղաքում: Ամբողջ Երևանը թաքնվեց սպիտակ ձյան տակ: Շատ գեղեցիկ էր պատուհանից նայել, թե ինչպես է ձյունը փաթիլ- փաթիլ թափվում, և ինչպես են երեխաները ուրախ և զվարթ ձյուների մեջ խաղում միմյանց հետ:

Մի օր ես նույնպես գնացի բակ, որպեսզի զվարճանամ մյուս երեխաների հետ: Եղանակը շատ տաք էր, և շատ հաճելի էր ման գալ ձյան փաթիլների տակ:

Գիշերները ձյունը թափով գալիս էր, իսկ առավոտյան, երբ արթնանում էի և մոտենում պատուհանին, այնպիսի տպավորություն էր, որ ես գտնվում եմ ձյան երկրում՝ Ձյան թագավորությունում: Ինձ թվում է, որ եթե մենք հանկարծ ձմեռ չունենայինք, մեր կյանքը կլիներ ոչ այնքան հետաքրքիր. մենք կխոզնեինք ամռանից և այդքան ուրախ չէինք դիմավորի այն, ինչպես որ հիմա ենք անում:

Եկե՛ք, սիրով ընդունենք մեր երկրի եղանակները այնպես, ինչպես որ նրանք կան:

Հովսեփյան Աննա
Տուրիզմի ֆակ., 1-ին կուրս

Ես շատ եմ սիրում ձմեռը: Այս ժամանակ փոխվում է ամեն ինչ: Բնությունը դառնում է ավելի գեղեցիկ: Միաժամանակ գեղեցկանում են նաև մարդիկ: Փոխվում է նրանց մտածելակերպը, նրանք մոռանում են վատ բաները, որովհետև շուտով նոր տարի է լինելու:

Ինչ ինձ է վերաբերում, նոր տարվա և ծննդյան օրերին ես սիրում եմ երազել, որովհետև այդ ժամանակ ամեն ինչ ավելի հանգիստ է և գեղեցիկ: Դրա համար էլ անկախ ինձանից, ես միշտ սկսում եմ երազել:

Իմ կարծիքով դրանից լավ բան էլ չկա:

Բաղեյան Լիլիթ
Տուրիզմի ֆակ., 1-ին կուրս

Ուշադրության է արժանի այն հանգամանքը, որ ուսանողների խոսքում չկան ճոռոմ բառեր, երկար- բարակ նկարագրություններ, սակայն գրեթե միշտ առկա է զգացմունքայնությունը: Ավելին, այս ուսանողների համար Հայաստանում ամեն ինչ այնքան նորովի է ընկալվում, որ Հովսեփյան Աննայի շարադրության մեջ հանդիպած «Եկե՛ք, սիրով ընդունենք մեր երկրի եղանակները այնպես, ինչպես որ նրանք կան» նախադասությունը մի քանի իմաստով է ընկալվում: Նախ՝ ուրախալի է, որ այս ուսանողների համար մի կիսամյակի ընթացքում արդեն երկիրը դարձել է իրենցը (մեր երկրի), հետևաբար իրենց երկրի ամեն ինչն է սիրելի, և վերջապես կարելի է կարծել, թե տարվա չորս եղանակներ և այն էլ այս հերթագայությամբ միայն Հայաստանն ունի: Եվ սա նույնպես ուրախության, հիացմունքի արդյունք է և լեզուն սովորելու բանալիներից մեկը, կամ գուցե լեզվի թեկուզ փոքր իմացությո՞ւնն է բերել այսպիսի եզրահանգման:

Շարունակենք մեջբերումներ անել, այս անգամ՝ տարեվերջյան ռեֆերատներից.

Տերյանի մասին կարելի է անվերջ խոսել: Իսկ նրա «Մթնշաղի անուրջներ» բանաստեղծությունների ժողովածուն ուղղակի հիացմունքի է արժանի: Եվ քանի որ այս ժողովածուից որոշ բանաստեղծություններ ինձ շատ դուր էին եկել, ես իմ փոքրիկ աշխատանքով փորձեցի դրանք վերլուծել: Բանաստեղծությունները իրենց մեղեդայնությամբ, քնքշությամբ գերեցին իմ սիրտը: Գրեթե մեծ մասը անգիր գիտեմ:

Մուսալաևա Ինգա
Համաշխ. տնտես.1-ին կուրս

… Խիստ հուզական այս պատմվածքը («Միրհավը» Ժ. Ռ.) գրված է պատկերավոր, գունեղ և կենդանի լեզվով: Ուզում եմ մեջ բերել այն պատկերներն ու նկարագրությունները, որոնք անմոռանալի տպավորություն են թողել: Ապա ուսանողուհին պատմվածքից մի շարք հատվածներ է մեջբերում: Ռեֆերատը ավարտում է հետևյալ մտքով. *Ակսել Բակունցի «Միրհավը» պատմվածքը իր ձևով, ասես, արձակ բանաստեղծություն լինի: Կարդալիս ես մեծ հուզմունք ապրեցի…*:

Անահիտ Անգուրյան
Իրավաբանական ֆակ. 1-ին կուրս

Իրավաբանական ֆակուլտետի ուսանողուհի Իննա Պետրոսյանն իր «Հովհաննես Թումանյանի «Քառյակները» ռեֆերատում ամեն մի քառյակից հետո սեփական մեկնաբանությունն է տվել և որ ուրախալի է՝ ճիշտ է հասկացել գրողի խոհափիլիսոփայական միտքը: Ահա.

«Ազատ օրը, ազատ սերը, ամեն բարիք իր ձեռքին,
Տանջում, տանջվում, որոնում է ու դժբախտ է նա կրկին.
Է՜յ անխելք մա՛րդ, ե՞րբ տի թողնես ապրողն ապրի սրտալի:
Ե՞րբ տի ապրես ու վայելես էս աշխարհքը շեն ու լի»:

Ցավոք, մարդը հաճախ չի գնահատում այն, ինչ ունի և միայն կորցնելուց հետո հասկանում է իր սխալը: Միշտ ձգտում ենք ունենալ այն, ինչ չունենք: Եվ միայն ամենաիմաստուն մարդիկ են հասկանում, որ երջանկության համար շատ քիչ է պետք. լավ եղանակը, հավատարիմ ընկերները:

Այսպես կարելի է շարունակել և մեջբերումներ անել համաշխարհային տնտեսագիտության ֆակուլտետի առաջին կուրսեցիներ Մարիանա Մելքոնյանի «Ակսել

Բակունցի «Ալպիական մանուշակ» պատմվածքը», Լիդա Մարտիրոսյանի «Պ. Սևակի «Մարդ կա, մարդ էլ կա..» բանաստեղծությունը», Խաչիկ Գոբալյանի «Հր. Մաթևոսյանի «Բաց երկնքի տակ հին լեռներ» պատմվածքը», իրավաբանական ֆակուլտետի առաջին կուրսի ուսանողներ Աշխեն Ծառուկյանի «Հր. Մաթևոսյանի «Նարինջ զամբիկը» պատմվածքը», Վալենտին Մելիքյանի «1915թ.» ռեֆերատներից, սակայն ներկայացնենք ևս մեկը և դրանով սահմանափակվենք: Խոսքը իրավաբանական ֆակուլտետի առաջին կուրսեցի Նինա Զանգինյանի «Հայ կնոջ կերպարը Հովհաննես Թումանյանի ստեղծագործությունում» աշխատանքի մասին է, որում ուսանողուհին վերլուծությունն իրականացրել է հայ և ռուս գրականություններում հանդիպող կանանց կերպարների միջև համեմատություններ և զուգահեռներ անցկացնելով (մեջբերման միայն կետադրությունն է ուղղված, իսկ բառապաշարը և շարադրանքը պահպանված են): Ահա.

Ինչպես ռուս գրականության մեջ կա «Տուրգենևյան հերոսուհի» հասկացությունը, այնպես էլ հայ գրականության մեջ, կարծում եմ, կլինի «Թումանյանի հերոսուհի» հասկացությունը: Թումանյանն ունի մի շարք հերոսուհիներ, որոնք միմյանցից տարբերվում են թե՛ իրենց ճակատագրով, թե՛ սոցիալական դիրքով, թե՛ ներքին աշխարհով: Նրանք շատ տարբեր են, բայց միևնույն ժամանակ բոլորն ունեն մի ընդհանուր գիծ և դա այն է, որ նրանցից և ոչ մեկը երջանիկ չէ. ո՛չ քնքուշ Անուշը, ո՛չ մերժված Մարոն, ո՛չ նենգ Թմկա տիրուհին և ո՛չ էլ Փարվանա լճի(՞) արքայադուստրը: Նրանք բոլորն էլ փնտրում էին՝ յուրաքանչյուրը՝ իրենը:

Անուշը փնտրում էր սեր, և կարծես թե գտնում է այն, սակայն բախտի քմահաճ կամքով նա կորցնում է իր սիրեցյալին և խելագարվում:

Փոքրիկ Մարոյին հին հայկական ավանդույթով ամուսնացնում են սարերի չոբան Կարոյի հետ: Արդյո՞ք, ինը տարեկան երեխան պատրաստ էր ամուսնական կյանքին: Արդյո՞ք, չոբանը ի վիճակի էր հասկանալ, թե ինչ է զգում փոքրիկ երեխան, որին դաժանորեն ու կտրուկ պոկում են իր մանկությունից և հանձնում հասուն կյանքին:

Իհարկե, ինձ՝ 21-րդ դարի զավակին, դժվար է հասկանալ, թե ինչը կարող է ծնողին դրդել այդպիսի դաժան, սարսափելի փորձության ուղարկել իր երեխային: Ինձ համար անընդունելի են այն ավանդույթները, որոնք հակասում են մարդու բնական իրավունքներին:…..

Փարվանա տիրուհին չափազանց ռոմանտիկ կերպար է: Նրա կյանքն անցավ, բայց կտրիճները չկարողացան գտնել իր երազանքը՝ սիրո անշեջ հուրը: … Ըստ իս՝ մարդ պետք է ավելի ռեալիստ լինի, բայց չպետք է ամեն ինչ կյանքում իջեցնել, դարձնել նյութականի խնդիր, ինչպես դա արեց Թմկա տիրուհին: Նա կործանեց երջանիկ կյանքը հանուն ոսկու, հանուն հարստության (՞), որը երբեք ոչ ոքի երջանկություն չի պարգևել…:

Հայերենի արագացված ուսուցման մեթոդի արդյունավետությունը ստուգելու նպատակով տարեվերջին ուսանողներին բաժանվեցին հարցաթերթիկներ, անցկացվեց անանուն հարցում, որի պատասխանները, մեր կարծիքով, թեև կրավորական են, բայց իրականությանը մոտ են: Կրավորական են, որովհետև ուսանողները պետք է ընդգծեին միայն պատասխանների արդեն նշված դրական կամ բացասական գնահատականը (կարծիք գրելը բացառված էր): Իրականությանը համապատասխանում է, որովհետև հարցումն անցկացվել է ստուգարքից հետո (ստուգարք ստանալու հանգամանքով նա կաշկանդված չէր):

Հարցաթերթիկից ներկայացնում ենք սոսկ այն հարցերը, որոնք վերաբերում են մեթոդին:

Եվ այսպես. այն հարցին, թե առաջին տարին ի՞նչ սովորեցին հայերենից, ուներ պատասխանների հետևյալ տարբերակները.

ա)գրել-կարդալ,

բ)ուղղագրություն,

գ)բարձրացավ հայերենի իմացության մակարդակը,

դ)գիտակցվեց հայերենն իմանալու կարևորությունը,

ե)ոչինչ էլ չտվեց:

Այս պատասխանները դասավորվեցին հետևյալ կերպ.

1.ա)գրել-կարդալ-100%, (բացառությամբ մեկի, որը այլ առարկաներից էլ ուներ ցածր գնահատականներ),

2.դ)գիտակցվեց հայերենն իմանալու կարևորությունը-80%,

3.գ)բարձրացավ հայերենի իմացության մակարդակը-60%, (այս հարցին պատասխանելիս ավելի շատ նկատի է առնվել բառապաշարի հարստացումը, բանավոր խոսքը, կապակցված խոսքի կազմումը),

4.բ)ուղղագրություն-43%,(այս հարցի պատասխանի ցածր տոկոսը պայմանավորված է դասախոսի՝ ուսանողների իմացությանը տված գնահատականով, քանի որ թեև ուղղագրությունը պարտադիր ծրագրի նյութ է և անցել են, բայց ուսանողների միայն 43 տոկոսն ունի լավ արդյունք, մնացածն աշխատելու և անընդհատ նյութը վերանայելու կարիք են ունենալու: Իրենք էլ դա զգում են):

5.ե)ոչինչ էլ չտվեց-0%:

Հայերենի դասավանդման մեթոդների ընտրությանը վերաբերող հարցին ուսանողների պատասխանները բաշխվեցին հետևյալ համամասնությամբ.

1.ինտերակտիվ մեթոդները (գործնական խաղ, մրցույթ, իրավիճակի վերլուծություն, ռեֆերատ)-52%,

2.ուսուցման ավանդական ձևերը (դասախոսություն, տնային հանձնարարություն, թեման ամփոփող գրավորներ…)-45%,

3.երկու պատասխաններն էլ ընդգծել էին-2%,

4.չէին պատասխանել(հավանաբար չէին հասկացել)-1%:

* * *

Ամփոփենք: Հայերենի արագացված ուսուցման այս մեթոդը, պահպանելով հիմնական սկզբունքները, իր մոտեցումներով ուսուցման ժամանակակից մեթոդներից է, ունի հեռանկար և համոզված ենք՝ առաջիկայում նս կմշակվեն համանման այլ մեթոդներ, կկատարելագործվի եղածը, քանի որ ուսուցման յուրաքանչյուր նոր տարի նոր խնդիրներ է առաջադրում: Մի բան միայն պարզ է և արդեն փորձով հաստատված: Այն է, որ հայերենի արագացված ուսուցման այս մեթոդը բոլոր իրավիճակներում սկզբունքային փոփոխություններ չի կրում, մեթոդի գաղափարախոսությունը մնում է նույնը և մեթոդը դասավանդողին լայնորեն հնարավորություն է տալիս ստեղծագործաբար անցկացնել դասերը: Պակաս կարևոր ցուցանիշ չէ արդյունավետությունը: Միայն մեկ ուստարում համալսարանի 52 ոչ հայախոս ուսանողներից 50-ը հաջողությամբ հաղթահարել են իրենց ներկայացված պաշարը և հաջորդ ուստարին նրանց համար կլինի հայերենի ուսուցում՝ մասնագիտական բառապաշարի, տերմինների, կապակցությունների շրջանակում:

Թե որքանով դա արդյունավետ կլինի, ցույց կտա ժամանակը:

È Í ÒÅ Í ÑÈÂ Í Î Å Î ÁÓ×Å Í ÈÅ ÀÐ Ì ß Í ÑÊ Î Ì Ó ßÇÛÊÓ Â ÂÓÇÅ

РЕЗЮМЕ

Ж. РОСТОМЯН

В 1990-х годах, перед РА стала задача сохранения армянского языка в нашей диаспоре. А для решения этой задачи нужно было создавать методику интенсивного обучения армянскому языку.

И вот с 1998 по 2004 год в разных школах г. Еревана внедрялась методика интенсивного обучения армянскому языку. Тогда результат был очевиден. Школьники не только научились языку, но и через один учебный год большинство из них перевелись в армянский сектор для продолжения учебы. В

2005-2006 уч. году эта методика экспериментировалась в Российско-армянском (Славянском) госуниверситете, так как сегодня здесь учатся не только студенты из Армении, но и такие, которые приехали из разных регионов СНГ и по понятным причинам не владеют армянским языком.

Данная статья о том, что было сделано за один учебный год, какие были проблемы и трудности и какими получились результаты в конце учебного года.

Можно констатировать, что за один уч. год студенты учились и читать, и писать, и разговоривать на армянском, научились некоторым грамматическим правилам и могут самостоятельно выражать свои мысли, как устно, так и письменно. В конце года, после зачетов был проведен опрос среди студентов и результаты опроса и комментарии нашли место в этой статье.

INTENSIVE TEACHING

Summary

Zh. Rostomyan

In1990-s Armenia set herself a task to reserve the Armenian language among the Armenians all over the world. One ought to have created the methodics of the Intensive teaching of the Armenian Language in order to solve the problem like that.

Sinse 1998 the methodics of the Intensive teaching of the Armenian language has been applied in different schools of Yerevan. The result was evident. The pupils not only learnt the language but in a year most of them were transferred to an Armenian sector to go on schooling.

In 2005-2006 this methodics was practiced in the Slavonic (Russian-Armenian) University as a lot of students from different countries of the Community of Independent States study there besides those from Armenia and they don’t master the Armenian language. This article is a report on what was done during one school year, what hardships and problems were on the way and what results were achieved at the end of the year.

The students learnt to read, write and speak Armenian in a year are able to express their thoughts both orally and in written form. At the end of the year the students were questioned the results of that questioning are reflected in this article.

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

Обзор международной научно-методической конференции «Проблемы романо-германской филологии: теория и методика преподавания иностранных языков”.

11-12 апреля 2006 года в Российско-Армянском (Славянском) государственном университете состоялась очередная международная научно-методическая конференция «Проблемы романо-германской филологии: теория и методика преподавания иностранных языков”.

В работе конференции наряду с представителями отечественной филологии приняли также участие ученые из США, Украины, Испании, Италии, Вьетнама и др. стран. В программу конференции были включены доклады по фонетике и фонологии, лексикологии, морфологии, синтаксису, социолингвистике, политическому дискурсу, а также по проблемам современной зарубежной литературы и методики преподавания иностранных языков.

Ректор РАУ А.Р. Дарбинян тепло приветствовал участников и организаторов конференции и пожелал им успешной работы.

Конференцию открыла заведущая кафедрой иностранных языков Российско-Армянского (Славянского) государственного университета А. Симонян. В своем выступлении А.Симонян отметила возрастающий интерес к изучению языков в современной действительности и подчеркнула необходимость проведения регулярных конференций с целью налаживания научных контактов, а также систематизации и обобщения результатов исследований, проведенных в области романо-германской филологии, сделав это достоянием широкого круга вузовских преподавателей.

С приветственным словом выступила также проректор ЕГЛУ имени В.Я. Брюсова Г. Гаспарян, которая в своем выступлении очертила круг приоритетных направлений современной лингвистики и освятила актуальные задачи его реализации.

Декан факультета романо-германской филологии ЕГУ К.М. Карапетян в своем выступлении отметил роль иностранных языков в условиях глобализации.

На пленарном заседании с докладами выступили предствитель Британского Совета в Армении г-н А.Кидуел и профессор Финикского университета США Маргарет Пирс.

Заведующая кафедрой английской филологии ЕГУ С.К. Гаспарян отметила, что вопрос понимания и перевода текста остается на сегодняшний день одним из актуальных. От того, как понят текст на языке оригинала зависит в конечном итоге, каким будет перевод. Гаспарян предложила и обосновала лингвистическую концепцию понимания текста. После обсуждения различных подходов к пониманию текста с позиций философии, психологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики докладчик рассмотрела семиологические характеристики средств языкового общения, принимая за основу системно-семиотический подход к тексту, ориентированный на выявление содержания и смысла текста, и предложила модель с разграничением материальной (неязыковой) и идеальной сфер, последняя из которых включает план содержания и план выражения знака.

На пленарном заседании с докладом выступила также заведующая кафедрой иностранных языков РАУ А.А. Симонян, которая подробно остановилась на проблемах политического дискурса в современной лингвистике. В частности, она отметила, что на современном этапе развития лингвистика, вероятно, должна по-иному взглянуть на то, что и как человек говорит. На протяжении веков язык и политика постоянно переплетались. Это взаимодействие раскрывает не только саму политику в целом, но и возможности человеческой речи.

Исследование политики в лингвистическом аспекте посредством дискурсивного анализа позволяет изучить взаимосвязь между государством и гражданским обществом. В свободном, демократическом обществе волеизъявление вербализуется в целую гамму смысловых оттенков. Политический лексикон образовывается на основе разных стилей и речевых жанров.

Слово политика может демонстрироваться в устной или письменной форме. И в зависимости от того, что является предметом лингвистического анализа, текст или речь, дискурсивный анализ текста в состоянии выявить определенные черты, характеризующие выступление политика. Как звуковое, так и письменное оформление дискурса направлены на достижение скрытых и явных политических целей говорящего, ибо, только создав у адресата ощущение добровольного восприятия чужой точки зрения, заинтересованности и удовлетворенности, оратор может добиться успеха.

11 апреля, в первый день конференции, состоялось 3 секционных заседания, основными темами которых были: 1)Современные проблемы лингвистики; 2) Теория перевода; 3)Современные проблемы романской филологии.

С.Варданян в своем выступлении остановилась на основных положениях современной риторики, в частности, на таких фонетических явлениях как четкость и ясность дикции. Автор отметила важность применения скороговорок как дикционных упражнений в преподавании фонетики английского языка, отметив при этом специфику проведения работы над скороговорками (знаки препинания, темп, правильность расстановки логических ударений), от которой зависит смысл скороговорки.

К.Велян в своем докладе выделил актуальную тему, относящуюся к гендеро-лингвистическому варьированию некоторых синтаксических конструкций в американском разговорном дискурсе. На материале произведения известного американского писателя-реалиста Дж. Селинджера "The Catcher in the Rye" он показал, какие именно разговорные конструкции типичны для речи лиц мужского пола, а какие для лиц женского пола.

Н.Микаэлян подробно останавилась на сопоставительном аналазе лексико-семантической пары to sleep – to be asleep. Автор считает, что особенности лексико-семантической пары to sleep и to be asleep, а также других аналогичных пар, противопоставляемых по признаку "действие – состояние", являются источником частых ошибок для изучающих английский язык.

А.Дживанян, проанализировав проблему риторики сказки, заострила внимание на том, что в сказке должна быть основа, которая давала бы знания общекультурного плана о речи и помогала бы овладеть коммуникативно-речевыми умениями, столь необходимыми для процесса восприятия. Риторика теснейшим образом связана с тем стержнем, который составляет суть сказки, она обязана способствовать раскрытию тех идеалов, к которым нужно

стремиться для формирования у аудитории взглядов, вкусов, идей, имеющих общекультурную ценность.

Доклады М.Саринян и С.Туманян вызвали особый интерес на секции по теории перевода. Рассматривая роль текста в процессе речевой коммуникации, М.Саринян остановилась на раскрытии понятия тема-рематической структуры текста и его смысловой стратификации (соотношение языкового, конкретно-контекстуального и имплицитного содержания), объясняя различие между пресуппозицией и импликацией и описывая различные виды импликативных связей и способы их воспроизведения при переводе. Особое внимание было уделено проблемам понимания текста на разных уровнях и вариативности передачи этого содержания в переводе.

С.Туманян в своем выступлении отметила, что вследствие отсутствия тождества, отношение между содержанием оригинала и перевода обозначается термином «эквивалентность». Поскольку важность максимального совпадения между этими текстами представляется очевидной, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода. Понятие «эквивалентность» также приобретает и оценочный характер. И поскольку эквивалентность является условием перевода, задача его заключается в том, чтобы определить то условие, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

12 апреля состоялось 2 секционных заседания: 1)Современные проблемы лингвистики, 2)Современная методика преподавания иностранных языков.

Л.Арутюнян в своем докладе остановилась на весьма актуальной теме «Широкое значение существительных с общесобытийной семантикой». В начале доклада автор дает подробное определение широкозначным словам в лингвистике и указывает, каким образом происходит сужение и наполнение объема значений слов с общесобытийной семантикой. Особое внимание было уделено разновидностям сем, структурирующим эти слова. Это категориальная, дифференциальная и потенциальные семы. Каждая из вышеуказанных сем рассматривается как в отдельности, так и во взаимодействии друг с другом.

В своем докладе Л.Бекарян отметила, что к большому количеству конфликтов можно добавить еще один аспект, на который до сего времени не обращали должного внимания. Этот аспект касается описания конфликтов в сети Интернет, в частности, проблемы соответствия между языком, используемым для описания реальности, и самой виртуальной реальностью. Конфликтные ситуации повседневной жизни приобретают новые формы, для описания которых предлагаются новые оригинальные решения.

Н.Товмасян руководила секцией по методике преподавания иностранных языков.

И.Гюлазян. остановилась на проекте, разрабатываемом экспертными группами Совета Европы, пакета документов под названием “Европейский языковой портфолио” (“European Language Portfolio”). Во всех материалах этого проекта особое значение приобретают идеи развивающего обучения, главной целью которого является формирование личностной активности обучаемых. Последнее обеспечивает активное отношение к знаниям, систематичность и настойчивость в учебном труде, положительные результаты и успешное непрерывное образование. “Портфолио” призван помочь изучающим иностранные языки самостоятельно определить достигнутый уровень, наметить дальнейшие шаги в изучении языка и более активно участвовать в учебном процессе.

Обобщая опыт проведенной работы, Н.Товмасян в своем докладе отметила, что важным фактором формирования постоянной потребности в самостоятельном совершенствовании речевых умений является создание ситуаций для самовыражения студентов. Такие ситуации возникают, если общение в учебной аудитории осуществляется в условиях полной психологической совместимости и комфортности, если преподаватель проявляет постоянный интерес к внеаудиторной деятельности студентов, если обучаемые поощряются к обмену впечатлениями и информацией об интересных книгах, передачах и т.п. Умение преподавателя заинтересовать, привлечь внимание, безусловно, стимулирует самостоятельную деятельность обучаемых, создает психологическую готовность к восприятию новой информации.

Подводя итоги конференции, заведующая кафедрой иностранных языков РАУ А.Симонян отметила, что, представленные на конференции доклады представляют картину динамических процессов, пронизывающих спектр проблем современной лингвистики и особо отметила работы молодых ученых, которые характеризуются современным подходом, глубиной осмысления исследуемых проблем. Симонян отметила огромный интерес, который вызвали доклады, посвященные различным актуальным темам лингвистики, теории перевода и методике преподавания иностранных языков.

Программа международной научно-методической конференции и тезисы докладов опубликованы брошюрой «Проблемы романо-германской филологии: теория и методика преподавания иностранных языков” -Ереван: изд-во РАУ, 2006.

Зав.кафедрой иностр.языков Симонян А.А.

На XVI Международной научной конференции "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы" (27-28 октября 2006 г.) в работе секции "Культурно-цивилизационный диалог России и Китая: путь к взаимопониманию" приняла участие аспирантка РАУ Е.И. Таирян с докладом "О доктрине информационно-психологического пояса безопасности Нового шелкового пути. "

Российская Академия Наук, Научный Совет РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая совместно с Институтом Дальнего Востока и Ассоциацией китаеведов РАН 27-28 октября 2006 г. провели в Москве XVI Международную научную конференцию "Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы": Россия и Китай: взаимное восприятие (прошлое, настоящее, будущее), приуроченную к 50-летию Института Дальнего Востока.

На конференции состоялся активный обмен мнениями по следующим направлениям:

- Взаимное восприятие России и Китая в контексте глобализации и международных отношений;
- Экономические аспекты сотрудничества России и Китая;
- Исторические и политические аспекты взаимодействия России и Китая;
- Культурно-цивилизационный диалог России и Китая: путь к взаимопониманию.

Можно выделить наиболее значимые выступления:

- к.и.н. Волохова А.А. Ин-т актуальных международных проблем Дипломатической Академии МИД РФ "Традиции и современность во внешней политике КНР"
- к.и.н. Давыдов А.С. ИДВ РАН "США-КНР: реальна ли "новая биполярность"?
- к.филос.н. Ларин А.Г. ИДВ РАН "К анализу взаимоотношений России и Китая с США в Центральной Азии"
- д.филос.н. Лукьянов А.Е. ИДВ РАН "Россия и Китай – Архетипический потенциал взаимопонимания и взаимодействия"
- к.филос.н. Ломанов А.В. ИДВ РАН "Китайский опыт формирования положительного образа страны: уроки для России"
- д.и.н. Переломов Л.С. ИДВ РАН "Роль конфуцианства в углублении взаимопонимания ценностных ориентиров России и Китая"

Системный анализ докладов и их обсуждений на конференции позволяет сделать следующие выводы.

В течение двух последних столетий доминантой развития человечества были ценности западной цивилизации. Достижения ее очевидны и не нуждаются в особых доказательствах. Однако столь же очевидны (с наших сегодняшних позиций) и те тупики, в которые заводит человеческое общество ее бесконтрольное развитие порождающее жесточайшие кризисы. Поэтому вполне закономерным представляется все более частое обращение представителей

западной цивилизации (также как и России) к многовековой мудрости Востока, а именно, к учению Конфуция.

В середине первого десятилетия XXI в. Китай и Россия встретились со сходными проблемами в области создания позитивного имиджа страны в глазах зарубежной аудитории. Несмотря на различия в политических системах, обе страны находятся на стадии перехода от плановой экономики к рыночной, что побуждает их искать свое место в мировом хозяйстве. Имеющееся сходство системных проблем, совпадение векторов развития (переход России от экономического спада 1990-х к подъему 2000-х на фоне длительного роста китайской экономики) и представлений о собственном геополитическом статусе обусловили общность проблем имиджа у обеих стран.

Во-первых, Россия и Китай столкнулись с необходимостью убеждать иностранные державы в том, что усиление их экономической мощи не представляет угрозы для сбалансированного развития глобальной экономики. Зарубежные критики упрекают Москву и Пекин за государственное вмешательство в экономику, призывают к ее либерализации и более широкому допуску иностранцев к ключевым отраслям (сырьевой сектор, банки, страхование и т.д.). В частности, нетрудно отметить сходство между зарубежными выступлениями с осуждением российских "манипуляций" ценами на газ и критикой в адрес Пекина за "манипулирование" валютным курсом юаня.

Во-вторых, обе страны претендуют на статус региональной державы. Китай стремится восстановить и расширить свое влияние в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), Россия - на постсоветском пространстве. В обеих странах заметна националистическая аргументация в пользу отстаивания исторически сложившейся роли регионального лидера. Соответственно, можно найти немало общего в зарубежных призывах к противодействию "имперским амбициям" Москвы и Пекина.

В-третьих, обе страны подвергаются иностранной критике за "не-совершенство" демократических политических институтов и "несоответствие" западным политическим "эталонам".

При этом западные политики полагают, что Китай медленно продвигается в "правильном направлении" (то есть к демократии западного типа), тогда как Россия выбрала "неправильный курс" отхода от демократии западного образца.

В-четвертых, обе страны выступают в современном мире как наследники уникальных национальных культурно-цивилизационных традиций, несходных с западным евро-американским наследием. Обеим странам приходится выслушивать стереотипные западные упреки за нежелание воспринять ценности либеральной демократии. Это побуждает обе страны объяснять внешнему миру, что несходство их ценностей с западными не ведет к конфликту и выступает важным элементом глобального многообразия цивилизаций.

В середине 1990-х реформирующийся Китай столкнулся с усиливающейся волной критики из-за рубежа, когда к негативным оценкам внутренней политики КНР добавились темы военной и экономической "китайской угрозы" мировому сообществу. В конце десятилетия в китайских публикациях ведущее место занимали контрпропагандистские выступления, направленные на критику зарубежных искажений образа Китая (опровержение теорий "краха Китая", "китайской угрозы", "экспорта Китаем дефляции" и др.).

В начале 2000-х годов Китай перешел от оборонительной реакции к целенаправленной наступательной работе по формированию позитивного имиджа страны. На современном этапе для обоснования позитивной специфики

китайского пути развития используются пропаганда уникальной успешной модели экономических реформ, гуманистические ценности традиционной конфуцианской мысли, планы "совместного развития" и "мирного возвышения", указывающего на отсутствие у КНР экспансионистских имперских устремлений. При этом пропаганда китайского пути реформирования централизованной плановой экономики зачастую строится на противопоставлении его российскому опыту, выбранному в качестве негативного примера, на фоне которого можно максимально выгодно продемонстрировать достижения КНР.

Китай становится все более активным игроком на мировой арене, развивая сотрудничество с другими государствами. Объясняя, что мир стал более сложным, и это диктует необходимость внесения корректив во внешнюю политику страны, сегодняшний Китай освобождается от установки на классовую борьбу на мировой арене. Китай хочет влиться в мировое сообщество, вписаться в глобальную систему международных отношений, он видит себя не только региональным лидером, но и участником глобальных процессов, участником переговоров между ведущими странами мира по формированию нового миропорядка, новой системы безопасности и сотрудничества. Специалистами эта тенденция обозначается как стратегическая и долговременная. В то же время, стали говорить о возможности пересмотра некоторых положений наставлений Дэн Сяопина[i] о руководящих принципах внутренней и внешней политики Китая, выдвинутых в 1991 г.(«Хладнокровно наблюдать, защищать свою позицию, невозмутимо решать проблемы, скрывать свои реальные возможности и выжидать подходящее время, сохранять сдержанность, никогда не заявлять о своих правах на главенствующую роль»)[ii].

Не пытаясь более скрыть или приуменьшить мощь страны, пропагандисты сосредоточили усилия на создании привлекательного образа сильного миролюбивого Китая, готового "поделиться" своим процветанием с другими странами и тем самым заинтересовать их в своем дальнейшем возвышении.

Одним из примеров возросшего влияния КНР в мировой политике, можно считать тот факт, что любое стратегическое решение уже не может быть эффективно осуществлено без неформального одобрения Китая. Так, если говорить о АТР, заместитель председателя КНР Цзэн Цинхун 22 апреля на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума-2006 заявил, что Китай является крупнейшей развивающейся страной, а Азия — крупнейшим развивающимся регионом. «Гармония и процветание Азии тесно связаны с Китаем». В области развития отношений с сопредельными государствами Китай, придерживаясь курса «делать соседям добро и быть их партнером», проводя политику «дружить, мирно сосуществовать и богатеть вместе с соседями», будет активно участвовать в региональном сотрудничестве и прилагать максимум усилий для поиска эффективных механизмов, обеспечивающих взаимную выгоду и общий выигрыш всем странам Азии[iii].

Китай накапливает опыт создания позитивного образа крупной развивающейся страны, не имеющей возможности строить пропаганду своей привлекательности ни на высоких показателях народного благосостояния, сопоставимых с западными, ни на заявлениях о приверженности западной модели политического устройства. Новый имидж Китая опирается на пропаганду успехов в области экономических преобразований и миролюбия национальной внешней политики, повышения глобальной привлекательности китайской культуры.

После прихода к власти Ху Цзиньтао в работе по формированию образа Китая появились новые акценты. Китайские теоретики все чаще обращаются к предложенному американским ученым Джозефом Наем понятию "мягкой силы" *(жуанъ шили/soft power),* подразумевающему использование "нематериальных властных ресурсов" культуры и политических идеалов в интересах влияния на поведение людей в других странах (в отличие от воздейст-вия с помощью "жесткой силы" оружия или денег). Китайские эксперты полагают, что предыдущие три десятилетия Китай одностороннее развивал "твердую силу" экономики, забыв о "мягкой силе". Сложнее всего им определить национальную специфику китайской "мягкой силы", которая не может копировать американские ценностно-идеологические стереотипы.

В течение работы конференции отмечалось, что в настоящее время, в период осуществления грандиозного правительственного проекта сближения России и Китая, тем более в 2006 г., объявленном официально «Годом России в Китае», лидерам обоих государств пора бы задуматься, что взаимодействие государств не может быть успешным без взаимного понимания психологической и культурной специфики народов, населяющих Россию и Китай.

---

[i] Китайский государственный деятель (1904–1997), в 1945 был назначен секретарем Коммунистической партии Китая. В 1952, после победы коммунистов, Дэн был назначен вице-премьером, а в 1954 генеральным секретарем КПК. Санкционировал жестокое подавление беспорядков в Пекине, начавшихся после смерти Ху Яобана в апреле 1989. Умер Дэн Сяопин в Пекине 19 февраля 1997.

[ii] Цзычэн Е. Большая стратегия Китая: главные проблемы на пути становления Китая как великой мировой державы и стратегический выбор (пер. В.П.Федотова) // Мирное возвышение Китая: проблемы и перспективы. Экспресс-информация №2 / ИДВ. М., 2006. С.25.

[iii] Газета "Жэньминь Жибао", russian.people.com.cn 24.04.2006